
LE MESSENGER

ВЕСТНИК

русского христианского
движения

Париж – Нью-Йорк – Москва

Ответственный редактор

НИКИТА СТРУВЕ

Секретарь редакции

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВА

Редакционная коллегия:

прот. Николай Озолин, Н. Струве,
Т. Викторова, Д. Струве (Франция),
О. Раевская-Хьюз (США), В. Александров (Венгрия),
прот. Владимир Зелинский (Италия),
Е. Барабанов, Ю. Кублановский,
Н. Ликвинцева, Б. Любимов, Е. Майданович,
В. Никитин, О. Седакова (Россия), К. Сигов (Украина)

От редакции

Самая упорная борьба всей моей жизни была за свободу Церкви. Светлая дорогая душе моей идея... Я боролся за нее со всеми, кто хотел наложить на нее руку, не отступая перед тем, откуда угроза надвигалась, справа или слева, от чужих или от своих.

Митрополит Евлогий. Путь моей жизни (Paris, YMCA-Press, 1947, с. 653)

Мы уже не раз писали в «Вестнике» об удивительном образе Римского папы Франциска, в год избрания — малоизвестного 76-летнего иезуита, аргентинца итальянского происхождения, который взялся за труднейшую, но насущную, пророческую задачу: раскрепостить многомиллионную Римо-католическую церковь, избавить ее от окостенелости в области управления (доведенного в 1879 году до безумного догматического определения о непогрешимости Папы, впрочем, фактически не применяемого), в проблеме утверждения необходимости целибатного духовенства и во многих нравственных вопросах, например, о недопущении разведенных лиц к таинствам Церкви. Раскрепощение это дается нелегко, но в народе Божием вызывает огромное сочувствие. Как выразился журналист французской газеты «Фигаро»: «удалось же ему за несколько месяцев воскресить христианство!» Не благодаря ли тому, что данный Папа, знаменательно избравший себе имя в честь великого святого Франциска Ассизского, взял себе за правило слова другого великого святого, святителя Амвросия Медиоланского (340–397), почитаемого как православными, так и католиками: «Где проявляется милосердие, там Христос. Где суровость и строгость, там могут быть его служители, но нет Христа».

Православие в таком радикальном и централизованном раскрепощении не нуждается. Несмотря на свою относительную малочисленность по сравнению с католичеством, оно состоит из равных между собой независимых «автокефальных» церквей, сложившихся в разные времена. Более того, православие соборно в самой своей сути: соборность — основное догматическое определение церковного строя.

Римская церковь утратила это значение соборности, отождествив «кафоличность» церкви с одним географическим распространением по всей вселенной. Не нуждаясь в радикальном раскрепощении, православные церкви тем не менее были и остаются подвержены искушению, выраженному так емко св. Амвросием: не церковь как таковая, а именно «слушатели» ее, среди них могут быть и миряне, и священники, и в первую очередь епископы, которые неправильно понимают свою власть. Московская Патриархия фактически отказалась от Московского собора 1917 г. Епископы не избираются церковным народом и перед ним не отчитываются, что позволяет иным из них на местах проявлять недолжную власть, принимая несправедливые и жестокие меры по отношению к своим подчиненным.

Исполняется в этом году 25 лет со дня убийства протоиерея Александра Меня, едва ли не самого выдающегося священника, миссионера и богослова последнего периода советского времени. Убийство его осталось, увы, нераскрытым, но можно справедливо предположить, что дерзновенное, подлинно христианское слово о. Александра Меня было неудобно для многих. А недавно исполнилось два года со дня убийства другого замечательного священника, о. Павла Адельгейма (убит 5 августа 2013 г.), оболганного и затравленного местным псковским епископом. В своей веской книге «Догмат о Церкви» (которую следовало бы давать читать всякому клирику, мечтающему о власти), о. Павел предвидел свою участь: «У меня немного надежды быть услышанным. К свидетелям бывает разное отношение. Изредка им внимают. Чаще убивают, как пел когда-то В. Высоцкий: “Провидцев, как и очевидцев, во все века сжигали на кострах”».

Также недавно (25 апреля 2014 г.) скончался в опале еще один замечательный священник, Михаил Шполянский, чей приход в предместье города Николаева собирал сотни прихожан, но которого архиерей без всякой причины и без всякого суда лишил настоятельства и отстранил от церковной работы. Подобно св. матери Марии Парижской, о. Михаил отличался особой заботой о брошенных и несчастных детях...

К сожалению, тяга к власти коснулась и Православной церкви на Западе, не только московской ее части, но и нашей Западноевропейской Архиепископии. Новым архиеписко-

пом Иовом Гечей, пришедшим на кафедру в конце 2013 г., нарушен ее Устав, упразднен фактически Епархиальный совет, из священников некоторые ограничены в своей деятельности, иной без суда отлучается от служения, буквальное следование «канонам» возведено в устрашающее законничество, и это — при постоянном нарушении церковных правил... Еще трудно предвидеть, чем все это кончится, но уже очевидно, что курс, взятый нынешним управлением, входит в полное противоречие со всем прошлым нашей Архиепископии, созданной митрополитом Евлогием, и с тем духом свободы, который он нам завещал и который хранили до сих пор все его преемники.

НИКИТА СТРУВЕ

Передовица была уже набрана, когда мы узнали, что Священный Синод Константинопольского Патриархата на своем заседании 7 ноября решил, отвечая на просьбу многих членов Архиепископии, священников и мирян, отставить архиепископа Иова Геча от управления Архиепископией, назначив его представителем Вселенского патриархата при Мировом совете церквей в Женеве.

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

Из наследия митрополита Антония Сурожского

Митрополит Сурожский Антоний

Общественное богослужение^{*}

Я только что участвовал в съезде, где обсуждались принципы, которые должны быть главными при выстраивании общественного богослужения, и где мы пытались эти основополагающие принципы определить¹. Сегодня я хотел бы поделиться с вами некоторыми результатами этих дискуссий. И сами дискуссии, и выводы — совершенно неофициальные, так что вся ответственность за мои слова и за то, что в них неверно, лежит на мне.

Прежде всего, совершенно ясно, что на Западе сейчас глубокий кризис веры, молитвы и, в частности, общественного богослужения. Причины этого различны. Во-первых, литургические формы и литургические молитвы, которые

^{*} Выступление на съезде Содружества св. Албания и преп. Сергия 23 ноября 1973 г.

существуют в христианстве сегодня, были выкованы много столетий тому назад, и, принимая в учет изменения в языках, в значении слов, изменения в образности, неудивительно, что для людей многие молитвы и последования часто не соответствуют их молитвенному чувству, тому, как они воспринимают богослужение и хотели бы выражать его.

Другая причина, связанная с первой, но которую, мне кажется, можно рассматривать как самостоятельную, в том, что культуры сменялись, а общественное богослужение, опять-таки, его образы, словесное выражение, этос в большой мере зависят от культурного фона. Некоторые вещи понятны в рамках одной системы и менее понятны, а то и вовсе непонятны, в рамках другой. Помню (хотя это очень мелкий пример), насколько я был поражен тем, что встретил в Индии лет 12–13 назад². Я обошел христианские храмы в Нью-Дели. Набрел на храм баптистов из Уэльса, которые пели про зеленые уэльские долины. Нашел лютеран из Гамбурга, которые хором воспевали германские ели. Но ни один человек из там находившихся и глазком не видел зеленую долину, тем более в Уэльсе, или ель, тем более гамбургскую, просто потому что местность, где все это происходило, сухая, безлесная, зелени там нет. Они просто следовали жизненной установке, «литургической» традиции, которая принадлежала совершенно другой ситуации. Меня это прямо-таки потрясло, мне показалось совершенной ложью, что люди используют в своих песнопениях и молитвах образы, которые не соответствуют ничему в их собственном опыте. Это относится и к культуре на другом уровне, не к гимнам, не к тому, что люди видят или воспринимают вокруг, а к самой культурной сути их жизни.

Есть, возможно, еще другая причина, почему богослужение представляет трудности. Мне кажется — и это сугубо личное мнение, ответственность за которое не следует возлагать ни на мою Церковь, ни на кого-то еще, — что какой бы духовной традиции мы ни принадлежали, мы разрабатывали только один из двух возможных богословских подходов к богослужению, к Богу, к самой молитве. И я думаю, что это не единственный возможный подход.

Если взять византийскую традицию, которая мне близка, которую я знаю довольно хорошо, мне кажется, что в

православном богословии есть моменты, которые не были использованы литургически. Скажем, у нас есть богословие тайны. Есть богословие безмолвия. Есть богословие, которое мы называем апофатическим, где мы воздерживаемся не только от суждения, но даже от богословского утверждения. Это богословие можно определить даже не как «отрицательное» богословие, потому что отрицание — такое же позитивное действие, как и утверждение. Это богословие ожидания, надежды, которое сосредоточено на эсхатологическом развитии, т. е. на ожидании того, что будет, но что пока недостижимо нашему пониманию и знанию, хотя до известной степени мы уже причастны этой тайне будущего века. Я все больше думаю, что в конечном итоге Церковь может создать, т. е. не назначить комиссию, а найти среди собственного богатства, в глубинах собственного опыта, другие пути выражения того же содержания, другие подходы к тайнам. Мне кажется, вполне можно представить себе глубокие перемены в литургическом подходе или в литургическом выражении, не в категориях просто легкой чистки или приспособления сегодняшней практики к тому, что считается лучшим способом просто потому, что он более древний, а в настоящем *aggiornamento*³ — не к прошлому, потому что оно ближе к времени Христа, и не к настоящему, потому что оно принадлежит нам, мы больше с ним знакомы и погружены в него; нет, приспособления к единственному Дню Господню, который должен быть главным в опыте христианского мира, к собственному Дню Господню.

Все это было сказано в качестве введения, чтобы обозначить проблему.

Когда мы думаем о литургическом выражении, нам следует определить, что в Церкви может иметь место и чему в Церкви места нет. Говоря резко, очень просто, я сказал бы так. В каждом из нас есть как бы три человека. Один — уже член Тела Христова, какая-то наша часть уже причастна тайне Божией, активно, сознательно участвует в тайне спасения, охвачена ею. С другой стороны, в каждом из нас есть грешник, нуждающийся в спасении, сознающий свою нужду; и благодаря покаянному настроению, поскольку мы обращаемся к Богу в сокрушении сердца, обращаемся к Нему, потому что один Он может даровать спасение, этот грешник также

причастен тайне спасения. Но в каждом из нас лично — и, я бы сказал, во всех христианских обществах — есть неискупленный язычник. В каждом из нас есть нечто не только еще не преображенное, не пронизанное, не охваченное Богом, не только не обратившееся к Богу с надеждой, с ожиданием, с верой, из глубины вызывающее о спасении, но есть и удовлетворенный собой язычник, который считает, что целый ряд вещей, совершенно несовместимых с Евангелием, тем не менее, имеет право на существование в нашем опыте, личном или коллективном.

И мне кажется, можно для начала сказать, что и в частной молитве, и в общественном богослужении есть место всему, что в нас уже принадлежит Царствию или устремлено к Царствию и готово ради него отбросить, отказаться от того, что противно ему, всему, что несовместимо со Христом, с действием Святого Духа, с нашим призванием быть детьми, сыновьями и дочерьми Живого Бога. Однако той области в нашем опыте, которая еще не обращена к Богу, которая еще должна быть пронизана силой Божией и которую мы не обращаем к Нему, потому что оставляем себе право быть чуждыми Царствию (не богословски, а жизненно, на деле), нет места ни в частной, ни в общественной молитве. Это означает, что всякий раз, когда мы стоим перед Богом, есть то, что законно может находиться в Божием присутствии, и есть то, что не может. А когда речь идет об общественном богослужении, т. е. о молитве христианской общины, тогда еще более радикальным образом, чем при частной молитве, целая область нашей жизни оказывается осужденной и не имеет права на самовыражение.

Я говорю сейчас не о способах выражения; лично я не вижу коренного отличия между использованием органа или гитары; дело не в этом, гитара не более языческий музыкальный инструмент, чем орган. Я говорю о чем-то внутренне нам присущем, а не о способах выражения.

Если несколько углубиться в этом направлении, можно, мне кажется, для начала осознать три момента относительно Церкви в ее богослужении. И когда я говорю о церковном богослужении, я не имею в виду только молящуюся общину, я имею в виду каждого молящегося христианина. Потому что человек всегда молится в своем качестве христианина, а

не как отдельное лицо, будто его действия, его молитва или отсутствие молитвы не касаются всего Тела церковного в целом.

Во-первых, Церковь не просто человеческое общество, общество людей, собранных воедино Господом, внимающих Его заповедям, стоящих перед судом Его слова, постоянно или время от времени устремленных к Нему. Как ни идеально наше видение такого человеческого общества, это еще не Церковь — Церковь больше этого. Церковь одновременно и равно общество человеческое и Божественное. Не только человек является членом этого общества, Бог до конца и неотъемлемо включен в тайну Церкви. И если бы мы больше это осознавали, то мы также понимали бы, что позволительно и что недопустимо для общества, интегральной частью которого является Бог.

Каким образом человек является частью Церкви? Каким образом Бог является частью Церкви? У меня нет лучшего слова, чем «часть», но, может быть, лучше было бы употребить слово «со-участник», потому что нет разделенности, деления на части, невозможно различить долю участия одного, долю участия Другого. Человек является частью Церкви — это понятно. Каждый из нас, кто услышал зов Божий и отозвался на него, обратился к Богу за действием, которое сделает его членом Церкви, умер со Христом в Крещении и восстал с Ним в Крещении, принял дар Святого Духа, причащается Телу и Крови Христовым — каждый таковой является человеческим членом Церкви. (Мы сейчас рассмотрим еще другую оценку таких «со-участников».) Но помимо нас, видимых и явных членов Церкви, есть один Человек, Член Церкви, Который вместе с тем стоит отдельно в Своей единственности; Он — основание того, что мы принадлежим Церкви: это Господь Иисус Христос, Которого мы исповедуем истинным Богом и истинным Человеком. Христос, Первороденный из мертвых; Христос, первый Член Церкви, ее Глава. Христос в Своем человечестве принадлежит Церкви людей, с одной разницей: Он подлинный Человек в двух значениях этого слова. С одной стороны, Он подлинно стал человеком, Его человечество — не видимость, Он действительно и подлинно воспринял наше человечество. Но Он свободен от греха; Он — единственный

среди людей подлинный Человек в том смысле, что обладает полнотой человечности, человечества. Каждый из нас по сравнению с совершенством, полнотой человечества Сына Человеческого — меньше, чем человек. В этом смысле в Церкви мы можем видеть и опытно знать два рода человечности: нашу, раненную грехом и в процессе спасения; и Его, свободную от греха, совершенную, гармоничную, достигшую полной своей меры, к которой мы привиты ради того, чтобы по собственной готовности стать подлинно людьми, настоящими мужчинами и женщинами и вместе с Ним вырасти в то единство, которое Павел называет Телом Христовым, которое Писание называет Новым Адамом, человечеством, восстановившим свое единство, полноту не только количественно, но в полной мере своего призвания.

С другой стороны, мы знаем из Писания, что полнота Божества обитала во плоти в Лице Христа (Кол. 2, 9); мы знаем, что Святой Дух был дарован нам в Пятидесятницу и в том таинственном событии, которое описано в конце двадцатой главы Евангелия от Иоанна⁴. Тогда Христос даровал Свой Дух всем Апостолам в их единстве, не каждому лично: всем им в их общности и единстве. Мы также, во Христе и силой преобразующего Духа, находимся в совершенно новых отношениях с Богом, Который вне Христа явлен как Творец и Судия; во Христе мы знаем Его как Отца.

Все это означает, как я уже сказал, что Церковь одновременно и равно человеческая и Божественная: человеческая не только в нас, но и во Христе; Божественная во Христе, в Духе, в Отце, но и в нас, поскольку само таинство Крещения, дарование Святого Духа соединяет нас с Господом Иисусом Христом и с Духом так, что постепенно, в разной мере, но подлинно мы становимся, по слову апостола Петра, причастниками Божественной природы (2 Пет. 1, 4). В этом отношении Церковь является, как говорится в Символе веры, предметом веры. Потому что за видимым, за тем, что очевидно: человеческое общество людей, предмет исторического, психологического, социологического изучения, — есть вся тайна Церкви, ее настоящая, подлинная природа, которая недоступна никакому историческому, психологическому, социологическому подходу, поскольку в ней — полнота Божества; а полнота Божества — измерение, которое не мо-

жет быть охвачено ни историей, ни социологией, ни психологией. И, однако, между одним и другим аспектами Церкви нет полного разрыва. Воплощение Слова Божия, то, что Сын Божий стал Сыном Человеческим, внесло в историю новую ситуацию. Бог уже не находится как бы вне истории человечества, вне становления человека. Во Христе в исторический процесс навсегда вошло новое измерение, оно уже неотделимо, неискоренимо, — измерение Божественной безмерности, Божественной трансцендентности, подлинно Божественное измерение. С Воплощения история мира и в частности история Церкви уже не заключена в двухмерной системе времени и пространства, она обладает третьим измерением Божественного присутствия. И через Воскресение и Вознесение Господа историю человечества можно видеть не только в предчувствиях, в видениях, в неясных знаках исторического процесса. Она явлена и очевидна, потому что человек в Лице Христа отныне восседает одесную Славы, и если мы хотим знать, что такое человек, достигший своей полноты, мы можем возвести очи к Престолу Божию и увидеть реальное осуществление того, что имеет в виду святой Ириней Лионский, когда говорит, что слава Божия, сияние Божие — это полностью осуществленный человек. Для православного и для католика есть еще одно Лицо, в котором мы видим осуществление истории, тварное существо, которое осуществило все, что возможно для твари, — Мать Божию в Ее Воскресении и Вознесении.

Вместе с тем, есть в Церкви другой аспект, на который я уже указывал. Мы одновременно и дома, и в пути. Мы спасены — и в процессе спасения. Все для нас уже свершилось и дано, и, однако, мы еще должны вырасти в меру предложенной нам тайны. Человек не только принадлежит Телу Христову, не только является местом селения Святого Духа, но одновременно — грешник; таковы мы, каждый лично и все вместе, не как Церковь, а как человеческое общество, Адам, человек, человечество.

Говоря о Церкви, святой Ефрем Сирин в VI веке сказал, что она — не собрание праведников, а толпа кающихся грешников. И определяющее слово здесь, благодаря которому эта толпа, несмотря на грех, составляет Церковь, — «кающихся». Невозможно принадлежать Церкви, если нет этого покаян-

ного отношения, *метанойи*, отношения, когда мы обращиваемся к Богу и оцениваем все с Божией точки зрения, вводим в ситуацию Божие суждение. Если наше отношение не такое и в той мере, как наше отношение не такое, в нас еще есть область, которую я определил как область языческую, область самоуспокоенного язычника, который еще не ощутил, что нуждается в спасении. И я думаю, даже особо не углубляясь в эту тему, каждый из нас знает, что в нас есть это сопротивление спасению, сопротивление Богу. Об этом говорит апостол Павел, когда пишет, что видит в себе два противодействующих закона — закон Божий и закон плоти, что в нем есть ветхий Адам, который желает тленного, и новый Адам, человек духовный⁵.

Все это следует учитывать, когда дело касается молитвы, личной или общественной. И Церковь должна, с одной стороны, выражать непреложность присутствия Божия и несомненный факт: Бог стал человеком, чтобы спасти нас, мы действительно объаты Божественной силой, уже являемся, пусть несовершенными и недостойными, членами Тела Христова, храмами Святого Духа; наша жизнь подлинно сокрыта со Христом в Боге (Кол. 3, 3), мы подлинно, хотя еще зачаточно, стали участниками Божественной природы. Из этого следует, что Церковь в таком своем качестве обязана провозглашать абсолютную Божию истину, быть вызовом от Бога, быть собственно Божиим действием в мире, — включая ту сторону в нас, которая еще принадлежит миру. С другой стороны, поскольку Церковь отчасти еще принадлежит миру, отчасти еще не искуплена — не в том смысле, будто Христос ее не искупил, но в том смысле, что мы еще не усвоили себе тайну искупления, — постольку мы должны стоять перед Богом, Которой так бесконечно близок нам, осознавая, что мы все еще отделены от Него. Быть грешником в первую очередь (если не исключительно) означает разделение: отделенность от Бога, отделенность от ближнего. Это разделение может проявляться очень по-разному, но в основе своей это и есть грех: я лгу, я краду, я так или иначе поступаю против моего ближнего и против моего Бога. Все это следствия нашей разделенности, того, что я не признаю, что мы едины, будь то с Богом, будь то с ближним: самые мои поступки нас разделяют. Провозглашать это — не толь-

ко право, но и обязанность Церкви: смиренное исповедание недостойнства⁶, общее или частное исповедание грехов, вся ситуация, когда, несмотря на то что мы свои в доме Божиим, мы осознаем свою неверность, свои многочисленные и различные измены, сознаем, что все еще не отзываемся на то, что в основе признали за истину и правду, за жизнь и вечность.

Обозначив все это, теперь перейдем к двум аспектам церковного богослужения. Церковь осознает двойственность: с одной стороны — это вечность, просто потому что наше положение по отношению к Богу принадлежит вечности; с другой стороны, Церковь видит время и весь временной процесс становления, можно сказать: тайну становления. И богослужение, как и частная молитва, вовлекает нас во взаимоотношения с вечностью и с временем. Это, возможно, звучит сложнее, чем есть на самом деле. Вся наша жизнь протекает во времени. Все молитвы, которые затрагивают жизненный процесс и наше положение во времени, участвуют в освящении времени, вовлекают время в тайну спасения, в область Божию. С другой стороны, Бог уже теперь присутствует в Церкви, и то, и другое, как ни парадоксально, совершается одновременно.

Возможно, связь между тем и другим раскрывается в понятии эсхатологии. Слово «эсхатология» греческого происхождения и указывает на две параллельные ситуации: с одной стороны, случилось что-то решающее; с другой — этому решающему событию еще предстоит проявиться в полноте. Христово дело спасения решающее, к нему невозможно ничего добавить; тем не менее, наше личное спасение еще в процессе. Все уже дано, но мы должны вырасти в полную меру дарованного и деятельно воспринять дар. В область спасения не входят никаким механическим приемом. Это — взаимоотношения, и, следовательно, касается нас в такой же полной мере, как Бога.

Так что это — аспект вечности. Он выражается в литургических категориях, прежде всего в Евхаристии, затем в церковных Таинствах. В обоих случаях совершается действие Божие, которое ставит нас перед лицом новой ситуации. Материальная основа таинства — хлеб, вино, вода, елей — и люди, участвующие в таинстве, на короткий период оказыва-

ются в вечности. В этом, может быть, существенное значение того, что при совершении любых таинств, явно или неявно, более или менее явственно мы призываем Святой Дух: приди, соверши... Эпиклезис Литургии, тайносовершительный эпиклезис — не просто способ совершить некое действие. Присутствие Святого Духа вносит измерение будущего мира. Присутствие Святого Духа — не просто присутствие во времени того, что принадлежит вечности: вечность врывается во время. Это, я думаю, одно из главных свойств церковных таинств. В рамках исторического времени хлеб не может стать Телом Христовым, вино не может стать Кровью Христовой, воды Крещения не могут исполниться, по выражению богослужения, «ангельской силой»⁷. Это неосуществимо, потому что невозможно заставить материю стать тем, что она не есть. Только потому что эсхатологически будущее уже настало, Царство Божие уже пришло в силу, — то, что будет явлено в будущем веке, в дарованной нам Божией вечности, становится реальностью в пределах истории. Но это — вторжение вечности, а не насильственное действие со стороны Бога, которое навязывает веществу, принадлежащему времени и материи или человеческой жизни — чуждую времени ситуацию. Я думаю, что это очень важно, потому что это эсхатологическое измерение, которое в Литургии определяется грамматически бессмысленными словами: «Ты <....> нас на небо возвел еси, и Царство Твое даровал еси будущее»⁸, говорит о чем-то, что составляет самую суть ситуации. Благодаря присутствию, сходу, вселению, силе Святого Духа Царство Божие, реальное, действенное, преображающее, настало уже сегодня. Время разверзлось, расширилось настолько, что вмещает вечность, потому что вечность не временная категория: вечность — присутствие Бога Самого, собственная Божия жизнь, собственное Божие действие.

Так что в Литургии, в совершении Евхаристии, в совершении таинств Церковь опытно, осознанно переживает событие, которое принадлежит будущему веку. Это уже сейчас, в пределах истории, момент вечности: Божественное присутствие врывается; совершается то, что в полноте будет явлено позднее.

Из этого следуют выводы. С одной стороны, священник понимает, что не он совершает то, что ожидается, не в его

силах совершить то, чего мы ожидаем. Это очень ярко проявляется в словах (я неоднократно их уже цитировал в разных случаях), которые дьякон обращает к священнику при совершении Евхаристии, в тот самый момент, когда священник вот-вот начнет таиносовершение. Община собралась, священнослужители облачились, хлеб и вино приготовлены, и в момент, когда священник готов произнести первый возглас, дьякон говорит ему: «Время сотворити Господеви». Все, что можно было сделать по-человечески, приготовлено. То, чего мы теперь ожидаем, превосходит человеческие силы, потому что в человеческих руках это было бы лишь магическим действием, а это прямо противоположно тому, чем является таинство, чем является путь спасения. Преображение хлеба, вина, воды — именно дело преобразования, когда Бог высвобождает материальный мир, представленный этим хлебом и вином, этой водой, этим елеем, от порабощения и ограничений, которым грех, человеческий грех подверг его. Это момент освобождения, момент, когда уже теперь, в пределах времени, благодаря тому, что Царство Божие пришло, настало во всем своем величии, вечности, в полноте Божия присутствия, вещество может быть тем, чем оно станет, когда все достигнет своей полноты, исполнения.

Другой вывод также звучит как вызов нам. Мы совершаем Божественную Литургию с готовностью, но, возможно, порой с недостаточным пониманием. Можем ли мы перед лицом всего ужаса истории, всех страданий, всей жестокости, всего, что мы так остро осознаем, повернуться к Богу и сказать: «Благодарим Тебя, Господи, за все, — все, что когда-либо было в человеческой истории, что ее составляет, что в ней будет, за все судьбы тварного мира»? Если под этими словами мы подразумеваем: «Благодарю Тебя, Господи, за то, что страдают другие, не я!», это кощунство. Если мы можем произнести эти слова легкомысленно, забыв о чужом страдании, мы недостойны находиться там, где стоим. Мы можем произнести эти слова, только если осознаем не только воображением, не только в мечтательном самообмане, но опытно знаем через молитву и общую жизнь с Богом, что все уже достигло полноты, все трагедии уже разрешены и что слова мучеников Божиих в книге Откровения: *Ты был прав, Господи, во всех путях Твоих*⁹, — звучат уже сегодня в рамках истории,

потому что они выражают опыт вечности и свидетельство тех, кто вслед за Христом сами стали присутствием вечной жизни в мире, — святых. Мы можем приносить Евхаристию, великое благодарение о всем и за всех, только потому и поскольку мы осознаем это эсхатологическое измерение, если действительно обладаем уверенностью веры, что то, что сейчас является дисгармонией, уже зачаточно, но реально разрешено в победе Божией, которая есть спасение человека и преображение мира. Иначе мы произнести эти слова не можем.

И это приводит меня к последнему пункту относительно этих основоположных принципов. Роль Церкви, место Церкви — освящать все тварное, ввести в историю измерение трансцендентности, т. е. спасающее и преображающее присутствие Божие. И достигать этого она должна, не только призывая Бога прийти и проявиться, но становясь сама, в каждом своем члене и в своей полноте, эсхатологическим присутствием, присутствием вечной жизни, уже дарованной и воспринятой. Как Христос излил Свою жизнь, так и Церковь призвана поступать вслед за Ним. Призвание Церкви — освящать все тварное, потому что все призвано стать таким, чтобы Бог был *всем во всем*¹⁰. Чудо, которое уже теперь касается материальной основы таинства — хлеба, вина и проч., — это чудо однажды охватит, исполнит, преобразит весь видимый мир, в котором мы живем.

Когда мы обращаемся от этих принципов к практике, мы видим, что Церковь применила свое богословское видение для того, чтобы выстроить литургические действия, будь то в частной молитве или в общественном богослужении. Однако тайна Божия присутствия, тайна общения человека с Богом, тайна тварного мира, который только мы можем видеть во всем величии его призвания, показывают нам, что этот опыт можно проживать и выражать различными способами. Какие-то пути были найдены, но они не единственно возможные. Но если мы хотим мыслить в категориях других путей, они не могут быть придуманы за письменным столом в кабинете, они должны вырасти из более широкого, более глубокого, нового и все обновляющегося опыта Церкви Божией. А мы, как мне кажется, еще не достигли этого момента.

Ответы на вопросы

Поясните, пожалуйста, свои слова о том, что грех, греховность присутствует в Церкви.

Сказанное о грехе в Церкви имеет два аспекта. Один — то, что каждый из нас грешник в процессе восстановления, а такое наше положение подразумевает, что в ходе этого процесса каждый из нас грешит. А второй мне представляется хуже, потому что он не сосредоточен на Боге, не обращен к Богу. Это я пытался передать, когда говорил, что в каждом из нас есть неискупленный язычник, вполне удовлетворенный своим состоянием; он не стоит перед Божиим судом и с радостью привнес бы в Церковь то, что не принадлежит ни области славы Божией, ни раскаянию грешника; тем самым он только самоутверждается самым языческим образом. В обоих случаях грех, губительный грех присутствует в Церкви. Он не может уничтожить ее основоположную и подлинную реальность, потому что она за пределом такой возможности, она укоренена в Боге и в тех, кто остается верным. Но есть и другая сторона.

Если я правильно понял, вы ожидаете совершенно новых форм богослужения, не просто «модернизации», приспособления старых форм?

Я имею в виду совершенно новые формы. Разумеется, я не предполагаю, что кто-то сядет и на основании того или другого аспекта богословия продумает изящную новую форму совершения Евхаристии. Но я думаю, что в недрах Церкви могут быть другие формы, чем наличествующие сейчас. Это вполне очевидно, если вспомнить, что ранняя Церковь знала большое разнообразие чинопоследований совершения даже Евхаристии. Основания византийского обряда и западного обряда были очень разные; конечно, не совершенно разные, но они выражались очень различно, и, мне кажется, различия могли бы быть еще больше. Но тут я выражаю только собственное мнение. Например, я думаю, что византийская Литургия выражает христианскую веру своим чрезвычайно богатым и подлинным способом, но византийская Литургия не оставляет места молчанию, тишине. Византийская Литургия ничего не оставляет не выраженным ясно

и очень точно. И, повторяюсь, прекрасно можно было бы, ничуть не теряя православности, ничего не выдумывая, просто путем нормального развития христианского опыта прийти к тому, что тот же самый опыт Евхаристической встречи с Господом мог бы быть выражен иным образом, преимущественно в безмолвии, когда богословие тайны выражается с большей силой благодаря тому, что выражается в меньших словах. Я думаю, любое богослужение во всем богатстве словесного выражения, во всей богословской точности своих утверждений и т.д. проходит мимо столь же многих людей, как проходило бы безмолвие. Возьмите обычного христианина при обычном богослужении: осознает ли он, что происходит, что выражается? Я говорю не вообще, я говорю о каждом утверждении, одном за другим, о каждом изложении веры или опыта.

Какое ваше мнение о всенародном чтении тайных священнических молитв?

Я думаю, можно прекрасно прожить и поклоняться Богу без этих молитв. Пока я не стал священником, я никогда не читал ни одной из этих молитв, потому что считал, что это служба священника, меня вполне удовлетворяла литургия, совершающаяся слышно для всех. Я сильно подозреваю, что многие люди — и я не исключение — неоднократно пропускали мимо ушей многое из того, что было произнесено вслух, не говоря о тайных молитвах.

Говоря о безмолвии в богослужении, вы думали о квакерах, их практике общих молитвенных собраний без организованного богослужения?

Я не имел в виду собрания квакеров, я не имел в виду совершенное безмолвие. Мне думается, что можно было бы (и я даже не беру отдельно богослужение Востока и Запада) использовать молчание, тишину, и это могло бы быть очень богато содержанием. Мой опыт такого рода отчасти таков: мне случалось в прошлом совершать Литургию для небольшой группы людей, которые были готовы претерпеть мой ритм молитвы (не мои эксперименты), куда я просто впускал тишину, потому что мне хотелось что-то воспринять, дать себе время на восприятие. Но в последние годы я имел

главным образом опыт новых чинов Католической Церкви. Их можно совершать согласно с любой практикой: можно проскочить существующий текст с громадной быстротой, просто потому что текст очень короткий и его можно пробежать очень быстро. Но я встречал ряд католических священников, которые, совершая службу, допускают в ключевые моменты долгие периоды подлинной тишины, и период тишины имеет столь же существенное значение, как сам текст. Служба не становится короче; но теперешние литургические реформы в Католической Церкви, если не использовать молчание, очень обедняют службу. Если используется тишина, тогда оно становится гораздо богаче. Например, период тишины после каждого чтения, период тишины после решающих действий по ходу развития таинства дает человеку время встретить происходящее, прежде чем оно ускользнет от него, и может быть обогащением. Но это идет вразрез со стилем, скажем, византийской Литургии, не потому что мы так не поступаем, просто византийская Литургия предполагает другой образ совершения.

По сути, я думал о том, каким образом можно усовершенствовать порядок действий. Вот что я имею в виду: по большей части литургические усовершенствования очень неудовлетворительные, мне они представляются легкой чисткой, от которой мало что меняется, и вряд ли стоит отказываться от привычного порядка вещей ради таких небольших отличий. Например, я не считаю большим улучшением, в противоположность всему, к чему должен бы склоняться, возврат к византийской литургии IX в. или к V или VI в. в западных литургиях. Возможно, это большое усовершенствование с точки зрения археологии, но я как человек не принадлежу этим векам и вовсе не чувствую себя лучше в том времени, чем в моем XX в. Я не считаю, что цель литургических реформ — просто вернуть богослужение к его виду того периода, который считается золотым временем. Я не считаю, что Церковь — я говорю о Церкви с самой большой буквы, не о той или другой этнической группе, той или другой деноминации, я говорю о Церкви как Теле Христовом — выразила, исчерпала все возможные выражения собственной тайны и опыта Бога. Я говорю о чем-то, что присутствует, скорее, как принцип, чем как что-то, к чему я мог бы указать пути. Но по-

сле знакомства с большим количеством литургических экспериментов у меня чувство, что все они стремятся повторить по-новому одно и то же. Попытки могут быть успешными или не очень, это вопрос вкуса: вам может понравиться или не понравиться новый вариант, вам может нравиться или не нравиться новая католическая месса. Но то и другое основаны на тех же принципах в новой обертке.

Я имею в виду вот что: нам следует понять, что Церковь может найти себе выражение абсолютно новое. Разумеется, некая основа сохранится. Невозможно представить, что Евхаристия будет совершаться без всякой отсылки к Тайной Вечере, это самоочевидно. Но если взять эту службу в любом обряде, эта ее часть занимает центральное, но очень ограниченное по времени место. Вокруг нее большое обрамление. Вот это обрамление или даже то, как мы выражаем эту центральную часть, может быть принципиально иным. Вот о чем именно я говорю, потому что я уверен, что мы должны воспринимать от существующих Литургий все, что можем воспринять, но мы должны осознавать, что Дух Божий свободен, и не чувствовать себя принципиально, неизменно рабами того или другого способа выражения. Вероятно, такое мое отношение (если уж исповедоваться открыто) вызвано тем, что существующие формы не до конца меня удовлетворяют, меня гораздо больше бы устраивало, если бы кое-что происходило по-другому; но я не буду продолжать свою публичную исповедь и признаваться подробно, как именно я бы нарушил существующие формы.

*<Вопрос>**

Наше богослужение, тайносовершительное или другое, в какой-то момент обращается одновременно к язычнику и к грешнику: это та его часть, которая называется Литургией слова, — чтения из Ветхого Завета, чтение Посланий, чтение Евангелия, проповедь, не говоря о молитвах вокруг этих чтений. Они обращены не просто к грешному христианину, они обращены также к язычнику. Но вы несколько оптимистично относитесь к язычнику во мне: он не только незнаю-

* В данном случае (как и в ряде последующих, см. ниже) сам вопрос остался незаписанным, сохранились только ответы на него Владыки.

щий (это бы ладно, я был бы этому очень рад); я точно знаю, что многие мои реакции совершенно несовместимы с тем, во что я глубоко верю. (*В таком случае вы – грешник.*) Нет, в этом я не грешник. Грешник – тот, кто знает, что неправо, но все-таки так поступает. А язычник, в том смысле, в каком я употребляю это слово, утверждает правоту того, что неправо. Когда вопреки всему, что я проповедую, во мне поднимаются страстные национальные чувства, когда всплывает все мое как бы военное воспитание, когда мною до глубины сердца овладевают разные принципы и категории, не имеющие ничего общего с Евангелием, я могу сказать: «Нет, друг мой, тебе это непозволительно». Но я усматриваю в себе что-то, что еще не искуплено, не в том смысле, что не искуплено Христом, но – еще не попало в жернова, не перемолото. Может быть, все вы бесконечно лучше меня, может быть, вы кающиеся грешники – в чем я не совсем уверен. Но в себе я ощущаю кого-то, в ком, при встрече с законом Христовым, со словом Христовым, все равно пробивается другой закон, другие критерии суждения и проч. И это беспокоит меня гораздо больше того, что я плохой христианин: это-то вопрос приближения, количества, борьбы и т. д., это ясно. За последние годы я пришел к выводу: я еще и не начал становиться христианином. Для человека, которому без малого шестьдесят лет, это большое разочарование.

Как же быть?

Слушать мои проповеди и стараться исполнить то, о чем говорится. Вы только что установили принцип. Вы понимаете, что в вас есть много недостойного, в чем вы даже не каетесь. Следующий шаг – сядьте и продумайте эти недостойные черты, составьте их список и начинайте трудиться. В каком-то смысле такой подход более легкий, чем мое определение язычника, потому что языческую сторону во мне ничто не побуждает меняться: она ведь утверждает, что вправе существовать. И когда дело доходит до литургической молитвы и эта сторона заявляет: «Я тоже имею право на самовыражение», в результате можно получить очень интересные, любопытные пробные чинопоследования, но они не имеют ничего общего с нашим христианством. Я говорю не о том, как это сказывается внешне; я не хочу сказать, что допусти-

ма поп-музыка или орган, или еще что-то. Самовыражение в некоторых его аспектах, по моему мнению, не принадлежит Церкви.

<Вопрос>

Мне думается, христианин должен относиться к себе возможно более реалистично и признавать, что он, с одной стороны, член Тела Христова — не буду повторять все уже сказанное на эту тему; с другой стороны, он — грешник и как таковой недостаточно включен; он привит, но еще не живет полной жизнью, он находится между жизнью и смертью. И есть третья сторона, которую еще предстоит включить, она еще вовсе не охвачена. Постольку поскольку речь идет о моей молитве как христианина, первая и вторая стороны могут в ней участвовать. Третью следует подключить, но места ее самовыражению нет. Ее можно привлечь, рассмотреть и обратить или осудить, но ей нет места в граде Божием, она не принадлежит граду Божию. Грех не отделяет нас от Бога, лишь бы мы не поклонялись греху вместо Бога. Очень часто грех — единственное место, где мы встречаемся с Богом, потому что в тот момент, когда мы осознали: это — зло, грех делается предметом нашей общей заботы с Богом. Может быть, мы подходим по-разному, но мы встречаемся. А ту сторону, где я вполне удовлетворен, что не принадлежу Царству, нужно силком поставить в Божие присутствие совершенно трезво, подобно тому, как разбойник, распятый слева от Христа, был поставлен перед лицом распятия Христова, собственно го распятия и того, что произошло с другим разбойником. Третий человек во мне, можно сказать, это разбойник, распятый слева от Христа. Его невозможно ввести в Царство Божие прямо так. У него есть связь с Царством, потому что пока он не отозвался, там чего-то недостает. Однако его отклик в данный момент пока не принадлежит Царству.

Слово «язычник» я использовал, потому что оно подходило для моих рассуждений: одно слово удобнее, чем образ или сравнение. Я обозначал этим словом нечто во мне, что утверждает свое право на существование, независимо от того, как об этом судит Бог или люди. В этой как бы третьей личности есть трусливость, и она искоса поглядывает в сторону Бога, потому что не уверена в себе. И вместе с тем она как бы

утверждает: «Да, я такова и буду такой», но произносит это с осторожностью и тихонько. Возможно, я бесконечно хуже любого из вас, и потому вы просто не можете понять меня. Во мне есть что-то, что не соответствует ни образу Божию, ни образу мытаря, оно похоже на фарисея, но и это сравнение слишком хорошо для этого «нечто», потому что фарисей все-таки имеет отношения с реальным Богом и воображает, что близок Ему. Нечто во мне просто утверждает свое право на языческое поклонение идолам в духе Возрождения: мир прекрасен, и христианство сильно ошиблось, не поняв этого: к чему омрачать мир Крестом, когда у нас есть Руссо¹¹ и проч.

Внутренний язычник – очень большая часть нас...

Во-первых, если мы это обнаружили и не воображаем, будто ничего подобного в нас нет, это очень обнадеживает. Во-вторых, совершенно замечательно история учит, что все христиане были прежде язычниками, и мне кажется, можно вдохновиться тем, что если язычник обладает в достаточной степени цельностью, если он способен отзываться всем своим существом на большую меру красоты, смысла, святости и т.д., он может сделаться убежденным христианином. Но он должен обратиться; грешнику не нужно обращение в таком же смысле.

Вы ничего не сказали о харизматах...

Я не упомянул молитвенные встречи харизматиков, поскольку не-литургическое собрание, своего рода не-литургическая встреча по определению не может быть описана заранее, о ней невозможно говорить в категориях последовательности и структур, согласно которым все должно совершаться. Но тут применимы те же критерии, которые я уже упоминал. Происходящее, что бы то ни было, должно отражать природу Церкви в ее многообразии. Такое собрание не может просто игнорировать природу Церкви, служить только самовыражению, что бы это «само» ни выражало. Вот о чем я говорил.

А оценка происходящего может быть очень различная. Думаю, следует иметь несколько основных критериев для оценки, например, движения или молитвенной группы или еще чего-то, но о них невозможно судить на формальном

основании. Скажем, можно критиковать литургическое собрание, установленную форму богослужения: можно сказать, чего в нем не хватает или что вовсе не соответствует его природе. Но невозможно кодифицировать собрание людей, которые выражают собственный опыт Бога, опыт самих себя, общей молитвы. Если ты там присутствуешь, ты можешь сказать: «Мне кажется, тут есть то, что я бы назвал подлинной молитвой; а вот здесь — истерия. В этом я узнаю подлинное Божие присутствие, а здесь — нет». Конечно, мое мнение («узнаю — не признаю») не означает, что я прав, но это единственный возможный подход. Но невозможно занять такое положение по отношению к тому, что не имеет определенной формы, пока оно не произошло, или если тебя там не было, или у тебя нет опытного знания подобных вещей.

<Вопрос>

Меня не беспокоит, что вы упоминаете «мир», меня гораздо больше беспокоит, что вы говорите о «процессии». Сомневаюсь, что мы будем более убедительны для мира, если после возгласа «С миром изыдем» устроим крестный ход. То есть: невозможно нам спроецировать из богослужения, из храма литургическое действо, которое что-то явило бы. Один французский писатель в книге о священниках-рабочих заменил конечный возглас *Ite, missa est*¹² словами: «Идите, ваша миссия начинается». Это неверный перевод латинского выражения, но ведь ясно, что этот возглас не означает: «Идите с миром; слава Богу, можно покинуть храм». Он означает: «Идите с миром, подобно тому, как апостолы сошли с горы Преображения». Они были в присутствии Божиим, теперь они сходят вниз, чтобы поделиться тем, что пережили. Наша Литургия не кончается с окончанием богослужения, она должна иметь продолжение в жизни. Когда Господь сказал: *сие творите в Мое воспоминание* (Лк. 22, 19), Он говорил о литургическом действии, о литургическом продолжении Тайной Вечери. Но сама Тайная Вечеря покрывает не только Священную Трапезу, ее содержание шире. Христос умывает ноги ученикам, Христос идет в Гефсиманский сад и переживает там ночное борение, встречает предательство Иуды, отречение Петра, суд у Пилата, суд Первосвященника, суд Ирода, все это имеет свои подробности. Все содержание Страстной

недели: смерть на Кресте, оставленность, сошествие во ад, — входит в то, что мы называем Тайной Вечерей. Она обнимает все это, включая и Воскресение. Приняв участие в Тайной Вечери, мы как бы восприняли семя, которое должно развиться в нашей жизни, претворить в жизнь все ее содержание. Если мы видим в ней только Священную Трапезу, после которой мы идем домой обедать и входим в языческий мир, и будем в течение недели отчасти кающимися грешниками, отчасти полужычиками, мы не поняли сути того, что происходило в храме.

В этом смысле, если мы не выходим из храма во имя Господне и в силе Духа, не готовы быть и совершать то, что представляет собой Тайная Вечеря, мы прошли мимо ее существенной части: наше призвание начинается при отпусте. Отпуст на самом деле препоручает нам полномочия. Он не означает: «Служба окончена, можно уйти домой и все забыть». Нет, в этот момент мы говорим: сойдем в долину с горы Преображения по слову Христа, сказавшего: *Как Меня послал Отец, так Я посылаю вас* (Ин. 20, 21). Это момент начала для нас. Мне кажется, если это не начало, а конец, то мы прошли мимо чего-то существенного.

Пер. с англ. Е. Майданович

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вероятно, заседание ЦК ВСЦ в Женеве 17–29 августа 1973 г.

² Владыка был в Нью-Дели в составе делегации от Русской Православной Церкви на заседаниях Центрального Комитета Всемирного Совета Церквей в ноябре 1961 г., когда РПЦ была принята в члены ВСЦ.

³ Аджорнаменто (итал. *aggiornamento* — обновление) — термин, означающий приспособление к актуальным условиям; в Католической Церкви стал широко применяться во время понтификата Папы Иоанна XXIII. В языке Церкви времен II Ватиканского собора и после него термин А. синонимичен терминам *адаптация* и *аккомодация*.

⁴ См.: Деян. 2, 1–4; Ин. 20, 22.

⁵ См.: Рим. 7, 14–25.

⁶ В оригинале: *Prayers of Humble Access* — молитва из англиканской «Книги общих молитв» перед причащением. См.: https://en.wikipedia.org/wiki/Prayer_of_Humble_Access.

⁷ «Сотвори ю [ее, т. е. освящаемую воду] нетления источник, освящения дар, грехов разрешение, недугов исцеление, демонов всегубительство, сопротивным силам непреступную, ангельския силы исполненную». См.: Великое освящение воды в канун и в день Богоявления. Минея праздничная. М.: Изд. Моск. Патриархии, 1970. С. 273.

⁸ Молитва Евхаристического канона на Божественной Литургии свт. Иоанна Златоуста. Служебник. М.: Моск. Патриархия, 1991. Ч. 1. С. 139.

⁹ См.: Откр. 15, 3; 16, 7.

¹⁰ См.: 1 Кор. 15, 28.

¹¹ Жан Жак Руссо (1712–1778), французский мыслитель эпохи Просвещения, утверждал, что «естественный» человек был испорчен цивилизацией и общественными отношениями.

¹² *Gilbert Cesbron. Les saints vont en enfer.* Русск. пер.: *Сесброн Ж. Время обманщиков. Святые идут в ад.* М.: Художественная литература, 1991. Роман рассказывает о «священниках-рабочих», движении во Франции 1950-х гг., когда католические священники пытались совместить свое служение с работой на производстве и тем самым вернуть рабочие массы к христианству. *Ite, missa est* (лат.) — букв.: «Идите, месса окончена»; соответствует словам византийской литургии «С миром изыдем».

Протоиерей СЕРГИЙ Овсянников

Понимание миссии Церкви митрополитом Антонием Сурожским

Прежде чем говорить о миссии Церкви, нам предстоит понять: а что же такое Церковь в понимании митрополита Антония? Есть вещи, о которых мы полагаем, будто хорошо их знаем и понимаем, полагаем как вещи известные, и *Церковь* есть одна из таких «хорошо известных» вещей. Нам кажется, что если мы ходим в храм, считаем себя людьми церковными, то нам автоматически дается и знание о природе Церкви. А это далеко не так. Тем и были замечательны встречи с владыкой Антонием, что он убирал автоматизм, не соглашался с привычкой, показывал чудо встречи там, где нам виделось простое стечение обстоятельств.

Я начну свой рассказ с одного случая, который произошел совсем недавно у нас в Голландии. В Дельфте есть литературный кружок, в котором участвуют и наши прихожане. В этом году они читали вместе Набокова, обсуждали его рассказы. Отчасти в этой связи, поскольку я был знаком с некоторыми людьми этого поколения, меня пригласили рассказать там о первой русской эмиграции. Мой рассказ был посвящен особому понятию чести, которое было у тех людей. В частности, зашел разговор и о владыке Антонии. Кто-то предложил посмотреть запись фильма с его выступлением. К сожалению, не удалось подключить колонки, и речь его было очень плохо слышно. В какой-то момент мне показалось, что я слышу голос Владыки, и говорит он следующее: *человеку надо не Церковь открывать, а Бога, и это мне кажется очень важным...* Признаться, мне стало как-то не по себе. Даже хорошо зная Владыку и понимая, что зачастую он излагал мысль весьма парадоксальным образом, то, что я услышал, звучало вполне еретически: ведь невозможно человека привести к Богу, минуя Церковь. Хотя бы потому, что именно в Церкви мы узнали следующее положение: «Вне Церкви нет

спасения». (Правда, замечу в скобках, обычно мы не помним, кто это сказал и по какому поводу.)

Владыка не любил гладкие красивые фразы, которые только на первый взгляд кажутся богословски правильными, но за которыми на деле мало что стоит. Точнее, он не любил фразы, которые не затрагивают человека. Он мог сказать не столько сложно, сколько остро, даже парадоксально, чтобы озадаченный слушатель начал думать. Заставить собеседника думать и работать: мыслью и делом.

Я решил, что надо найти этот фильм и послушать беседу Владыки еще раз.

Оказалось, это был фильм режиссера Виктора Васильева, который так и назывался: «Митрополит Антоний Сурожский. Человек перед Богом». Вот то место, где владыка Антоний говорит о своей личной встрече с Богом:

«Это была встреча с Богом, а не с *“религией”* (в кавычках). И это сыграло большую роль в моей жизни, потому что я и до сих пор чувствую, что людям надо открывать Бога в среде Церкви, путем церковным, *но не Церковь ему открывать, а Бога. И это мне кажется очень-очень важным*, потому что очень *многие приручаются к Церкви и проходят мимо Бога*».

Как видите, действительно сказано сильно и парадоксально. Что же могут означать слова: *в среде Церкви, путем церковным, но не Церковь ему открывать, а Бога...*?

Собственно, все мои дальнейшие рассуждения пойдут именно об этом. Я попытаюсь это понять вместе с вами: что же именно владыка Антоний Сурожский имел в виду, когда говорил эти слова.

Начнем с вещей простых, с религии. Почему это слово Владыка произносит «в кавычках»? Это, действительно, не сложно, поскольку сейчас, в век активного атеизма, слово *религия* употребляется для описания каких-либо внешних вещей: религиозных организаций или положений законодательства, касающихся этих организаций. У нас в Советском Союзе говорили о религиозных диссидентах и определяли им место в тюрьмах и лагерях. В любом случае, трудно представить себе человека, который сам бы о себе сказал: я — религиозная личность. Он скорее скажет: я — верующий человек. И это правильно, поскольку религия — это внешний

взгляд на нас, верующих. А если мы говорим изнутри, то мы говорим о вере.

Вот потому и ставит Владыка внешний взгляд в кавычки, для него немислимо говорить о встрече с Богом как о чем-то внешнем. Ведь если встреча состоялась, если есть связь Бога и человека, то мы называем это «вера». А если на эту же связь посмотреть со стороны, то получится «религия», нечто внешнее. Религия есть взгляд на нашу веру со стороны.

Так вот, это и есть то, что Владыка НЕ принимает. Он не принимает внешнюю сторону, он считает: о внешней стороне дела говорить просто не имеет смысла, потому что там — снаружи, вне веры — жизни нет.

Пойдем дальше. Что может означать фраза: *многие приручаются к Церкви и проходят мимо Бога?* На самом деле, это очень точные слова. Ведь что значит «приручаться»? Приручают же диких животных, ставят им — скажем, диким кошкам, которые гуляют сами по себе, — блюдечко с молоком, гладят их по шерстке, и они довольные мурлычут, почувствовав тепло и заботу. Так и люди: Церковь держит нас в духовном тепле (о животных так говорят: хозяин их содержит), нас Церковь питает, утешает, а мы считаем, что так и должно быть — для нас созданы тепло и уют. И мы, таким образом, приручились и успокоились.

Владыка Антоний говорил: «Мы о Церкви часто, и мне кажется, слишком часто думаем как о том месте, куда *мы* можем прийти, встретить Господа, успокоиться, быть под Его крылом и под покровом Божией Матери; а затем, окрепши, оживши, идти обратно домой»¹. Но такой взгляд не предполагает никакого движения, никакого внутреннего труда. По сути, это инфантильный взгляд на мир и Церковь. В таком случае человек не чувствует или вовсе не знает природу Церкви, и тогда под Церковью он понимает очень странные вещи.

Один из таких распространенных взглядов на Церковь — это представление, будто Церковь есть своего рода «поле чудес», некое волшебное место, где исполняются все желания. Именно в этом кот Базилио и лиса Алиса пытались убедить Буратино²: мол, надо закопать свои денежки на таком поле, а утром там вырастет дерево со множеством золотых монет, на которые можно купить ВСЕ! Правда, в конце концов оказывается, что настоящее название этого места — страна ду-

раков, а не поле чудес. Однако это нас не смущает: мы зачастую убеждены, что достаточно поставить свечку (= закопать монетку), и наутро все наши проблемы будут решены. Мы не задаем себе вопрос: а нужна ли Богу наша свечка или Он ждет от нас чего-то иного, какого-то поступка? Мы просто хотим, чтобы было такое место, где выдают пакет безбедного существования, и представляем Церковь в качестве «поля чудес».

Другой возможный взгляд на Церковь — это видеть в Церкви некую организацию. Такая организация может восприниматься со знаком минус, т. е. быть «плохой», или она может быть «хорошей» — интерпретация со знаком плюс. Иногда ее различают по признаку: прогрессивная организация или регрессивная организация. Но в любом случае — организация, объединение людей с определенным функциональным заданием. Но такой взгляд на Церковь тоже абсолютно неприемлем для владыки Антония. Почему? Очень просто: ведь это опять взгляд откуда-то со стороны.

Со стороны мы можем представлять себе Церковь как организацию, в которой действуют определенные правила и работают структуры. И ведь что важно: такие структуры действительно есть, и мы сами зачастую в них работаем! Но если к ним будет прикован наш взор, если мы будем воспринимать в качестве Церкви только структуры и уставной порядок, то это действительно будет организация полувоенного типа! Взгляните на нашу форму... ведь православного такого типа за версту видно: у девушек это, соответственно, юбки 15–20 см от пола, и никак не выше, у юношей это солидная окладистая борода. (Кажется, сейчас это уже меньше принято, чем было раньше, в 1990-е годы, особенно в наших столицах.) Помимо формы есть у нас и устав, и полувоенная дисциплина, ордена и медали, и прочие «фенечки», как ныне это называется у молодежи.

К сожалению, если начинать видение Церкви именно с этой стороны (а именно она первая и бросается в глаза), то очень трудно в Церкви увидеть другую реальность — реальность жизни человека, который трудится над исполнением своей призванности, над исполнением своих талантов, печется о спасении своей души.

В жизни есть динамика и рост. В военной организации — только маневры.

Владыка часто повторял одно определение, оно звучало так: Церковь не есть объединение, но организм. Причем — Богочеловеческий организм. То есть это Тело, которое он видел одновременно как Тело Божественное и как тело человеческое. Церковь была понимаема им как место встречи Бога и человека. Богочеловеческий организм, который вырастает на месте этой встречи.

Таким образом, сейчас я перечислил очень кратко темы, о которых Владыка говорил долгие годы. Теперь и я попробую посмотреть на некоторые из этих тем более подробно и раскрыть их.

Вот цитата из митрополита Антония: «Слишком часто Церковь мыслится как священное общество людей, объединенных и связанных между собой общей верой и общей надеждой на одного и того же Бога <...> Такой критерий слишком мелок; и также слишком мелок лежащий в его основе опыт о природе и о жизни Церкви. Церковь не есть просто человеческое объединение. *Это не объединение, но организм, и его члены* — не “составные части” коллективного целого, но подлинные, живые члены сложного, но единого тела (1 Кор. 12, 27) ... И тело это, одновременно и равно, человеческое и Божественное»³.

Здесь есть важный момент, который нам не следует пропустить, а именно: что критерий нашего суждения будет слишком мелкий, поверхностный, если мелок лежащий в его основе опыт жизни в Церкви. То есть во главу угла становится опыт жизни в Церкви — не в церковной организации, не в слушании речей тех или иных проповедников на тему «что и как должно быть», а свой, личный опыт встречи со Христом, Который приводит тебя в Свою Церковь, в Тело Христово.

Если такой опыт в жизни есть, то это есть прежде всего удивление перед чудом такой встречи.

У Владыки был необыкновенный стиль бесед. Одна из самых главных вещей в этом стиле — его умение удивляться и восхищаться.

Я имею в виду, что если мы говорим о богословии какого-то отца Церкви, то человека с его личностью мы обычно выносим за скобки. Нам не очень важно, КАК человек выражает свою богословскую позицию, и тем более не так важно,

как он удивляется, но важно, ЧТО он говорит. Так вот, богословская позиция Антония Сурожского неотделима от того удивления и восхищения, которое было в его душе.

Одну из бесед, это было 5 апреля 2001 года, Владыка закончил такими словами:

«Это так дивно! ... Как вечность вливается во время и как время начинает пылать вечностью, как Бог становится Человеком, как хлеб становится Телом Христовым, как мы приобщаемся при нашем недостоинстве, в меру нашей возможности Телу и Крови... Об этом я хочу говорить в следующий раз, а теперь я вам предлагаю: помолчим немножко и подумаем о том чуде, о том, как дивно, что мы все — Тело Христово, порознь и вместе»⁴.

Церковь человечна, и Церковь Божественна. И причина тому, что первый человек Церкви — Иисус Христос, и Его природа — Богочеловечна. Для Митрополита Антония это не теоретическое школьное богословие, а практическая сторона его собственной жизни. Его опыт жизни — это его встреча со Христом, это опытное переживание вхождения Божественного, освящающего начала в его человеческую природу.

Владыка использовал для описания этого опыта высказывание одного из отцов Церкви. Это образ проникновения огня в железо. Если железо положить в огонь и раскалить его, то огонь как бы проникает в железо, хотя при этом железо не теряет своих свойств, железо остается способным резать или колоть, но при этом оно еще приобретает и свойство огня: может жечь. И вот этот образ Владыка довольно часто употреблял, говоря о том, что есть Церковь как встреча Бога и человека: это проникновение одного начала в другое, которое обогащает, но не лишает оба начала их своеобразия. Христос наполняет человека новой жизнью, делает жизнь полной и полноценной.

Есть, однако, в таком подходе к пониманию Церкви одна проблема. Точнее, еще один парадокс и вещь нелогичная. В этом случае это относится уже к определению, которое апостол Павел дает Церкви. А именно, он говорит в послании к Ефесянам 1, 22–23: «...и поставил <Бог> Его <Христа>, выше всего — главой Церкви, которая есть тело Его, *полнота Наполняющего все во всем*». Я сказал, что это парадокс, и это действительно так, потому что каким образом ВСЕ может быть напол-

нено Христом, никаким органом, тем паче никаким рассудочным чувством, мы понять не можем. Нам кажется, что если Христос и присутствует в этом мире, то Он присутствует в избранных людях, в святых, в тех, которые совершили усилие подвига. А как же тогда эти слова «всё во всём»? Здесь любой учебник будет работать плохо, поскольку учебник знает лишь арифметическое сложение. «Всё» — это значит: один плюс еще один, плюс два, плюс три, и так далее, т. е. всех нас надо каким-то образом сложить, выстроить в один ряд.

Но Владыка предлагает иное видение: *всё* — не значит перечислять и складывать все существующее, имеющее бытие, а видеть в каждом основу бытия — красоту, и поскольку в красоте есть целостность и совершенство — в ней есть ВСЁ. И тогда вступает в этот круг вера как тот инструмент, который позволяет красоту видеть, чувствовать и переживать. А без веры мы не чувствуем и не переживаем этот аспект Церкви. Вот что говорил Владыка: «И вот Церковь, в которую мы можем верить, т. е. то невидимое, которое мы можем познать опытом, но которое нельзя показать. Оно может быть уловлено человеком, которому вдруг откроется внутреннее таинственное содержание Церкви; но нельзя это раскрыть и убедительно доказать, *так же как нельзя доказать или раскрыть тайну любви или красоту, — ее видишь или нет, ее чуешь, ощущаешь — или нет, и это все*»⁵.

Я хорошо понимаю эти слова, поскольку и мой собственный опыт восприятия Церкви был именно таким: он пришел через красоту. Это было в 1974 году, я только что вернулся из армии и пришел в храм. Это был вовсе не первый мой приход в храм: для меня всегда было важно побывать в храме, постоять за богослужением... Но, как правило, я ничего не понимал в этом богослужении, и более того, чувствовал себя каким-то инородным телом. Обычно я оказывался единственным молодым человеком, а там стояли вокруг бабушки, которые смотрели с подозрением: «Что это он тут пришел? И что это он тут от нас хочет?» Однажды мне об этом сказали прямым текстом: «Ну, что пришел, голубчик?! Каяться? Ой, да ты еще мало нагрешил... Иди, иди!.. Вот лет через 20 придешь и покаешься. Иди и грешь дальше...»

Но я не мог уйти из храма, потому что в храме — и в этом действительно работало уже не мое рациональное чувство —

в церкви было что-то особое, что я не мог передать никакими словами. Позднее я нашел одно из возможных слов: свет. Однажды я попал в храм, где я почувствовал свет. Всем своим существом почувствовал и пережил свет. Свет пронизывал весь храм, всех молящихся и меня. Это и было — «всё и вся». И я понял, что уйти отсюда я не смогу. Никогда не смогу.

Значительно позднее, уже после такого открытия света, когда пришел некоторый опыт литургической жизни, Церковь помогла мне найти своего рода «логическое обоснование» такого моего восприятия. Это произошло, когда я расслышал и пережил слова Литургии: «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся». Ведь и это было то, что постоянно подчеркивал Владыка: эта жертва не наша, это жертва Христова. Но приносится она за всех и за вся. И это может быть только в Церкви.

С помощью владыки Антония (хотя тогда мы и не были еще знакомы, а я жил в Советском государстве) пришло осознание, что *вера есть путь*. При этом это путь особый, который не проходит рациональным способом, но вырастает из опыта твоего внутреннего человека.

Кажется, я выразился коряво и неудачно. Мне хотелось как-то передать, что Церковь (поскольку Церковь не есть организация, куда можно сначала вступить, а потом «выступить»; не есть некое данное место, куда можно прийти, получить там свою порцию благополучия, а потом развернуться и выйти) есть то, что требует твоего личного участия и осуществления; есть то, что еще не устоялось в тебе, пока ты совершаешь свой путь.

Если я правильно помню, то такое понимание пришло в тот период жизни, когда Владыка готовил меня ко священству. Парадокс (очередной) сказался в том, что Церковь не есть нечто, что следует только понять. Но Церковь есть то, что надо в себе осуществить.

В каком-то смысле можно сказать, что *Церкви во мне еще нет*, Церкви нет — пока меня нет, пока я не осуществил свой путь.

Это похоже на то, как канатоходец в цирке ходит по проволоке: осторожно ступая, он нащупывает каждый шаг, вытягивая ногу вперед. Только беда в том, что проволока появляется только в тот самый момент, когда делаешь шаг вперед. А если ты этого шага не сделал, то и проволоки тоже

нет. А есть только страх. Страх, что ты провалишься, что ты упадешь. И вот чувство Церкви есть чувство преодоленного страха, чувство, что проволока непременно есть, поскольку есть твой путь.

Еще одна цитата из Владыки: «Церкви нельзя принадлежать механически, в ней нельзя оставаться механически. *Это – динамичная ситуация, это общество одновременно человеческое и Божественное*, в котором человечество явлено человечеством Христа...»⁶.

Итак, если это путь, то возможно, что существует некий порядок прохождения этого пути? Да, – говорит Владыка. Существует определенный порядок, и, пожалуйста, старайтесь не перескакивать ступеньки этого порядка. Потому что если вы пытаетесь взойти по лестнице, в которой не хватает каких-либо ступенек, то вы рискуете сломать себе голову.

Ступеньки, уровни прохождения пути таковы:

Первое, что надо сделать, это стать человеком.

Второе – это быть христианином.

Третье – быть православным.

Четвертое – научиться быть человеком своей национальности.

Опять же, это может звучать парадоксально. Ведь слушая перебор ступеней, первый вопрос должен быть: как же так – стать человеком?! Ведь я же уже человек! И, более того, я и христианин, и православный!

Священники знают этот момент, когда в церковь приходит... скажем, я сейчас назову – грек, но вовсе не обязательно это будет грек. Когда к нам на причастие приходит какой-либо незнакомый человек, то я спрашиваю: вы православный? И тогда я слышу глубокую обиду в ответе: я? Да, я – грек! О чем вы спрашиваете? Ведь я же грек!

Но с тем же успехом мы могли бы сказать: я же – русский, или я – украинец!

Но беда в том, что если мы начинаем с этого утверждения: я – русский или я – украинец, то здесь и возникает тот самый дикий, безумный конфликт, который сейчас есть на Украине. Или тот, что несколько лет назад был в Грузии.

Как больно, как тяжело было нам тогда на нашем амстердамском приходе, где грузины представляют хоть и маленькую, но очень важную группу. Как тяжело было объяснять

всем (и грузинам, и русским), что этот конфликт там, с победоносными танками России, не имеет отношения к нам. И не потому, что он географически от нас удален или мы безразличны к своей национальности. Отнюдь нет. Но потому, что мы здесь должны научиться прежде всего быть христианами! И далее, должны научиться быть православными. А мы этого не умеем...

Тогда мы учились быть православными. Именно на примере этого самого конфликта. В тот момент, когда было особенно больно. Так же больно, как больно сейчас — за Украину, за людей Украины.

Владыка Антоний подчеркивал эту особенность: Церковь — единственное общество, в котором не рождаются! Он говорил: «Церковь — очень странное общество... это, возможно, единственное общество, *в которое не рождаются*»⁷. Это означает, что даже если мы родились в стране, которая гордо носит имя земли православной, это еще не дает нам никакого права называть православными себя. Мы не можем быть православными и даже христианами только в силу своего рождения в определенной стране. Мы должны проделать немалый путь к своему православию, но прежде этого проделать путь к христианству, услышать, что нам (лично мне!) говорит Христос. И только тогда, когда мы это услышим и путь проделаем (хотя бы частично), сможем мы заявить о своей национальности и сказать: конечно, у нас — скажем, у грузин — есть особое чувство видения гор и долин, особый вкус к виноградной лозе, а значит, и особое призвание быть человеком. И тогда никто не посмеет оспорить их (наш!) особый способ прохождения этого пути.

Владыка выражал это так: «Мы только *на пути к тому, чтобы стать людьми*, человеками. И каждый должен находить свой путь, и это очень важно»⁸.

Говоря о том, что мы на пути к Церкви и на пути к самим себе, поскольку себя надо еще осуществить, Владыка употреблял такие слова: по-латыни это звучит *in patria et in via* — *в отечестве и в пути*. Мы постоянно и одновременно находимся и в отечестве, и в пути. Вот в этом сложность и трудность того, что происходит в Церкви. Это действительно сложность, однако, как говорил Владыка: а кто обещал вам простую жизнь? Только существование амебы не представляет особой слож-

ности, но это именно существование, а не жизнь. Жизнь души связана со встречаей.

Вот что говорил митрополит Антоний: «Слова, которые кажутся такими жесткими: *“нет спасения вне Церкви”* (а помните, ведь мы с этих слов начали!), глубоко справедливы, потому что *Церковь и есть спасение*: место встречи Бога с человеком, но также, по существу, самая тайна их соединения»⁹.

Итак, мы приходим к понятию Церкви, уходя, прежде всего, от того, что Церковь НЕ ЕСТЬ, от внешних реквизитов и от того, что видится со стороны. Владыка открывает в Церковь дверь и говорит: входи! Входи, ибо там, во внутренней жизни Церкви, есть тайна радости и тайна спасения. Никакое внешнее описание не в состоянии этого передать. Вера рождается изнутри, а снаружи остается только описание религиозно-статистического факта.

Миссия Церкви

Теперь попробуем понять, какова же миссия Церкви в том случае, если мы принимаем Церковь таким образом, как ее видел Владыка.

Я попробую перечислить все то, что с необходимостью становится составными частями миссии Церкви.

Первое: осуществить себя. Это задача каждого человека, проходящего путь Церкви.

Второе. Осуществление себя происходит через встречу, через узнавание. Миссия же Церкви в том, чтобы организовать место, где такая встреча возможна.

Третье. Встреча начинается с себя. Надо научиться быть собой, хотя это вовсе не так просто, ведь быть собой означает открыть те таланты, которые человеку даны от Бога.

Четвертое. Когда же такое осуществление-узнавание произошло, тогда другой человек через тебя, благодаря твоим талантам может встретить и узнать Христа сам.

В такой встрече человек узнает в себе человека, видит в себе христианина, поскольку в этот момент он со Христом. То есть миссия Церкви — поставить такое зеркало, в котором и происходит такое узнавание. И это справедливо по отношению и к отдельному человеку, и к другим общинам.

Митрополит Антоний говорил о том, что мы должны быть открыты к неправославным общинам. Быть открытым вовсе не означает проведение экуменических мероприятий. Это означает тот момент, когда неправославные общины узнают себя в православии. Вот что говорил Владыка: «Неправославные общины начинают узнавать себя в Православии. Надо ли этому удивляться? Мы ведь — их собственное прошлое»¹⁰.

Церковь как организм предполагает возможность и необходимость роста. Мы должны расти и двигаться вперед, наша душа должна расти, а не оставаться маленькой и засохшей. И тогда, в момент роста, происходит с человеком чудо: он начинает по-новому видеть мир и слышать другого человека. Вот таким чудом мы можем поделиться с другими людьми.

Митрополит Антоний: «... вопрос миссионерства для меня абсолютно центральный. Я к Богу пришел не через Церковь. Я встретил Бога в момент, когда хотел убедиться в том, что Его нет и что до Него никакого дела мне быть не может. И тогда я встретил Христа, и после этого у меня осталось только одно желание: поделиться с другими людьми этим чудом: не Церковью, не церковностью, не богослужениями, не молитвами святых, а тем, что я *знаю* Христа, я *уверен*, что Он есть, он мой Спаситель, он *ТВОЙ* Спаситель, Он смысл твоей жизни, как и моей жизни»¹¹.

Итак, можно сказать, что миссия Церкви совершается на уровне личности, совершается в том, что благодаря Церкви человек готовит место в себе для встречи с Богом. Он должен взрыхлить почву, в которую в какой-то момент падает семя, и происходит встреча. И тогда тело человеческое обретает измерение быть одновременно и Телом Христовым, быть Церковью как Богочеловеческим организмом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Митрополит Антоний Сурожский. Миссионерство Церкви // Он же. Труды: Книга вторая. М.: Практика, 2007. С. 754.

² В известной детской сказки А.Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино».

³ Митрополит Антоний Сурожский. «...И о соединении всех Господу помолимся» // Он же. Церковь. М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2011. С. 23.

⁴ *Митрополит Антоний Сурожский. Беседы 2000–2001 гг. // Он же. Труды: Книга вторая. Ук. изд. С. 124.*

⁵ *Митрополит Антоний Сурожский. О Таинствах // Он же. Церковь. Ук. изд. С. 80–81.*

⁶ *Митрополит Антоний Сурожский. Служение христианина в секулярном обществе // Он же. Церковь. Ук. изд. С. 156.*

⁷ Там же. С. 155.

⁸ *Митрополит Антоний Сурожский. О жизни христианской // Он же. Быть христианином. М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2009. С. 100.*

⁹ *Митрополит Антоний Сурожский. «...И о соединении всех Господу помолимся» // Он же. Церковь. Ук. изд. С. 24.*

¹⁰ *Митрополит Антоний Сурожский. По поводу выражения «неразделенная Церковь» // Он же. Церковь. Ук. изд. С. 46.*

¹¹ *Митрополит Антоний Сурожский. Миссионерство Церкви // Он же. Труды: Книга вторая. Ук. изд. С. 756.*

Георгий Флоровский о житии преп. Серафима

Ниже приводится письмо, обнаруженное в архиве Содружества св. Албания и преп. Сергия в Оксфорде (A.F. Dobbie-Bateman — Papers and Booklists). Оно написано русским православным богословом, историком, участником экуменического движения и давним членом Содружества, протоиереем Георгием Флоровским (1893–1979), который в 1956–1964 годах был профессором истории Восточной Церкви на факультете теологии Гарварда. Письмо адресовано давнему другу, чиновнику в отставке и англиканскому священнику А.Ф. Добби-Бейтману (1897–1974), который был одним из первых руководителей Содружества.

Добби-Бейтман — замечательная и малоизвестная личность. В 1930-е годы благодаря знанию русского языка он стал одним из ключевых связующих звеньев между русскими и англиканскими членами Содружества; он ушел со своего поста в 1945 году, разойдясь во взглядах с Николаем Зерновым относительно планов на будущее лондонского центра Содружества, St Basil's House¹. Его роль как одного из немногих английских истолкователей русской мысли можно увидеть по ряду примечаний при публикациях в журналах: *The Journal of the Fellowship of St Alban and St Sergius* и *Sobornost* в 1930–1940-е годы, а также из многих неопубликованных писем и заметок, относящихся ко времени споров вокруг предложенного о. Сергием Булгаковым в июне 1933 года ограниченного интеркоммуниона между англиканами и православными, и к спору о Софии, возникшему в 1935 году². Хотя он выступал с критикой, но был дружен и с Булгаковым (чью важную статью, *Ипостась и Ипостасность* он перевел для рабочей группы Содружества в 1932 году)³, и с Флоровским (существует их обширная неопубликованная переписка, разбросанная по архивам Принстонского университета, Свято-Владимирской богословской семинарии и Содружества св. Албания и преп. Сергия в Оксфорде).

Добби-Бейтман глубоко почитал преп. Серафима Саровского. В некрологе⁴ Николай Зернов указывал, что Добби-

Бейтман первым познакомил английских христиан с преп. Серафимом своим трудом 1936 года *St Seraphim of Sarov: Concerning the Aim of Christian Life* (Св. Серафим Саровский: О цели христианской жизни). Книга включала один из первых английских переводов ныне широко известной «беседы» между Серафимом и его учеником Н.А. Мотовиловым, в которой преп. Серафим описывает христианскую жизнь как «стяжание Духа Святого»⁵. Впоследствии, после выхода в отставку в 1952 году со своей светской должности в министерстве снабжения (в 1948-м он стал кавалером Ордена Бани⁶) и рукоположения в священника 5 июня 1953 года епископом Бата и Уэллса (после чего он обслуживал два прихода в Сомерсете, близ Фрома)⁷, он работал над второй книгой о преп. Серафиме, которая включала жизнеописание святого и переработанный перевод «беседы»; книга вышла в 1970-м под названием *The Return of St Seraphim* (Возвращение св. Серафима)⁸.

В своем письме Флоровский, отзываясь на предположение, высказанное Добби-Бейтманом ранее⁹, вносит поправку: беседа чрезмерно подчеркивает роль Святого Духа в христианской жизни; точнее говоря, вносит поправку и предлагает другое, христологическое понимание, подчеркивая: все, что нам как христианам дано Духом, есть «по образу Христову»; Святой Дух осуществляет подвижнические и педагогические свершения в качестве творческого свидетеля Христу¹⁰. Христологическое истолкование Флоровским беседы преп. Серафима отразилось в книге Добби-Бейтмана *The Return of St Seraphim*. В ней он отмечает, что беседа «глубоко христологична», она неоднократно отмечена словами Серафима «Христа ради»¹¹, и в предисловии благодарит Флоровского за то, что тот помог ему увидеть «христологические основания» беседы¹².

Остальное содержание письма Флоровского касается весьма разнообразных тем, в том числе значительная его часть подробно излагает его взгляд на патристический «авторитет». Не удивительно, что Флоровский обсуждает патристический авторитет преп. Серафима, поскольку считает, что святые, или отцы, — по существу, свидетели Христовы в Духе Святом; более того, он считает Предание «свидетельством Духа; непрекращающимся откровением и благовество-

ванием Духа»¹³. По мнению Флоровского, патристический авторитет равнозначен «Преданию», а под Преданием он понимает харизматическую, творческую и церковную власть возвещать Слово (*potestas magisterii*), в первую очередь через экзегезу Священного Писания. Эта учительная власть является авторитетным свидетельством (*martyria*) Церкви, преимущественно воплощаемым в трудах иерархии, истине спасения во Христе (вхождения в Божию вечную жизнь). Она помогает Церкви перед лицом ежедневных вызовов не стремиться давать авторитетные ответы для решения проблем, прежде чем она не сфокусировалась и не определила тщательно собственные новые богословские проблемы или церковные вызовы. *Martyria* святых является проявлением их творческого подхода, смелости и мудрости, проистекает из внутреннего свидетельства соборности, полученного ими благодаря их общей причастности единому Духу, в Котором они все были крещены как единое тело, обладая определенным единством чувств и мысли (общее единство жизни). Соборное сознание, или «дух отцов»¹⁴, который мы описываем, имеет крестообразную форму, потому что оно есть живой, вечный и верный опыт Христа, всецело пребывающего в среде Своей Церкви в ее Главе и членах. В таких личностях, как преп. Серафим, мы видим святых («учителей и отцов»), которые выделяются тем, что достигли такого уровня соборности, совершенства патристической мысли, который позволяет им лично свидетельствовать от имени всей Церкви «от полноты жизни, исполненной благодати»¹⁵. Таким образом, учительная власть отцов («Предание») по существу — результат творческого духовного видения веры святыми или соборного свидетельства христианского благовестия о Христе распятом и воскресшем за нас согласно писаниям, а не форма того, что можно бы назвать «патристицизмом» или «византизмом»¹⁶, где греческий патристический корпус рассматривается более или менее как безошибочный и непогрешимый, а богословие — как точное повторение святоотеческих слов.

Суть того, что Флоровский называет «неопатристическим синтезом»¹⁷, — в утверждении, что Предание есть творческое христианское свидетельство в современном контексте о Христовой истине или целостное евангельское видение

отцов как «постоянное пребывание Духа, а не только память о словах»¹⁸. Это видение Флоровским богословия разделяют по-своему, в широком смысле, и другие весьма разные писатели эмиграции, такие как Владимир Лосский и даже Булгаков¹⁹. Хотя следует помнить, что между, в частности, Булгаковым и его более молодыми коллегами, Флоровским и Лосским²⁰, были большие богословские расхождения, современная наука теперь совершенно справедливо подчеркивает общность видения богословия Парижской эмиграции²¹.

АНАСТАСИЙ БРЕНДОН ГАЛЛАХЕР*

Письмо Георгия Флоровского
к Добби-Бейтману²²
(публикуется впервые)

Кембридж, Масс.
13 декабря 1963

Дорогой Отец,

Большое спасибо за ваше письмо и приложенную статью²³. Статья прекрасная. Главная ее заслуга в том, что она развивается *индуктивно*, исходя от конкретных случаев или эпизодов. Таким образом, вывод убедителен. Думаю, относительно Мотовилова вы правы. В любом случае, *Беседу* не следует рассматривать как самодостаточную. Она не содержит всей истины. Дух есть Дух Христов²⁴, Он послан Христом от

* Я благодарю за гостеприимство и отзывчивость сотрудников (the Revd Stephen Platt and Dr M.C. Steenberg) Содружества св. Албания и преп. Сергия в Оксфорде, Великобритания, обеспечивших мне доступ к архиву Содружества; за неутомимую помощь в работе благодарю Margaret Rich, архивиста из Отдела редкой книги и специальных фондов Принстонской университетской библиотеки (с ее любезного разрешения я опубликовала выдержки из архивных документов); Clare Brown и служащих Ламбетской библиотеки; Dr Cliff Davies, хранителя архива Wadham College, Охон; митрополита Диоклийского Каллиста (Уэра); каноника Доналда Олчина; проф. Майкла Плекона; проф. Эндрю Блейна; проф. Пола Вальера и Ирину Кукоте.

Отца ради того, чтобы напомнить ученикам Христовым, или христианам, о Нем. Нельзя *христологическому* противопоставить *пневматологическое*. Я это вижу все яснее. Дух и Его дары, *charismata*, могут быть «приобретены» только во имя Христово. И в порядке Спасения нет Имени превыше. К Отцу обращаешься во Имя Христа, Сына воплощенного. Пятидесятница — тайна Распятого Господа, Который воскрес, дабы послать Параклета. Таким образом, Крест, Воскресение, Пятидесятница едины как аспекты одной тайны, различны во временном плане, но включены в единое Божественное дело Искупления. В образе преп. Серафима все эти аспекты находят отражение и в своем временном различии, и в своем сущностном единстве. Подвиги, смирение, радость и милосердная любовь, и — дерзновение²⁵. Я говорил об этом парадоксальном синтезе смирения в дерзновении в кратком предисловии к книге отца Софрония о Старце Силуане²⁶. Дух Святой приносит радость, но Он также дарует авторитет и силу. Ваше выражение *alter Christus* довольно смелое, но по сути верное²⁷. В конце концов, по выражению блаж. Августина, Христос не только *in capite*, но и *in corpora*²⁸, а согласно ап. Павлу, все «члены» вместе *являются* «Единым Христом»²⁹. *Imitatio Christi* не просто способ выражения, и он не западного происхождения³⁰. Св. Игнатий Антиохийский считал себя *mimetes Christou*, особенно подчеркивая участие в Кресте или в смерти мученика³¹. Я не вижу большой разницы между *mimesis* и *akolouthia*.

Мое замечание в статье о Древней Руси о предпочтении «решенных проблем» не просто случайно³². Такое предпочтение все еще — главное затруднение современного человека. Оно сильно бросается в глаза в области богословия. Только вчера мне был поставлен вопрос одним участником моего патристического семинара; он сказал: мы читаем Отцов с большой пользой, но каков их «авторитет»? Должны ли мы принимать от них даже то, в чем они явно «обусловлены ситуацией» и потому, вероятно, неточны, несовершенны и даже ошибаются? Мой ответ, ясно, был: нет. Не только потому что, как настоятельно утверждается, только *consensus partum* обязывает — а что касается меня, я не люблю это выражение. «Авторитет» отцов не *dictates papae*. Они — указатели, свидетели, не более того. Изучение отцов обязывает нас

смотреть в лицо проблемам, после чего мы должны следовать отцам творчески, не просто повторять. Я уже упоминал это в кратком предисловии к моей книге «Восточные Отцы IV века»³³ и вызвал яростное возмущение покойного отца Климента Лялина³⁴. Очень многие в наше время все еще ищут авторитетных ответов, даже прежде того как встретились с проблемой. Мне повезло: в моих семинарах участвуют студенты, изучающие отцов, потому что они интересуются творческим богословием, а не просто историей или археологией.

Я рад, что вы нашли м. Филарета простым и не слишком витиеватым. С другой стороны, его проповеди всегда были тщательно подготовлены и, вероятно, написаны заранее. Не все они одного уровня, особенно в ранние годы, когда он был под влиянием модного тогда «евангельского мистицизма»³⁵.

Рад был услышать, что отец Салмон все еще активен. Помню его очень хорошо. Выпустить «Западное издание» Дамаскина — прекрасная идея. Хороший знак — что такой проект может существовать в наше время. Нужно, разумеется, не научное издание, а своего рода пособие³⁶. Вам это по силам, и это будет очень полезно в век Джона Вульвичского³⁷.

Кстати, в свежем каталоге Джеймса Тина из Эдинбурга я нашел новую книгу Оливера Кларка, ответ Робинсону. Видели ли вы эту книгу? Оливер как будто мало писал в последнее время³⁸.

Вы — единственный, кто способен подготовить то, о чем вас просил Читти для задуманного *Festschrift*. И я благодарен ему за то, что ему пришла мысль обратиться к вам с этой просьбой³⁹.

Я послал вам мою новую статью о Предании⁴⁰. Там же вы найдете статью Олчина на ту же тему⁴¹. Журнал издается любтеранами, руководит им мой ученик, блестящий ученый священнослужитель⁴².

С нашими наилучшими
приветствиями вам обоим,
всегда ваш,
Георгий Флоровский.

Пер. с англ. Е. Майданович

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Добби-Бейтман считал, что план Н. Зернова открыть центр Содружества в Лондоне («Дом свт. Василия») — финансово неверный шаг (см. письмо Добби-Бейтмана Николаю Зернову от 2 авг. 1943 г., архив Содружества св. Албания и преп. Сергия [= FASOxon] в папке «St Basil House—Oxford 1932—London 1943»). Ему казалось, что «мечты» Зернова отклонялись от первоначального видения Содружества и, кроме того, у Содружества не было необходимой финансовой базы для того, чтобы инвестировать в недвижимость. В следующем году он сложил с себя членство (письмо Н. Зернову от 16 апр. 1945 г., там же), однако по просьбе Зернова и Пола Андерсона отложил выполнение своего решения до того времени, когда будет восстановлена связь между Лондонским и Парижским отделениями после войны (см. письмо Н. Зернова и П. Андерсона к Добби-Бейтману от 24 апр. 1945 г.; и письмо Добби-Бейтмана Зернову от 17 июня 1945 г., там же). Тем не менее, в следующем году он вновь подтвердил: «Я не хочу быть отсутствующим членом общества, с которым расхожусь [...] Радость о прошлом должна быть его вдохновением, не отягощенным неискренностью» (письмо Н. Зернову от 6 янв. 1946 г., там же). Однако расхождение Добби-Бейтмана с Содружеством было недолгим, позднее он снова примкнул к нему в февр. 1960 г., хотя в силу возраста играл менее значительную роль (см. его членскую карточку, FASOxon).

² См.: *Gallaher Anastassy. Bulgakov and intercommunion* // *Sobornost* 24.2 (2002), pp. 9–28; *Geffert Bryn. Sergii Bulgakov, The Fellowship of St Alban and St Sergius, Intercommunion and Sofiology* // *Revolutionary Russia* 17.1 (2004), pp. 105–141; *Klimoff Alexis. Georges Florovsky and the Sophiological Controversy* // *St Vladimir's Theological Quarterly* 49.1–2 (2005), pp. 67–100; *Nikolaev Sergei V. Spiritual Unity: The Role of Religious Authority in the Disputes between Sergii Bulgakov and Georges Florovsky Concerning Intercommunion* // *St Vladimir's Theological Quarterly* 49.1–2 (2005), pp. 101–123.

³ Добби-Бейтман перевел название широко известной статьи Булгакова (*Булгаков Сергей*. Ипостась и Ипостасность (Scholia к «Свету Невечернему») в «Сборнике статей, посвященных П.Б. Струве ко дню 35-летия его научно-публицистической деятельности, 30 янв. (1890–1925), Прага, 1925, с. 353–371) довольно произвольно как «Person and Personality» (перевод выполнен в апр. 1932 г. для собрания рабочей группы Содружества в ноябре 1932 г., папка FASOxon «Documents About Fellowship and Correspondence»). В FASOxon англ. пер.: «*Protopresbyter Sergii Bulgakov. Hypostasis and Hypostaticity: Scholia to the Unfading Light*», revised trans., ed. and intro. of A.F. Dobbie Bateman by Anastassy Brandon Gallaher and Irina Kukota,

St Vladimir's Theological Quarterly 49.1–2 (2005), pp. 5–46. См. *Bishop Frank H.* Editorial, News, Comments, Correspondence etc. // *Journal of the Fellowship of St Alban and St Sergius* 18 (1932), p. 3; и: Editorial, News, Comments, etc. // *Journal of the Fellowship of St Alban and St Sergius* 19 (1933), p. 4.

⁴ *Zernov Nicolas.* Obituary of The Reverend Arthur Fitzroy Dobbie Bateman // *Sobornost* 7.1 (1975), pp. 47–49.

⁵ *Dobbie Bateman, A.F.* A Conversation of St Seraphim of Sarov with Nicholas Motovilov Concerning the Aim of the Christian Life // *St Seraphim of Sarov: Concerning the Aim of Christian Life* (London 1936), pp. 42–60. Более ранний сокращенный перевод Беседы, по-видимому, сделанный Oliver Fielding [Bernard] Clarke, был издан несколькими годами ранее: *A Conversation of St Seraphim of Sarov with N. A. Motovilov concernin the Aim of the Christian Life* (1831) // *The Journal of the Fellowship of St Alban and St Sergius* 22 (1933), pp. 29–38. См. введение к беседе: *Clarke.* Things New and Old [«Новое и Ветхое»] // *The Journal of the Fellowship of St Alban and St Sergius* 22 (1933), pp. 21–28.

⁶ *Acta Majorum* // *Wadham College Gazette* № 123 (1948), p. 9. Глубокая благодарность Д-ру Клиффу Дейвису, хранителю архивов Wadham College, Oxford, за ссылки о Добби-Бейтмане в архивах его прежнего колледжа (BA, 1920 and MA, 1952).

⁷ *Ibid.*, № 133 (1953), p. 100.

⁸ *Dobbie-Bateman A.F.* The Return of St Seraphim: A Western Interpretation (London, 1970).

⁹ «Сначала я считал [в своей статье, посланной Флоровскому, «Зрелость св. Серафима»] (под влиянием вашей критики Лосского в: 1054–1954 [*Florovsky Georges.* Christ and His Church: Suggestions and Comments // 1054–1954: L'Eglise et les eglises – neuf siècles de douloureuse separation entre l'Orient et l'Occident: Etudes et travaux sur l'unité Chrétienne offerts à Dom Lambert Beauduin, Vol. 2; Chevetogne 1954–55, pp. 168–170], что Серафима следует истолковывать христологически. Это исправляло расхождение, которое я ясно ощущал, но которому уделил недостаточно внимания в мой книге 1936. Также мне давно казалось, что беседа больше сообщает о Мотовилове, чем о Серафиме. Она звучит, будто ее написал Мотовилов и просто представил ее разговором. Тема жизни после воскресения всплыла только после того, как я разобрался в ее последовательности. Таким образом, истолкование беседы в контексте Пятидесятницы теряет свою почти сектантскую неопределенность, вводящую в смущение. Когда это проясняется, это дает понимание долгих лет уединения преп. Серафима, его подготовки, и объясняет смысл нападения на него разбойников» (письмо к Георгию Флоровскому от 27 ноября 1983 г., *George Florovsky Papers*, box 26, folder 2).

¹⁰ *Blane Andrew (ed.). Georges Florovsky: Russian Intellectual and Orthodox Churchman* (Crestwood 1993), p. 297.

¹¹ *Dobbie Bateman. The Return of St Seraphim*, p. 30.

¹² *Ibid.*, preface.

¹³ *Florovsky Georges. Sobornost: The Catholicity of the Church // The Church of God: An Anglo-Russian Symposium By Members of the Fellowship of St Alban and St Sergius*, ed. E.L. Mascall (London, 1934), p. 64.

¹⁴ *Florovsky Georges. Patristics and Modern Theology // Diakonia* 4.3 (1969 [1936]), p. 229.

¹⁵ *Ibid.*, p. 231.

¹⁶ Однако сам Флоровский впал в своего рода византийский романтизм, что можно видеть в его книге *Пути русского богословия* (Париж, 1937), написанной им истории «западного пленения» или «псевдо-морфозы» русского богословия от его подлинной византийской формы. В ней преп. Серафим положительно сравнивается с византийским «тайновидцем», св. Симеоном Новым Богословом, он «внутренне принадлежит византийской традиции. И в нем она вновь становится вполне живой» (*Florovsky Georges. Ways of Russian Theology, Part Two in The Collected Works of Georges Florovsky*, vol. 6, ed. Richard Haugh and tr. Robert L. Nichols (Vaduz 1987), p. 165). [Рус. изд. Париж, 1988. С. 391]. Флоровский считал, что христианское учение неизбежно искажается, если его отделить от греческих категорий, в которых оно было сформулировано («новый христианский эллинизм [...] Эллинизм — устойчивая категория христианского опыта», и таким образом творческая способность современного православного богословия зависит от «духовной эллинизации (или ре-эллинизации)»: «надо быть более греческими, чтобы быть подлинно соборными, подлинно православными» (*Florovsky. Patristics and Modern Theology*, p. 232, см. также: *Blane. Georges Florovsky: Russian Intellectual and Orthodox Churchman*, p. 155). Невозможно недооценить полную несостоятельность такой позиции как с точки зрения богословия (она поощряет православную этничность и патристический фундаментализм), так и науки (она игнорирует свидетельство множества не-греческих отцов, напр., Ефрема Сирина, Шенуды Атрипского, Месропа и т.д.). (См. *Maloney George A. The Ecclesiology of Father Georges Florovsky // Diakonia* 4.1 (1969), p. 23 и далее; и доклад еп. Илариона Алфеева на 9-й Международной конференции о русском монашестве и духовности в Бозе: «Святоотеческое наследие и современность» (The patristic heritage and modernity. 20 September 2001 <<http://orthodoxia.org/hilarion/articles/patrherit.htm>>, last accessed 27 June 2005).

¹⁷ *Florovsky Georges. Sobornost: The Catholicity of the Church*, p. 65.

¹⁸ *Blane. Georges Florovsky: Russian Intellectual and Orthodox Churchman*, pp. 153–155; см. также: *Florovsky Georges. Sobornost: The*

Catholicity of the Church, pp. 53–74, *Patristics and Modern Theology*, pp. 227–232, и: Saint Gregory Palamas and the Tradition of the Fathers // *Sobornost* 4.4 (1961), pp. 165–176; комментарий на это выражение см. в статье еп. Илариона Алфеева «Святоотеческое наследие и современность».

¹⁹ Прот. С. Булгаков. Догмат и догматика в: Живое Предание: Православие в Современности // Православная мысль. Вып. 3. Париж, 1937, с. 9–24. Пер.: *Dogma and Dogmatic Theology*; Peter Bouteneff в: *Tradition Alive: On the Church and the Christian Life in Our Time—Readings from the Eastern Church*, ed. Michael Plekon (Lanham, 2003), pp. 67–80; and *Lossky Vladimir. Tradition and Traditions*, tr. G.E.H. Palmer and E. Kadloubovsky in: *In the Image and Likeness of God*, eds. J. Erickson and T.E. Bird (Crestwood 1974), pp. 141–168.

²⁰ See *Valliere, Paul*. The “Paris School” of Theology: Unity or Multiplicity?, неопубликованный доклад, ‘La Teologia ortodossa e l’Occidente nel xx secolo: Storia di un incontro’ (Seriante, October 2004). Благодарю проф. Вальера, который поделился со мной этим текстом (found at <<http://www.livejournal.com/users/seraphimsigrist/2004/09/20/>>, last accessed 27 June 2005).

²¹ See *Arjakovsky Antoine*. Personne, Sagesse, Hypostase, une vision renouvelée de la divino-humanité, <<http://www.ucu.edu.ua/fr/seminars/2004/personne.sagesse.hypostase/>>, last accessed 27 June 2005. См. также: *Аржаковский А.* Журнал ПУТЬ (1925–1940): Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции (Kiev/Paris 2002), pp. 517–522.

²² Примечание издателя: Мы сохранили прописные буквы и пунктуацию оригинала.

²³ Это доклад «The Maturity of St Seraphim» (George Florovsky papers, box 59, folder 2), Dobbie-Bateman прочел его на конференции Содружества в этом году (*Ryan Edward and Ronald Smythe, Impressions of the Conference II* // *Sobornost* 4.10 (1964), p. 594). Позднее в сильно переработанном виде он станет первой главой книги *The Return of St Seraphim* (1970).

²⁴ Рим. 8, 9.

²⁵ В гораздо более раннем тексте (*Пути русского богословия*, 1937), Флоровский пишет, что Серафим «с неожиданным дерзновением свидетельствует о тайнах Духа. Он был именно свидетелем, скорее, чем учителем. И еще более: его образ и вся его жизнь есть уже явление Духа» (*Florovsky Georges. Ways of Russian Theology*, p. 165).

²⁶ *Florovsky Georges*. Foreword’ to Archim. Sophrony (Sakharov)’s *The Undistorted Image: Staretz Silouan, 1866–1938* (London 1958), pp. 5–6; Флоровский лично встречался с преп. Силуаном на Афоне, и фотография старца висела в его кабинете (*Blane. Georges Florovsky: Russian Intellectual and Orthodox Churchman*, p. 298).

²⁷ «Святой Дух открыл в преп. Серафиме Христа. Жизнь, благочестие и слава преп. Серафима в основе своей христоцентричны. Тот, кто вывел Господа своей жизни от воображаемых видений в сокровенную ночь собранного и трезвого ума, тем самым раскрыл действие Христа-жизни. Он *alter Christus*» (*Dobbie Bateman. The Maturity of St Seraphim, George Florovsky papers, box 59, folder 2, p. 12*).

²⁸ Флоровский отсылает к месту у блаж. Аврустина, *locus classicus* выражения ‘*totus Christus*’: In *Iohannis evangelium tractatus CXXIV*, 28.1 (PL 35. с.1622). Это ключевое понятие для понимания богословия Флоровского. См. коммент. у *Kiinkel Christoph. Totus Christus. Die Theologie Georges V. Florovskys* (Gottingen 1991), pp. 14–15 и 185–187.

²⁹ Рим. 12, 5 и 1 Кор. 12, 12.

³⁰ Отсылка к книге Фомы Кемпийского (с. 1380–1471) *О подражании Христу*.

³¹ «Дайте мне быть подражателем страданий Бога моего» (Игнатий Антиохийский. К Римлянам 6, 3).

³² *Florovsky Georges. The Problem of Old Russian Culture. A discussion with comments by Nikolai Andreev and James H. Billington // Slavica Review* 21 (1962), pp. 1–42.

³³ Эта книга была составлена из учебных лекций. В серии очерков, или глав, я стремился обрисовать и описать образы великих наставников и отцов Церкви. Нам они в первую очередь представляются свидетелями соборной веры, хранителями вселенского предания. Но корпус святоотеческих писаний — не только нерушимая сокровищница предания. Предание — это жизнь; и предания верно сохраняются, только если воспроизводятся в жизни, через соответствие жизни им. Отцы свидетельствуют об этом в своих творениях. Они показывают, как истины веры оживляют и преображают дух человеческий, как человеческая мысль обновляется и получает новую жизнь из опыта веры. Они обращают истины веры в целостное и творческое христианское мировоззрение. В этом смысле святоотеческие труды являются для нас источником творческого вдохновения, примером христианской смелости и мудрости. Во всех своих лекциях я в первую очередь стремился войти сам и ввести читателя/слушателя в этот творческий мир нестареющего опыта и созерцания, в мир немерцающего света. Я верю и знаю, что только в нем и через него открывается прямой и верный путь к новому христианскому синтезу, к которому стремится, которого жаждет современность. Пришло время воцерковить наш собственный ум и воскресить для нас самих святой и благословенный источник церковной мысли (Г. Флоровский. Предисловие к книге *Восточные отцы IV век*) (Париж, 1931). Флоровский так и не довел до конца задуманное пятитомное исследование об отцах; были завершены

только две книги (*Blane. Georges Florovsky: Russian Intellectual and Orthodox Churchman*, p. 154).

³⁴ Лялин критиковал лекции Флоровского за будто бы недостаточную научную эрудицию и с точки зрения литературной, и за недостаток научной точности (*Lialine Clement. Review of 'Vostocnyye Otsy IV veka, Irenikon 10.1 (1933), p. 84*). Его анализ и описание софиологического спора 1935 года до сих пор служит главным источником для современных историков (*Lialine, 'Le Debat Sophiologique', Irenikon 13.2 (1936), pp. 168–205; 'Chronique Religieuse', Irenikon 13.3 (1936), pp. 328–329; 'L'Affaire Sophiologique', Irenikon 13.6 (1936), pp. 704–705*). Его некролог см.: *Rousseau, Dom Olivier, 'In Memoriam: Dom Clement Lialine (1901–1958)', Irenikon 31 (1958), pp. 165–182*.

³⁵ Митрополит Московский Филарет (Дроздов) (1782–1867) был выдающимся русским богословом и церковным деятелем XIX в. На Западе он известен главным образом благодаря книге *Христианский катихизис Православной Кафолической Восточной Церкви* (1823); в России — по проповедям: *Слова и речи*, 5 томов (Москва, 1873–1885).

³⁶ Harold Bryant Salmon (1891–1965), тогда каноник Собора Whittackington in Wells, а прежде — глава (1931–1947) Wells Theological College (1840–1971), предложил, чтобы Добби-Бейтман вместе с лектором-арабистом выпустил «западное издание» *De Fide Orthodoxa* св. Иоанна Дамаскина [*Точное изложение Православной веры*]. Добби-Бейтман считал, что такой проект, возможно, уже кем-то предпринят и что подготовка критического текста превосходит его возможности; поэтому он спросил совета у Флоровского (Письмо Г. Флоровскому от 27 ноября 1963, *George Florovsky Papers, box 26, folder 2*).

³⁷ Джон Робинсон (1919–1983) был англиканским епископом Вулича. Тогда только что вышла его спорная книга *Honest to God* (London 1963), положившая начало движению «смерти Бога» в богословии [Рус. пер.: Джон А.Т. Робинсон. Быть честным перед Богом / Пер. Н. Балашова. М.: Высшая школа, 1993].

³⁸ Флоровский имеет в виду книгу: *Oliver Fielding Clarke's. Christ's Sake: a reply to the Bishop of Woolich's Honest to God and a positive continuation of the discussion* (second ed., Wallington 1963).

³⁹ Derwas J. Chitty (1901–1971), многолетний англиканский настоятель прихода в Upton (Оксофордская епархия), был давним членом-учредителем Содружества и специалистом по древнехристианскому монашеству (См.: *The Desert a City: an introduction to the study of Egyptian and Palestinian monasticism under the Christian Empire* [repr. Crestwood, NY 1995]; Every, Edward, 'Derwas James Chitty, 1901–1971' and Allchin, A. M. 'D. J. Chitty: A Tribute', *Sobornost* 6.3 (1971), pp. 178–181; and Ware Kallistos. Derwas James Chitty (1901–1971)', *Eastern Churches Review* 6 (1974), pp. 1–21).

Он как будто задумал *festschrift* в честь Флоровского и приглашал Добби-Бейтман к участию (см.: *George Florovsky. Papers*, box 60, folder 5). Однако, как не раз с ним случалось (напр., незавершенный им перевод «Лестницы Божественного восхождения» Иоанна Лествичника: Ware, Kallistos and Sebastian Brock // *The Library of the House of St Gregory and St Macrina*, Oxford: The D.J. Chitty Papers', *Sobornost* 4.1 (1982): 57 [56–58]), это начинание впоследствии было отложено.

⁴⁰ См.: *Florovsky Georges*. Scripture and tradition: an Orthodox point of view. *Dialog* 2 (1963), pp. 288–293.

⁴¹ Canon A. M. Allchin был в тот момент библиотекарем в Pusey House, Oxford. См.: *Allchin A.M.* 'Anglican view on Scripture and tradition', *Dialog* 2 (1963), pp. 295–299.

⁴² Имеется в виду Charles S. Anderson, главный редактор *Dialog* и преподаватель в Luther Theological Seminary (St Paul, Minnesota).

Последние письма с Понта

В эту публикацию включены размышления о. Михаила Шполянского последних двух лет его жизни. О. Михаил был человеком живого ума и с течением времени многое пересматривал в своих взглядах, оставаясь верным главному — духу евангельской любви.

В первой части собраны размышления автора о Церкви и священстве. Чуть менее чем за год до смерти о. Михаила я попросил его изложить свое мнение о состоянии современной Церкви. Этот текст можно считать завещанием о. Михаила. Автор отправляется от реалий современной церковной жизни и рассуждает о тупиках, в которые заходят люди, посвятившие себя церковному служению. Еще один недавно ушедший от нас праведник, о. Павел Адельгейм, считал, что сейчас настало время решения проблем эклезиологических, проблемы границ Церкви, как раньше было время проблем христологических. Именно в этой области о. Михаил решается сделать шаг вперед, начать честно задавать вопросы, которые многие боятся высказать или даже просто сформулировать. К сожалению, о. Михаил не успел привести текст в законченный вид, он остался в черновом варианте, и я опубликовал его в интернет-сообществе Christ Civilization (<http://christ-civ.livejournal.com/>) уже после кончины автора.

Вторая часть отобрана из двух источников: во-первых, из записей о. Михаила в том же интернет-сообществе, а во-вторых, из его личных писем ко мне, которые он писал приблизительно за полгода до своей смерти. Он уже чувствовал себя нездоровым, проходил обследования, но настоящего своего диагноза еще не знал. Записи же в интернет-сообществе делались в 2012–2014 годах, когда о. Михаил почти перестал вести свой собственный блог в «Живом журнале». В сообществе он задавал вопросы, размышлял вместе с участниками дискуссии и порою честно признавался, что далеко не на все вопросы у него есть ответы, и даже то, что казалось

ему ясным в годы неопитства и начала священнического служения, теперь видится куда менее простым и однозначным.

Все, что следует ниже, не фрагменты богословских трактатов. Это живые, неформальные, разговорные по языку, часто небесспорные размышления одного из самых ярких, смелых и неординарных священников Русской церкви последних двух десятилетий.

По своему жанру и темам эти заметки как бы продолжают работы о. Михаила, публиковавшиеся в «Вестнике» раньше, прежде всего, его статью «Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле? (Размышления о христианстве и жизни во Христе)», № 200 (2012), с. 26–44. В одном из последних обменов мнениями по Интернету о. Михаил в шутку назвал ту дискуссию «Письмами с Понта и обратно». Я счел уместным дать нынешней серии заметок моего дорогого старшего друга название по мотивам этой шутки.

Свящ. Алексей Квитко

I. Мысли о Церкви, священстве и юрисдикциях (набросок)

Эмпирическая церковь (не путать с земной ипостасью Церкви Христа!) превратилась в самовоспроизводящуюся бюрократическую машину, по сути дела, в псевдоцерковь.

Земная церковь больна (я сейчас говорю о реалиях РПЦ, но корни проблемы уходят в 2000-летнюю историю). Беда в этой уродливой, нехристианской, антихристианской бюрократической системе. Привязка всего к храму, к квадратным метрам, деньгам, власти, к личности «начальника», имущественное и правовое бесправие верующих. Пока не будет изжито это зло, пока оно живет, пока с ним считаются и пока поддерживают — ничего не изменится.

С одной стороны, человеку со здоровой душой и совестью жить в этой системе, пытаясь основанием жизни ставить Евангелие, невозможно. С другой, в русле сложившихся стереотипов поделаться с этим также ничего нельзя. «Лечить»

систему бессмысленно: слишком далеко зашла болезнь. Убедительной альтернативы, тождественной по сущности, но здоровой по реализации, нет. Даже самые радикальные попытки «смены вех» приводили к тиражированию все тех же аномалий, только в иной форме.

Итак, тупик? Бюрократическую псевдоцерковь улучшить невозможно, противопоставить ей нечто здоровое в той же системе координат нечего. Да, так и есть.

Бюрократическая псевдоцерковь разоблачает саму себя

Но несмотря на то, что зло бюрократической системы изжито не будет, есть надежда. Надежда на то, что именно оно, это зло, дошедшее до очевидного предела, сквозь две тысячи лет уклонений в патологический ветхозаветно-византийско-римско-совковый компот, откроет чадам Церкви глаза на «голового короля». Провал всех «прогрессивных» надежд: соборность, миссионерство, возрождение и проч., оставляет нас посреди пустыни, из которой вывести может только Господь. Колосс псевдохристианской цивилизации рухнет. И слава Богу. Цезарепизм как стержень таковой цивилизации — ложь и морок. Именно в разрушении мифа есть шанс вернуться к подлинности жизни во Христе. Однако — вернуться куда? Обычная реакция — или разрыв с Церковью как таковой, или перемещение из юрисдикции в юрисдикцию, из одной бюрократической системы в другую. Первое губительно, второе бессмысленно.

Есть ли третий путь?

Есть ли иной путь — Церковь земная, но являющая себя в совершенно иных, чем мы привыкли думать, формах? Как практически обрести таковой путь?

Прежде всего — вручить себя Господу, не пытаться за Него «благоустроить» Церковь (точнее, эмпирические структуры, присвоившие себе именование Церкви). Общий вектор — личное предстояние в попущенных Господом формах. Кому Бог это дал — предстояние тем малым собором, который обустроила сама жизнь. А кому-то Господь может попустить и одинокое предстояние (что возможно и в традиционной системе — отшельничество).

Христос мегаструктур не создавал. Сколько было апостолов? Двенадцать. Ну, с женами, допустим, двадцать. Так ведь только обычная семья — уже двадцать человек. Хорошо, а более широкий круг? — кто не был непосредственно с Иисусом, а встречался периодически? Семьдесят. Но если собрать тех, которые желали бы быть не только нашими хорошими знакомыми, но и сомолитвенниками — тоже человек семьдесят. Чем это не церковь?

Ну, а в случае попущенных Богом обстоятельств духовного одиночества (что вовсе не означает духовного сепаратизма или самовозвеличивания — см., например, обстоятельства жизни Иоанна Алексеева на Новом Валааме или того же преп. Сергия) можно тихо приходить в любой храм, приход (добавлю, — имхо¹, любой юрисдикции), и приступать ко главному, чем живет Церковь, — к причащению Даров, не навязывая своих взглядов и не осуждая других, при этом избегая пресса самочинного «духовного окормления». Любовь к братии во все не в суете и болтовне, а в смиренном соучастии в Трапезе Господней. «Духовное общение» не самоцель, но только обрамление главного — Евхаристии. «...Ничто не разлучит нас от любви Божьей» (Рим. 8, 35 и 39) — в этом контексте даже самое формальное отношение к прихожанам не является ущербным по определению. Напротив, иногда таковое даже удобно — именно как возможность избежать ложного «духовного окормления».

Не протестантизм в традиционных формах

Конечно, это очередной парафраз изначального позыва протестантизма. Ничего плохого в том нет. Жаль, но факт: не так уж много понадобилось времени, чтобы и протестантизм обюрократился и закаменел, только уже в еще большей подробности. Потому он (в сложившемся виде) — не выход.

Евхаристия и установившиеся формы рефлексии

Вопрос Евхаристии. Уверен, что Евхаристия не там, где «правильные» люди «правильно» читают заклинания, а там, где Христос встречает верующее в Него сердце. И потому совершенно все равно, где и в каком виде принимать Дары Господни.

Но есть установившиеся исторические формы рефлексии (иногда вполне плодотворные). И потому естественно

не выходить за круг органично воспринимаемой каждым верующим традиции и причащаться там, где душа гармонично в этот круг вмещается. При этом понимая, что юрисдикция и конфессия как самодовлеющее явление — nihil. Потому выросшим в православной церкви иереям вполне закономерно служить на церковнославянском и не менять канонического чинопоследования, при этом не придавая ни тому, ни другому самодовлеющего значения. Необходимо понимать: можно жить в вере во Христа, актуализируя ее и в других, непригодных для себя формах.

Если человек приходит в храм — как избежать «прокрустизации»? Что делать с батюшками — либеральными ли, консервативными ли, — которые сразу попытаются натянуть на пришедшего «духовное окормление»? Чем более энергичен священник, тем быстрее и тотальней. Мое видение тут на первый взгляд парадоксально. Православным нужно искать самый формализованный приход (конечно, только в том случае, если нет прихода, жизнь которого звучит в унисон с верой и сердцем); приход, в котором всем наплевать, кто ты, был ли на вечерне, как постился и пр. «Грешен?» — «Грешен, каюсь». И что плохого? — ведь Господь всегда и везде тот же. А уж если есть возможность общаться с кем-либо из клира или прихода в личном порядке — то пожалуйста, было бы с кем.

Но где же Церковь?

Церковь живет в бесконечном многообразии форм, объединенных верой и любовью. Тут должно быть только три императива:

1) Вера во Христа.

2) Свободное, от сердца, выражение этой веры в жизни: кому семейная церковь, кому агапа друзей, кому отшельничество, кому монастырь, кому миссионерский приход, кому община протестантского типа, кому традиционная структура католической или православной церкви и т. п.

3) Равноправное принятие любых путей во Христе. Иконоборцы обнялись с иконопочитателями; впрочем, если по-человечески это для них, конкретных, и невозможно, то ладно уж, пусть не обнимаются, но хотя бы не «гнобят» друг друга, предоставят все Господу. Кстати, в контексте этого, думаю, и все «кровь, пот и слезы» церковной истории — след-

ствие желания навязать. Кто хочет — будь монофилитом или арианом, кто хочет — католиком или православным, все у Бога, а Бог всем и Отец, и Судия — «...Един Законодатель и Судия, могущий спасти и погубить; а ты кто, который судишь другого?» (Иак. 4, 12). Наше дело — не клеймить инакомыслящих, а самим пытаться убедительностью своего опыта предстояния явить иную возможность жизни в Боге — тогда, когда мы хоть как-то сумеем встать на этот путь.

Как иереем реализовать свое призвание?

В плане единственно важном — возможности приобщения к Его Телу — совершенно неважно, как и где иерей совершает Евхаристию. И также неважно, в какую конфессию (юрисдикцию) переходить из «канонической структуры» в случае однозначной невозможности исполнять там волю Божию. Главное — уходить туда, где есть возможность приобщаться к «Сие творите в память обо Мне». Мирянином, клириком (заштатным или запрещенным) — несущественно; важно быть участником Трапезы Господней.

Ну, а если иерей, покидая «свою» юрисдикцию, чувствует категорическую необходимость продолжать тайносовершительство? Ничто ему в этом помешать не может. Заштатный или запрещенный клирик имеет к тому три возможности:

- 1) переход в смежную юрисдикцию без заморочек о «каноничности»;
- 2) служение на так или иначе обретенном антиминсе;
- 3) служение без антиминса — для тех, кто понимает совершеннейшую условность этого атрибута.

Юрисдикции. Что дальше?

Юрисдикция сама по себе — ничто, техническая формальность. С онтологическим бытием Церкви она практически не пересекается — не более, чем архитектурные традиции храмоздательства или финансовая структура епархупра. Что нам это дает? Твердые основания для того, чтобы не путать понятие пребывания в той или иной юрисдикции с пребыванием в Церкви как таковой. Это совсем немаловажно практически.

Это значит, что можно не принимать во внимание филиппики тех, кто, так или иначе, отождествляет критику

юрисдикции с поношением Церкви. И не считать, если человек заявляет (публично или приватно, сделав формальный шаг или лишь устно), что не желает иметь ничего общего с той или иной юрисдикцией, то этим он выводит себя из поля церковности. Именно потому, что Церковь есть не юрисдикция, а евхаристическое собрание, христианин может со спокойной совестью посещать то собрание, в котором он чувствует себя «дома», просто игнорируя вопрос, к какой юрисдикции оно относится (что с очевидностью реализуется не только в Европе-Америке, но даже и в России — в подворьях). Причем он, к примеру, не принимая реалий РПЦ, не только может посещать приходы Пэдуару², но и приходы Московского патриархата — если это не требует внутреннего компромисса. Можно сказать: «Я с этой гнилой структурой не желаю иметь чего-либо общего», и в то же время продолжать причащаться в приходе Московского патриархата — именно потому, что юрисдикция есть фикция, «нихил», только внешняя и случайная оболочка (как можно причащаться и в храме уродливой архитектуры). Конечно, иное положение у клириков конкретной юрисдикции. Но ситуация для них должна решаться индивидуально, и общему обсуждению, имхо, не подлежит (не из-за неприкасаемости клана, а из-за того, что это в общем-то вопрос технический и решаться должен прагматически в соответствии с ситуацией — по совести и по обстоятельствам).

Что препятствует переходу в иную структуру?

Есть два массива причин: материальные и психологические.

Материальные доводы. Хотя и редко декларируемые как главные, но, в действительности, часто играющие решающую роль. Как прокормить семью, если ты ничего, кроме как размахивать кадилом, не умеешь? <...>

Психологические доводы. Тут целый комплекс заблуждений, стереотипов и рефлексий. Первый стереотип, самый простой. Это негативная коннотация (как для клириков, так и для мирян) термина «поп-расстрига» и даже просто понятия «бывший священник». Основана эта коннотация как на примитивной исторической рефлексии, так и на поверхностном, лубочном представлении о Церкви. Наивность

этого настолько очевидна, что и детализировать тему нет смысла³.

Священство есть ветхозаветное понятие

Более глубокие причины — глубоко вросшее в церковную жизнь ветхозаветное представление о сакральной природе священства. В действительности это понятие не что иное, как устоявшийся обман и самообман: в Церкви Христа говорить о священстве можно только по отношению к народу Божьему, получающему в Крещении и Евхаристии обновление своей природы. В отношении же предстоятелей евхаристического собрания можно говорить о функциональном священстве (тайносовершительстве), о сакральной функции⁴. Единственное, что можно мыслить иерею о себе, — с ужасом и трепетом видеть недостойнство своего служения. И сторицей блюсти себя в этом от компромиссов с дьяволом (вдумайтесь — компромисс с дьяволом ради служения Богу!). И уж никак не оправдывать свое участие во зле доводом — «я, мол, обязан служить». Мы обязаны одно: не предавать Спасителя.

Промысел — не механическая данность

Еще одной причиной «закомплексованности на иерействе» является неверно понимаемая идея исполнения Промысла Божьего: раз рукоположили, так служи во что бы то ни стало. Думаю, тут опять же примитивный стереотип. Жизнь по воле Божией не есть некая статика, но динамичное движение в синергии. С одной стороны, человек, естественно, может обмануться в правильном понимании Промысла о себе, с другой стороны — с течением времени воля Божия о нем может раскрываться по-новому. В большинстве случаев «иерейской дилеммы» достаточным посылом является невозможность продолжения служения в клире без насилия над своей совестью во Христе. Так что единственный способ исполнения Промысла о нас — это жить в воле Отца, граничным условием чего является невозможность предательства Господа.

Архиерейство как узурпация

И последнее. Притча во языцех — благословение архиерея. Апостольское преемство, седьмое таинство и проч.

Но любой, знакомый с историей Церкви, знает, что епископы не являются сугубыми преемниками апостолов; чин апостольский как таковой продолжения не имел. Апостолы благословляли на разнообразные служения, в том числе и на предстоятельство, и на раздавание пищи, и на учительство, и на организационное служение. Никакого «делегирования» служения нет и быть не может; «седьмое таинство» есть не что иное, как узурпация власти в церкви. Ведь именно с введением сакрального архиерейства было разрушено подлинное единство Церкви: появились «адепты» — те, кто якобы обладает всей полнотой благодати, люди высшей природы, и только они являются церковью как таковой. За ними идут те, кто в дар от «адептов» также получил сакральную природу, пусть и умаленную, «второсортную». И, наконец, толпа «недочеловеков», «народ невежда, проклят он» (Ин. 7, 49), те, кто получает возможность богообщения из рук «высших» существ. Все это есть не что иное, как деформация Церкви, и не подлежит сохранению. А сохранению подлежат вера и любовь.

Заключение к заметкам

Моя задача — как я ее вижу — разрушение стереотипов. И попытка помочь «излечиться от комплексов». Цель не в том, чтобы кого-то «вывести из Египта», а в том, чтобы те, кто в силу попущенных Богом обстоятельств не уйти не может, не чувствовали себя потерянными и потерпевшими жизненный крах.

Вся эта антихристова муть должна остаться за гранью христианского сознания и не может препятствовать исполнению воли Божией о каждом из нас. Каковая состоит не в самоценности служения клириков, а в посильном исполнении Заповедей Господних (в первую очередь — двуединой) и в покаянии в недостаточности этого исполнения.

Конечно, все сказанное обращено прежде всего к клирикам. Но именно в силу неотрывности священнического служения от паствы и неделимости народа Божия относится ко всем нам, чающим пребывания в лоне Церкви Христа.

Итак — канонична только одна Церковь Христа, границы которой в вере, любви, жизни по заповедям и в покаянии. И любое служение в ней Господу — благо и жизнь со Христом.

II. Записи в «Живом журнале»

О вере

Осуществление ожидаемого... и уверенность в невидимом (Евр. 11, 1). Мы так привыкли к этому верю-верю-верю, что не задумываемся о содержании самого понятия веры. В лучшем случае со значением и благочестивым придыханием повторим слова апостола.

А все же? Если попытаться понять? Не изменятся ли некоторые критерии нашего восприятия того, что мы привыкли считать данностью? Итак, Господь Иисус Христос. Мы верим в то, что Он Богочеловек, лицо Пресвятой Троицы. Что в этом нам понятно? Ничего, это ведь действительно выше человеческого разума. Это нормально, мы в это верим, потому что... верим Ему. А почему мы верим Ему? Потому ли, что Он исцелил дочь Иаира и воскресил мальчика из Наина? Или потому, что учил «хорошему»? Чепуха, всего этого валом и вне Христа. Я думаю, мы верим в Него, точнее, Ему, потому, что мы Его любим. Вот так взяли, да и полюбили. Услышали ушами сердца, увидели глазами души. И полюбили. Сначала как Учителя. Затем — по Его призыву — как друга. А святые, наверное, — как возлюбленную голубицу в ущелье скалы под кровом утеса (Песнь песней 1, 14).

Мы любим отца, друга, сына, возлюбленную, и потому верим им более, чем самим себе. А если не верим — значит и не любим. Но как рождается любовь — тайна тайн; одни любят, другие не любят, и кто возвестит сие? Ведь никто не может полюбить, если Отец не призовет его.

Вот я знаю о неправде апокрифа от Фомы. Почему? Потому, что любимый мною Иисус не мог убить глухих детей, поломавших глиняных птичек. Я в это не верю. Я люблю Церковь, потому что она Невеста Христова и непорочна в своей верности Жениху. Я верю ей, потому что Невеста и Жених едины. Но если кто-то, именуемый церковью — пусть именование это освящено тысячелетием, — являет то, что не может принять любовь, значит, я не могу верить ему. Вера — функция любви, ее самоидентичность. Вера рождается в нашем сердце. Ее не заменить знанием, как бы убедительно оно ни было, — ибо они разноприродны. И потому пусть все Предание будет талдычить мне: ненавидь католи-

ков, потому что когда-то их попы поспорили с нашими, не отпевай самоубийц, потому что их кто-то там проклял, почитай Иосифа Крутого Волоцкого, потому что он собрал крепкое хозяйство, забудь о совести потому, что это приказал архiereй, и прочее, и прочее, и прочее, — невозможно это принять. Потому что в это нет веры. А без веры нет Веры. Мы, будучи носителями образа Творца, верой-любовью приняли Христа, и никто не мог нам этого навязать: мы сами сделали выбор. Так почему от нас требуют принять веру-знание (так положено, мол, ибо — и дальше тры-тры-тры...) в то, что не может принять любовь? Подмена. Термин — вера — один, а содержание несовместимо-различное.

Рамки веры

А где вообще рамки веры? Вот у меня, когда я пришел на приход, староста верил в бога Николая, а завхоз — в то, что Христос только пророк (ну, первый-то ладно, он по темноте, а вот где второй, сельский мужик, обрел столь ныне экзотическую для членов Церкви веру — ума не приложу). Да, кроме агрессивных фундаменталистов и псевдотолерантных либералов есть «абсолютное большинство», но что есть таковая вера, к которой «никто не принуждает»? Где Церковь, а где фольклор, а где суеверие, а где психиатрия? Я никак не ставлю под сомнение ни душевно-духовные качества этого большинства, ни возможность их приятия Господом (что касается и всех человек), ни искренность их веры. Но мне всегда очень хотелось понять — тождественна ли «вера во Христа» самой Церкви? Важно ли, в «какого Христа» веруешь, и где рамки неизбежного субъективизма? Ставший общим местом вопрос: можно ли быть христианином (без софистики о разнице между понятиями «христианин» и «член Церкви Христа»), никогда не читая Евангелия и не причащаясь? Является ли христианством то состояние, в котором вера актуализирует себя только в постановке свеч и лобызании «пояска Богородицы»? Да, мне лично это не близко, но и выносить суд не могу: Господь всем хотяй спастись (это, кажется, понятно) и прийти в познание истины (а это уже непонятно — как именно?). Но тогда возникает вопрос — граница спасаемости? Если может быть спасен «храмовый огнепоклонник» («свечкоустановитель»), то почему бы не быть

спасенным пещерному огнепоклоннику? А если так — то зачем Христос? Может быть, дело все же в образе спасения, в том, что «иметь жизнь вечную» не то же самое, что «пребывать со Христом», что есть высшее состояние воссоединения со Творцом? Но тогда опять же — пребывает ли со Христом тот, чья вера ограничена плотскими и душевными рефлексиями? У меня на это ответа нет, не знаю...

«Выгорание» и кризис веры

Я думаю, что тут действительно очень важно разграничить душевное и духовное. «Выгорание» в первом случае я бы идентифицировал с усталостью, во втором — с кризисом веры. Конечно, в «реале» это может быть переплетено.

Но все же важно понимать исходную причину.

Усталость — от маразма епархиальной жизни, от часто непосильного груза бессмысленных телодвижений при «отправлении» религиозных нужд прихода, от ложно понятого благочестия (подвиги не по силам), от хронического безденежья и от безвыходности во всем этом.

Кризис веры — от столкновения идеалов с реальностью, вполне закономерная невозможность примирить то, ради чего мы шли сюда, с тем, что получили, и, что очень существенно, страх додумать до конца то, что мы уже увидели и поняли.

Сложность в том, что и первое, и второе состояние имеет практически одно и то же следствие — уныние, доходящее иногда до отчаяния. И потом падение, или запой, или «облом» себя...

Ну, я, как клятый оптимист, верю в то, что бороться можно и с первым, и со вторым.

С усталостью — нужно 1) максимально дистанцироваться от епархиальной жизни и 2) просто давать себе возможность отдохнуть там и в том, где это возможно (например, без всякой рефлексии сокращать бессмысленное бла-бла в требах). Понимать, что наше падение и отпадение будет для нас и наших близких гораздо большим злом, чем некое несоответствие ложным идеалам благочестия.

С кризисом веры бороться не сложнее. Нужно: 1) не бояться самых нестандартных мыслей, если они рождены нашей совестью пред Богом и Евангелием, быть в этом

честным; 2) попытаться различать Церковь во Христе и паразитирующую на ней структуру; 3) сконцентрировать нашу веру во Христа и Его Церковь на евангельских максимах и не придавать слишком большого значения манифестациям прикрывающегося святынями лежащего во зле мира.

Типы кризиса веры

Хотелось бы несколько углубить тему «кризиса веры». Думаю, тут тоже есть две различные составляющие: кризис веры, имеющий внешние причины (как раз о нем я писал в предыдущей записи — симптомы, способы преодоления), и кризис веры, имеющий причины внутренние. Второе — это совсем особый случай. Я бы назвал это даже не кризисом веры, а потерей веры, нередко докатывающейся до активного атеизма. И тут тоже есть две ситуации: потеря веры как следствие изначальной поверхностности веры, и потеря веры как следствие потери живого чувства присутствия Божия и внутренних ориентиров.

Первый случай — чаще всего итог поверхностного религиозного воспитания и образования, или, напротив, давящего навязывания религии, или же результат сугубо фольклорной религиозности (так, многие — хотя, конечно, не все! — переселенцы из Западной Украины здесь перестают ходить в церковь вообще)⁵. Внутренними усилиями этого не исправишь, в первую очередь потому, что человек сам и не думает, что нужно что-то исправлять. Впрочем, возможно исправление ситуации воздействием извне — но это уж если повезет встретить человека, способного оказать таковое влияние (Промысел Божий — по умолчанию).

Второй случай, как правило, мучителен для самого человека. Справиться с этим можно традиционным путем духовной брани: осознать свои терзания как прилог дьявольский и противостоять ему — смирением, терпением, усилиями («молитвой и постом») и, конечно же, в первую главу евхаристическим упованием на помощь Спасителя.

Разобравшись, проанализировав болезнь в каждом отдельном случае, можно составить ее «спектрограмму» (ведь ничего не бывает в «чистом» виде, всегда присутствует все, только в разных пропорциях) и попытаться, скомпоновав систему значимостей, ее излечить.

Поп на папёрти: колбаса и овца

Последние дискуссии подвигли меня к некоторому уточнению темы. Точнее — конкретного вопроса: какая альтернатива служению в клире для священников?

Попробую систематизировать.

1. Я не сторонник каких-либо революций или кампаний протестного исхода. По сути дела, моя позиция сводится к тому, что цель, какая бы «благородная» она ни была, средств не оправдывает. Для меня есть простой нравственный императив: если пребывание в клире требует предательства веры и совести, то оправдания таковому пребыванию нет (при этом не имею ничего против ситуационных компромиссов: так, спокойно облобызаю не только лапку, но и башмачок архиерея — если только это не будет знаком отказа от своих убеждений).

2. Мы не должны быть никому судиями. В построении отношений необходимо учитывать комплекс личных обстоятельств: и возраст, и опыт, и психотип и т. п. (из 25 лет служения 15 я сам был вполне определенным фундаменталистом: монархист, ревнитель «Святой Руси»). И в конечном итоге никогда нельзя забывать: Судия только Господь. Наше дело — не клеймить инакомыслящих, а самим пытаться убедительностью своего опыта предстояния явить иную возможность жизни в Боге — тогда, когда мы хоть как-то сумеем встать на этот путь.

3. Могут быть разные обстоятельства, требующие, дабы не предать Христа и себя пред Ним, перейти Рубикон. Например, действия епархии по разрушению евхаристической общины или семьи («малой Церкви»), втягивание в круговую поруку подлости, запрет на деятельность, к которой обязует совесть, принуждение ко лжи, и пр., и пр. В этом случае уйти (форма чего может быть чрезвычайно разнообразна) — наша обязанность пред Богом (хотя решать конкретно — каждому самому).

Самыми употребимыми аргументами против такового ухода являются «колбаса» и «овца» — пропитание и пастырский долг.

1. Довод колбасы я вообще посчитал бы смешным обсуждать — если бы на него не налегало столько собеседников. Удивительный вопрос — как прокормиться? А как кормятся

миллионы других людей? И ямы копают, и умничают, и просить не стыдятся — кто что, по обстоятельствам. 25 лет назад рухнула империя. Сотни тысяч квалифицированных специалистов остались без работы. Одни пошли торговать на рынок, другие подались в «челноки», третьи в села, кто в разнорабочие (я пошел на стройку каменщиком, потом поехал помидоры выращивать). Ах, как выжить попу?! Конечно, хочется столичный стандарт не умалить. Но это уж вопрос «куса», тут его обсуждать не вижу смысла. А если сельский батюшка горбатился на приходе, то ему не привыкать, не пропадет.

Не говоря о том, что не нужно всех под одну гребенку. Я лично близко знаю троих, причем все — вполне успешны. Один, заштатный, начал рядовым программистом; сегодня — зам. генерального директора крупнейшей российской корпорации. Второй, тоже заштатный, не будучи сам художником, стал организатором и вдохновителем художественной мастерской, выставки работ которой проходят по всей Европе. Третий, лишен сана, начал рядовым корреспондентом, сейчас главред солидного ведомственного журнала.

Конечно, не всем прилежит таковой житейский успех. Но не сомневаюсь: Бог не даст пропасть человеку, сделавшему честный выбор.

Аргумент «про овец» (пастырство). В свое время мне прихожане говорили: «Вы о нас не подумали». — Нет, подумал! Никому не нужен «пастырь» со сломанной совестью. Тем более, если он «тонок», умен, душевно и духовно чуток, интеллигентен, труженик. Внутри неизлечимая в его ситуации рана, «порок сердца», а внешне он привлекателен. Т. е. убедителен для ищущих богообщения в структурах, ядовитость которых понимаешь только после фунта соли. Таковые своим существованием легитимизируют систему. Знал во время оно искренних и честнейших людей не только в партии, но даже и в КГБ. Они самоотверженно трудились ради общего блага (во всяком случае, верили в это) и тем самым гальванизировали ту систему.

Так и ныне: нужно ли кормить молоха своей душой и душами, доверившимися тебе?

А что делать, куда податься? Да куда угодно, где сердце встречает Бога! Препоны юрисдикций и конфессий — во-

обще грязное политиканство. Также я не стал бы в русле стереотипов употреблять слово «секта» (имхо, сейчас именно Московский патриархат — опаснейшая секта, если говорить о стандартном негативном понимании этого термина). Или вот еще вопрос: нужна ли «православная религиозность» нынешнего разлива — та, которая учит противному заповедям Христа (о любви, о смирении и пр). Может быть, лучше быть нерелигиозным (я говорю не о ВЕРЕ — этот вопрос только в ведении Творца), чем «хоругвеносцем»?

И вообще я в недоумении: почему даже самые духовно и интеллектуально здравомыслящие люди так привержены скрепам «Церковь равна Московскому патриархату» (или — равна вообще некой «канонической» церковности)? Думаю, Церковь Христа ни с какими границами вообще не связана (хотя, конечно, ситуационно может с ними и совпадать; однако именно сейчас и здесь явная стадия полного распада). Так зачем поддерживать народ на этом пути в никуда? Вне структуры гораздо больше шансов обрести подлинность встречи со Христом. А те, кому мила или действительно душеполезна именно «официальная церковь», — так пусть там и остаются, кто против? Дух дышит где хочет, и благодать (конечно, и Евхаристия) объемлет весь мир; другое дело, что — когда «благодаря», а когда и «вопреки».

Недоумение (по поводу общения)

...Какой смысл — если препирательства или демонстрации себя не самоцель — дискутировать, не договорившись о терминах? Вот «фундаменталисты» — это кто? Что за «единую систему» они исповедуют? Догматические универсалии христианства? — так и «либералы», если они в Церкви, не чужды того. «Креационисты»? — так и они во взглядах неоднородны: от буквализма яблок и змей до не признающих самодостаточность научной картины сотворения мира. «Календарщики»? — так последовательный фундаментализм требовал бы пользования еврейским календарем (новаторами тут оказались уже первые христиане, принявшие юлианский календарь). «Уставопоклонники»? — так и уставы сами весьма изменчивы, вплоть до волюнтаризма «аще изволит настоятель». Да и многие ли фундаменталисты следуют уставам буквально, даже с поправкой на «аще изволит»? Скорее

этим «грешат» эстеты-интеллектуалы. Следующие Преданию в целом? — а, его же в фиксированном, кодифицированном виде не существует. Традиции? — очевидность полифонии здесь и обсуждать смешно; ярчайший пример — дистанция между греческой и русской традициями, вылившаяся в раскол. Ревнители канонического права? — а как же дохтора и пр.? Постановлений соборов? — каких, вселенских? — так это малая часть соборного наследия. Поместных? — а как фундаменталисты относятся к буквальному следованию решениям Собора 1917–1918 гг.?

Да даже в плане психотипа — найдут ли общий язык — ушибленный хаосом мира умник-фундаменталист из МГУшников, ревнитель древних традиций, и малограмотный националист-хоругвеносец?

Конечно, все тот же разброс, даже более очевидный, присущ тем, кого причисляют к церковным либералам. Так о чем разговор? И вообще — ломая копыя о «церковность», не стоит ли прояснить: о верности какой церкви идет речь? О конфессии? О юрисдикции? Об «избранных» юрисдикциях (например, по водоразделу старостильники — новостильники)? О канонически единой общности (эстонский пример разрыва общения)? О тех или иных внутриконфессиональных, внутриюрисдикционных течениях (когда «правильные» шельмуют «неправильных», например экуменистов, как отступников и даже еретиков). А может быть, разговор идет о Церкви как мистическом Теле Христовом с не определенными человеческими мерками границами? Или о Церкви как первохристианской общине, обладающей в каждом своем собрании всей полнотой церковности?

Стоило бы прежде, чем углубляться в дискуссию, четко ограничить ее рамки не только в плане запрета на агрессию, но и в плане ограничения на произрастание боковых, случайных ветвей разговора, забивающих основную тему. И предварительно обговаривать понятия, в рамках которых будет вестись дискуссия. А то иначе в итоге долгих препирательств зерно истины не произрастает, но погребается морем словесной шелухи. И мы имеем горячий разговор про Фому и Ярему. Причем одни знают, кто такой Ярема, и понятия не имеют о Фоме, а другие — напротив.

О праздниках

Да и нет никакой истории. Есть глубокое недоумение — о себе самом. Я перестал чувствовать праздники как особое торжество (разве что Пасха — отдельно, но на то она и праздник праздников). Для меня сейчас Рождество ничем не существенней, чем служба Воскресению Христову — в каждый день памятования Воскресения, т. е. по воскресениям. А если уж по большому счету, то просто каждая Евхаристия. Ну, и что нам еврейский календарь? — Что Троя вам одна, ахейские мужи? Семь дней, каждый день... Конечно, историзм, памятование о корнях. Но так ли это важно для сути отношений со Спасителем?

Для меня праздники сейчас — аффект религиозности. Свойственный всем религиям в равной мере — как ответ на потребность поиска богообщения. И хорошо. В праздниках много красоты, радости, действительно, корней. Но все же — не вторично ли это?

И тут же сомнение, тягостное самокопание. А может быть — это просто «выгорание»? Потеря свежего и живого чувства?

Ах, сколько радости бывало, когда мы на приходе наряжали огромную ель, пять метров, не меньше, мимо лап еле протиснешься, по всему храму гирлянды, светящийся вертеп, колядки. А после ночной литургии у всех вдруг оказывались с собой всякие вкусности, и коньячок откуда ни возьмись, и ба-бах фейерверк...

А сейчас... Конечно, радости любви и благодарности не меньше, чем в каждой встрече с Даром свыше всех волхвов. Но как-то кардинально и не больше.

А может быть, просто физическая немощь подкашивает?

Вообще-то к размышлениям этим повод дала дискуссия по поводу кураевского предложения совместить Новый Год и Рождество. Все сильно смеялись. А по мне — а почему бы и нет? Тогда не постеснялись к сатурналиям приурочить. А что сейчас иначе? Новолетие как праздник есть и в Церкви, но кто-то празднует? А тут всеобщее торжество. Что плохого?

О чине крещения

«В полдень Илия стал смеяться над ними и говорил: кричите громким голосом, ибо он бог; может быть, он задумался,

или занят чем-либо, или в дороге, а может быть, и спит, так он проснется!» (3 Кн. Царств 18, 27).

После некоторого перерыва, связанного со счастливым отсутствием приходского тягла, крестил. Внука, Михал Федоровича. И с удивлением «наблюдал» то, о чем раньше и не задумывался. Бесконечное «бла-бла-бла». Оглашение, отречение, приседание, омовение, позеленение, пострижение... А особенно хорошо «Дуни и плюни». Прямо фильмография Роу. И еще — «вдоль дороги мертвые с косами стоять...»

Господи, во что это все выродилось! Прости и помоги за всей абракадаброй видеть Небо!

А ведь все ясно. После всей нудоты — чин нормального крещения. Правда, «страха ради смертного». Да это и правильно, все ведь смертны в этом мире. Но именно этот чин (полторы страницы «Требника») и включает в себя все необходимое — ибо потом перекрещивать-докрещивать никто не обязует.

А чин хорош: есть все главное! И есть время и силы на этом главном сконцентрироваться. И есть необходимость предварительной катехизации в разумных и понятных формах — нормального разговора.

Противление злу?

Какие я вижу варианты? Выбор понятен. Или — судить по своей христианской совести и в соответствии с этим принимать активные и адекватные ответные меры. Или — «правая щека». Но — если дубинкой врезали по «левой щеке» ближнего, тем паче женщины, старика, ребенка, и опять замахнулись? При этом ты эффективно защитить их можешь только «коктейлем Молотова»? А может быть, по ситуации в каждом конкретном случае, как подсказывает сердце пред Господом? И Писание, и Предание (в т. ч. и новомученики) дают примеры всех вариантов. Вспоминаю давненько слышанную мною по Би-би-си беседу митрополита Антония. Он рассказывал, как беседовал со студентами университета. После завершения беседы один молодой человек спросил: «Вы считаете себя христианином?»

— Да, — ответил владыка.

— Тогда я христианином быть не хочу.

— А почему?

— Потому что вы оправдываете войну.

— Так вы пацифист?

— Да.

— Можно, и я задам вам вопрос?

— Конечно.

— Представьте себе, что у вас есть невеста, и вот вы видите, что на нее собирается напасть насильник. Что вы предпримете?

— Я буду молиться о предотвращении зла.

— Вы молитесь, а насильник уже схватил вашу девушку.

Что вы?

— Я молюсь о том, чтобы Бог ее защитил.

— Пока вы молитесь, насильник совершил свое дело и уходит.

— Я молюсь о том, чтобы это не стало причиной несправедливой трагедии.

— А знаете, что бы я сделал на месте вашей девушки?

— Что?

— Я бы искал себе другого жениха...

Прав ли был владыка Антоний? Может ли в соответствующей ситуации христианин взять в руки булыжник, а то и обреш? И до чего это может довести?

Далее. Я не могу согласиться с разделением: защищать жену, детей (самых близких), с одной стороны, и постороннего человека (или группу людей, вплоть до народа), с другой. Есть принципиально различные ситуации. Я где-то читал о том, как компания парубков забила ногами до смерти женщину на девятом месяце беременности. Разве она не ближняя? А если тех пятеро здоровяков, а ты хилак, но у тебя есть пистолет? Я специально радикализирую ситуацию, но именно это позволяет выделить «сухой остаток». Так что продолжим. Чем таковое событие отличается от встречи в схожих обстоятельствах (пистолет в кармане) с Гитлером (Сталиным, Гиммлером, Ежовым и т. п.) — даже если твоя семья при этом в полной безопасности (кстати, о такой ситуации замечательный роман Стивена Кинга «Мертвая зона»)? Но так можно очень далеко зайти...

Я вовсе не пытаюсь навязать какую-то точку зрения — я просто ишу ответ. Наверное, ближе всего — это действовать по голосу сердца, молясь и памятуя об ответственности пред

Господом. Но тут огромное поле для ошибок, тем более в положении неизбежного стресса.

Каин против Авеля

Как вы считаете, грех убийства Каином Авеля усугубляется ли тем, что они братья? Если крестоносец подло убивает сарацина, то это менее греховно, чем если он же убивает собрата-христианина? Грех войны между народами усугубляется ли в том случае, если они единоверцы? Я не имею в виду нравственные и политические причины конкретных ситуаций, а именно — принцип. Гипотетическая война России и Украины более ли аморальна, чем война России с Турцией, например? И, кстати, что такое политика? Где кончается политика и начинается «за други своя»? Так, вышедшие в 68-м на Красную площадь совершили ли политический акт, или душевно-нравственный, или все же духовно-религиозный (независимо от вероисповедания) — самопожертвование ради ближних?

Или вот: говорить правду по поводу политических и социальных явлений в том случае, если откровенная ложь становится системой (Оруэлл), — это обязанность, или право христианина, или, напротив, его «обмирщение»?

Брак и грех

Ну что же, наиболее точным определением (в современной транскрипции) из предложенных мне кажется: «блуд — это сожительство без ответственности перед партнером».

Хорошо о верности: «Будь верен в дружбе. И будь верен в любви».

Мне также близко: «Все, что любовь не есть, блуд, и наоборот: где нет любви, там блуд». Когда-то я так и писал в одной из своих книжонок. Однако ныне безальтернативная коннотация понятий блуд и любовь кажется мне не вполне верной; есть немало ситуаций, выходящих за ее рамки: сожительство из чувства долга, из страха, вынуждаемое обстоятельствами и пр.

Я бы добавил еще такое определение: «Блуд — это лукавое использование другого для удовлетворения своих страстей».

Церковная этнография (случай из жизни)

Случилось мне в 2002 году странной планидой обстоятельств присутствовать на обеде, устроенном митрополией для зарубежных участников Успенских чтений. Присутствовали Струве, Лосские, Хьюзы, Володя Зелинский и еще человек пять-семь. Во главе стола сидел митрополит, по бокам от него викарные Лэбидь Павло и Митрофан. Викарные меня удивили: они были похожи как клоны, пышущие-круглые, лоснящиеся, и не то чтобы очень толстые, но как бы чем-то поддутые. С лиц викарных не сходила восторженная улыбка, и каждый из непрерывно следующих тостов (после них тосты говорили гости в строгом порядке расположения за столом) епископы завершали длинным и разухабистым распевом особога, с дудочными переливами, украинского многолетия Блаженнейшему. А Владимир и тогда уже здоровым не выглядел: говорил очень тихо, глядел вниз, однако сознание проявлял вполне здоровое. Стол был изобилен и исполнен яствами: черная икра в авокадо и прочее того же рода. Сервировка была столь плотна, что, казалось, и солонку более ввернуть некуда. А потом была еще и первая перемена блюд, и вторая, и третья; «мальчики в черном» мелькали вокруг стола совершенно бесшумно и оперировали приборами с замечательным профессионализмом. Впрочем, все это довольно скучно (как и то, что я в качестве тоста лепетал в верноподданническом восторге). Изумило меня другое.

В начале трапезы, после молитвы, когда все расселись, к столу подошли двое служек с тарелками. Митрополит что-то достал из тарелки и съел. Служки передвинулись к викарным. Те так же. Процесс пошел симметрично по обе стороны стола. Зарубежные гости с изумлением заглядывали в тарелки, брали оттуда нечто и клали в рот. Некоторые — особенно американцы — с явным напряжением. Но все же жевали с мученическим видом и, дернув кадыком, проглатывали. К трапезе приступали только «причастившись» таинственного дара. Я смотрел со все большим удивлением (сидел ближе к концу стола) и гадал — что же это за притча такая? Разглядел, что присутствующие вкушают нечто белое, плоский квадратик примерно сантиметр на сантиметр. На ум приходили самые дикие предположения. В какой-то миг промелькнула шаль-

ная мысль — ну не облатка же? Тем не менее, пока не подошла моя очередь, ничего вразумительного я придумать не смог. И только увидев перед носом тарелку, протянув руку и взяв субстанцию, понял... (тут предлагаю читателям поразмышлять и только потом посмотреть продолжение). — Это оказалось украинское сало! Кстати, очень хорошее, плотное и точно в меру посоленное. Что, конечно, не удивительно. Более ничего примечательного не происходило. Гости насытились уже холодными закусками; к супу, вторым блюдам и десерту практически и не притрагивались. Когда вставляли из-за стола, выглядело все так, словно трапеза еще и не начиналась.

По необходимости некоторого разговора с митрополитом я вместе с Никитой Алексеевичем задержался в трапезной. И увидел, как стайка прислуживавших юношей темпераментно припала к питательному изобилию. Правда, сала им никто не предлагал.

О любви и общении

(последняя запись о. Михаила в сообществе)

Так вот, на фоне всех разногласий, причем иногда вполне свирепых, не только политических, что сейчас особенно горячо, но и сугубо церковных, социальных и вплоть до бытовых, я хочу сказать вот что: единомыслие хорошо, но способность не потерять дух христианской любви ко ближним (которые — весь мир) в ситуациях разногласий, пусть даже очень радикальных, есть наибольшая ценность. «Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами...» (1 Кор. 11, 19). Для меня возможность искренней, уважительной дружбы с человеком, с которым мнения во многом не схожи, важнее «простого» взаимосогласия. Конечно, и здесь не без исключений, но это особый разговор. И в любом случае необходимо не терять видение другого не как знака какой-то идеи, а как живого человека, и видение самого себя как «хомо ошибающегося». Любовь и смирение.

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: Возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22, 37–40).

О крахе и смерти

Я подумал, что, говоря о крахе, нужно делать терминологическую поправку. В том плане, что это все же не крах в общепринятом смысле слова. Это статистически частая ситуация правильного завершения пути; ведь вся эта суета, даже самая добрая и необходимая, в конечном итоге исчезает в вечности. Хорошо, когда человек видит это и осознает: старое отсыхает, как бы ни приросла к нему душа, как бы ни казалось оно общезначимым (но — легион ангелов!), и начинается новое. Но если и не видит — не беда, просто это одна из форм испытания терпения. И даже если возникает ропот — на то есть покаяние. Но уж если нет и покаяния... то не знаю... Но всегда есть милость Отца. А вот внешне, по габаритам этого мира как якобы автономной системы, то да, выглядят таковые ситуации как крах планов, надежд, трудов.

* * *

Боюсь, ты так и не прочувствовал мою идею о крахе. Ведь самое очевидное ее проявление есть ситуация, в которой уходит человек, более всего нужный в данный момент (но, конечно, и по-другому тоже бывает). Примеров не счесть, и именно это есть отрезание пуповины мира сего не только для уходящих, но и для остающихся. А о каком еще крахе в моем случае можно было бы говорить? — все милостью Божией наиболее благополучнейше.

Да и вопрос моего отношения к смерти... Я вовсе не тороплю ее, на все воля Божия, в т. ч. возможны и «осьмдесят лет», и «в эту ночь заберу душу твою». Я только учусь принимать ее перспективу как нормальную данность и трезво оценивать связанные с ней вероятности.

* * *

Да, ремарка к теме «по поводу краха в конце я как раз частенько думать стал». Я вовсе не считаю это непреложным законом, тем паче безальтернативным. Я просто вижу тенденцию. И эта тенденция дает право предполагать, что именно такой исход нормален, имеет право быть не как крах смысла жизни, но как крах буквы жизни. Именно: проходит образ мира сего, и таковая ситуация — закономерный как возможность вариант того. И потому не нужно того пугаться: идет, как предначертано. Все хорошо!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имхо — англ. «in my humble opinion», т. е. «по моему скромному мнению».

² Петр (Пэдулару), бывший викарный епископ Бельцкий (Кишиневской митрополии). В 1992 году без отпускной грамоты перешел в Румынскую церковь и стал управляющим ее Бессарабской митрополией, у которой есть немногочисленные приходы и на Украине. Справку о нем см. в электронной православной энциклопедии «Древо»: <http://drevo-info.ru/articles/20804.html>.

³ См. развитие темы причин перехода ниже, во второй части публикации в разделе «Поп на паперти».

⁴ Аналогичную мысль о ветхозаветном характере священства о. Михаил проводит в своих заметках в № 197 «Вестника» (с. 281–282), где он откликается на опубликованное в № 195 «Вестника» «Письмо другу» о. Александра Шмемана. По всей видимости, эта мысль вдохновлена идеями о. Николая Афанасьева из «Церкви Духа Святого».

⁵ О. Михаил жил в последние два десятилетия жизни в Богдановке, под Николаевом, и пишет здесь о своих краях — украинском Причерноморье.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

«Написать правдивую историю Утопии и Маленького человека...»

*Беседа с «донобелевской» Светланой Алексиевич**

Белорусская писательница Светлана Алексиевич получила известность и на своей родине, и за границей, прежде всего как автор документальных, пронзительных книг «Чернобыльская молитва» и «Цинковые мальчики»¹. В известной мере они явились как бы прологом произведений цикла, который она назвала «Голоса Утопии». Отношение белорусских властей к писательнице, увы, определилось по модели советских времен: хотя она не подверглась суровым преследованиям, все было сделано так, чтобы заглушить ее голос, ее творчество. В сложившихся обстоятельствах она оказалась вынуждена значительную часть времени проводить на Западе. Предлагаемая ниже беседа состоялась в связи с организованной в Париже в Центре им. Жоржа Помпиду (Centre Georges Pompidou) первой международной встречей писателей-изгнанников («D'Encre et d'Exil 1ères Rencontres Internationales des écritures de l'exil») с 14 по 17 декабря 2001 года, в которой писательница приняла участие. К сожалению

* Редакция «Вестника» сердечно поздравляет Светлану Алексиевич с получением Нобелевской премии, благодарит за ее удивительные книги и желает ей дальнейших творческих успехов.

¹ Алексиевич С. Цинковые мальчики. Чернобыльская молитва. М.: Эксмо-Пресс, 2001.

нию, лично встретиться со Светланой мне тогда не удалось, по телефону мы договорились, что своими впечатлениями о парижской встрече она поделится для моей передачи «Литературный перекресток» русской редакции Международного французского радио (RFI) по телефону, из Италии. Так я связался с ней, находившейся тогда в Пизе. В эфир беседа вышла в двух частях: 22 и 29 декабря 2001 года. Затем пленка осталась в моем личном архиве. Распечатку записи я подготовил позднее, предполагая включить ее в свою книгу «Тень маятника и другие тени. Свидетельства к истории русской мысли конца XX — начала XXI века», которая вышла в издательстве Ивана Лимбаха (СПб) в 2011 году. Увы, небольшой объем книги не позволил сохранить в ней все, что намечалось, беседа со Светланой Алексиевич, к сожалению, также не попала туда. Тем не менее, она не утратила, на мой взгляд, своего интереса, актуальности, а главное — засвидетельствовала отношение писательницы к людям, времени, Слову (именно так, с прописной буквы).

Так что, завершая это небольшое вступление, я мог бы добавить только одно: в то время, когда все это говорилось,

*В. Амурский и С. Алексиевич на Салоне книги. Париж, 2005 г.
Из личного архива В. Амурского. Публикуется впервые*

было невозможно представить, что спустя полтора десятилетия моя собеседница станет Нобелевским лауреатом.

Виталий Амурский

— *Итак, Светлана, что увезли вы с собой из Парижа, из Центра им. Помпиду?*

— Я думаю, что такие встречи сегодня особенно интересны, потому что действительно (это началось с процессами, которые остались после Чернобыля, а теперь — после сентябрьских нью-йоркских взрывов) мы оказались выброшены в совершенно другой мир. В новый мир, с новыми ликами зла, и, как никогда, обнаружили, что взорван не только мир наших ценностей и что зло настолько материализовалось дальше нашего воображения, и Слово в который раз признается, что оно бессильно и что у нас ничего нет, кроме ужаса перед ужасом, то есть взорван как бы вообще весь этот айсберг культуры, весь этот человеческий архив. Мы не знаем, чем защититься, от чего защищаться, как защищаться, и поэтому кризис идей, о котором говорили давно, но достаточно, — был как бы отдаленный процесс... Нам казалось, что мы сохраняли еще какие-то иллюзии, какие-то надежды насчет Слова и насчет культуры, и насчет вообще возможностей человека контролировать мир вокруг него, то есть контролировать не в смысле, что это ему подвластно, а в смысле, что это можно как-то освоить, словить Словом. Поэтому такие встречи, я бы назвала их интеллектуальные встречи, — сегодня явно нужны, поскольку стоят новые вопросы, и они требуют новых ответов. Когда собираются интеллектуалы, которые пытаются что-то сказать, а тем более те, кто работает со Словом, — это, конечно, интересно, тем более, что тема этой встречи была как бы «Писатель в изгнании». То есть это были люди, которые могли сказать об опыте борьбы, об опыте противостояния, поскольку они в разных смыслах жертвы этого — баррикадной борьбы, баррикадной культуры и, вообще, эпохи войн и революций, скажем, — то, что мы и есть. Теперь очевидно, что это тоже должно меняться: и формы противостояния, и формы борьбы, поскольку зло невидимо, зло в другом каком-то обличии, это совершенно какие-то но-

вые лики зла... Мне было интересно слушать людей из Китая, особенно из Афганистана... К сожалению, все эти люди в изгнании, и они как бы не изнутри самого события, а немножко в стороне, но все равно — из тех культур, из той ментальности. Они как бы из прошлого своей страны, из ее сегодняшнего, и в то же время они уже живущие на Западе — как между двумя культурами. Они могут посмотреть на себя другими глазами. Так что было много интересных встреч и разговоров.

— *Вы сама чувствуете ли себя изгнанницей?*

— Нет, я не чувствую себя изгнанницей, потому что дальше этого мира уехать некуда, а, собственно, все проблемы, которые переживают в разных концах света, они одни и те же. Это проблемы человека перед новыми страхами. Другое дело, что я из Белоруссии, где все эти проблемы немножко и пародийно звучат, потому что диктатура в центре Европы — она, конечно, не совсем диктатура, она, конечно, с провинциальными бескультурными замашками; она, конечно, смешна, нелепа, — в то же время страшна: люди исчезают... Профессор, например, такой, Юрий Бандажевский, который сказал правду о последствиях, вернее, открыл, что сотни людей умирают от Чернобыля, проследил эти механизмы, — оказался в тюрьме, потому что диктатура и любая сильная власть как бы никогда не нуждается в правде. Вот... но для меня было важно, когда я уехала из своей страны, — это не только потому, что мне там тяжело жить, и вообще, когда ты открываешь утром газету и читаешь там, что ты — агент ЦРУ, «продался» Западу и клеветешь на свой народ — этот весь арсенал, конечно же, примитивен; он может тебя вывести из душевного равновесия, но, в принципе, художник в России, в Белоруссии — он всегда живет в этих конфликтах. Конфликт с властью — для меня не самый страшный, несмотря на то что я пережила, что два года не печатали мои первые книги, потом пережила суд над «Цинковыми мальчиками», когда я написала правду об Афганистане, — этот суд длился два года... Было очень страшно, когда люди, во имя которых ты написала, говорили: «Нам не нужна *твоя* правда. Наши мальчики — герои!», приходили в суд с портретами своих детей: «Посмотрите, какие они красивые, а она пишет, что они там убивали!» — и понадобилось семь лет, чтобы по телевизору

рассказали о войне в Чечне, и одна из матерей, встретив меня на минской улице, сказала: «Как мы перед тобой были неправы, мы не могли поверить, что мы настолько переродились, что мы — рабы, воспитали рабов...». Но это — целый процесс, и вот этот процесс говорит о самом страшном для меня конфликте — конфликте с массовым сознанием. Когда люди, наша, например, нация... Нужен — Вацлав Гавел. И вот между Вацлавом Гавелом и, скажем так — условно, Лукашенко, — они выбирают Лукашенко... Вот как любить такой народ? Как пробиться к этому сознанию, которое живет на основе каких-то старых, не только советских, а каких-то механизмов и мифа, который требует глубокого расследования. Но художнику долго быть на баррикаде тоже опасно, особенно в конце XX века. Портится зрение, слух. С баррикады ты видишь только мишень, не видишь цветной этот радостный разный мир, и страшный и прекрасный одновременно. Вот это опасно — потерять зрение. То есть, мне показалось, что для меня очень важно чуть-чуть отойти в сторону, посмотреть. Это не значит, что я отказалась от борьбы — перед выборами я ездила к себе в Беларусь, и там мы создали бригаду писателей, пытались ездить по деревням, маленьким городам, говорить со своим народом. Нам не давали залы, нас не пускали... Было много таких эксцессов разных, но не в этом дело — мы *пытались* что-то сделать, я *пытаюсь* что-то сделать, но в то же время я все время как бы между такими берегами. С одной стороны, я должна быть на баррикаде, с другой стороны, я не хочу испортить баррикадой свое зрение, я хочу быть именно художником, именно написать эту правдивую историю Утопии и Маленького человека. Это та тема, которую я веду из книги в книгу. Для меня интересен человек не только во времени, но и как Вечный Человек на Вечной Земле, вообще человеческая природа. Так что у меня очень сложное ощущение здесь. Я хочу вобрать в себя этот мир, и этот мир принести туда, к себе, в свою страну — дать более широкий горизонт, а с другой стороны, хочу про боль моего народа рассказать и здесь, чтоб о нем узнали.

— Светлана, ваши публикации, связанные с Чернобылем, с Чечней, обрели свою исключительную достоверность, силу благодаря тому, что вы изложили на бумаге то, что засвидетельствова-

ли лично, то, что было увидено, услышано вами, прошло через ваше сердце. Живя сейчас в Италии, не страдаете ли вы от того, что оказались лишены прямых контактов с той общественной реальностью, которая по существу всегда питала вас как гражданина и как писателя?

— Дело в том, что я не живу постоянно в Италии. Раз в три месяца я на месяц приезжаю к себе домой, так что я ничего не порвала, никаких связей, и сейчас я здесь, в Италии, пишу новую книгу — это я как бы продолжаю свою Хронику Утопии, но только исследую человека — какой он сегодня, что с этим типажом, которого вывели в лаборатории марксизма-ленинизма, что с ним происходит, когда он перестает быть человеком идеи (уже нет такой идеи, которая так может завладеть человеком), все это разрушено и временем, и техникой, и тем, что мы тоже становимся частью мира, — что с ним происходит, куда он возвращается с баррикад? Он возвращается домой. А что там, дома, с ним происходит? Вот, я пишу такую книгу... Она внешне звучит как бы книга о любви — мужчины и женщина: каждый рассказывает свою историю, — но это книга о том, *что* мы такое, и в то же время какие новые ценности мы ищем, возвращаясь к себе домой, как мы пытаемся стать просто людьми, нормальными людьми, без метафизических целей. У меня с собой два чемодана бумаг — это рассказы: я записала за четыре года (около пятисот рассказов), — и потом я езжу, еще продолжаю записывать... Так что нет, я не такой типичный человек-изгнанник, который совсем как бы потерял связь с тем местом, откуда он. Я думаю, что я даже принципиально так устроена, что навряд ли смогла (и не потому, что я так пишу, но даже в силу какого-то своего биохимического состава, своего мировоззрения, скажем) навсегда покинуть родину. Для меня как писателя в этом нет никакого смысла, ну... я не знаю, какие должны были бы быть события, чтобы заставили меня это сделать, и, думаю, тогда, действительно, за письменным столом у меня бы возник ряд проблем. Сейчас я таким человеком не являюсь, я отношусь к этому как к *временному состоянию*, как к возможности себя сделать в каком-то смысле... То есть подумать над тем, как я вижу мир, что я могу об этом сказать, потому что это мое глубокое убеждение: каждую новую книгу должен писать «новый» человек. Сначала ты делаешь себя, а потом пишешь книги, по-

тому что делать то, что я умею, — просто коллекционировать без конца страницы ужаса моей истории, — не в этом мой смысл. Мой смысл — догадаться о чем-то в человеке. Что он, как он перед этими какими-то новыми испытаниями, перед неожиданными испытаниями, то есть добыть какое-то новое духовное знание из человека. Это можно, наверное, только там, в том мире, который ты знаешь, который ты знаешь на каком-то другом уровне — не только на уровне ума, — который ты слышишь кожей, глазами, ушами — всем своим существом.

— *Помимо вас, Светлана, из больших, известных белорусских писателей на Западе сейчас работает Василь Быков... Что бы вы могли сказать о нынешнем литературном пейзаже Белоруссии?*

— Ну, я думаю, там такой же пейзаж, в принципе, и он очень похож на пейзаж в постсоветском пространстве. Поскольку моя книга и даже мои книги переводятся и в странах бывшего Советского Союза, в том числе и в Прибалтике, и на Украине, я много езжу: там фильмы делают, и спектакли по моим вещам, — я много вижу... В принципе, пейзаж одинаков. Где-то это раздробление, это потеря русского языка (в том смысле, который выносил, как спутник на орбиту, любой текст — украинский, белорусский, из Казахстана или из Молдавии...). Теперь эти связи как-то прервались, потому что, в конце концов, людей, знающих белорусский язык, очень мало на Западе. Это, скорее, там где-то, в Польше, в Чехии немного... На Западе его меньше, но в конце концов русский язык еще по-прежнему представляет собой некий мостик между Европой и этими странами, странами, которые *как бы стали странами...* Есть опасность национализма, есть опасность антирусскости, но самое главное — даже не эти процессы, они абсолютно исторические, и понятно, когда такая мощная империя разваливается... Была же и империя культуры тоже, и ее обломки тоже очень мощны и сильны, и целое поколение людей, которые постарше, — они как бы работают на старых идеях... а вот новых идей нет, и то, что делают молодые, — я бы назвала только единственную вещь, которая мне показалась очень интересной, и писатель очень интересный из «среднего» поколения — Юрий Станкевич, который написал книгу «Любить ночь — право крыс». Вот это из таких вещей, когда он действительно смог художе-

ственно сформулировать, какие-то формы найти того, что сегодня с нами происходит. А так... или — литературная игра, что, конечно, само по себе возможно, но как-то не впечатляет, особенно если поместить в контекст — или русский, или мировой, — это совершенно неинтересно. И... ну, *как бы интересно*, но для такого своего внутреннего потребления... А так — время растерянности, время, я надеюсь, прислушивания к себе, ко Времени, к улице, к душе — к своей, чужой. Я думаю, события очень меняются. Как говорят китайцы, не дай вам Бог жить в слишком быстро меняющемся времени. Мы попали в это время, и конечно, очень трудно литературе за всем этим успеть, вот почему я и работаю — это близко моей природе, и в то же время это и мое убеждение, что литература сегодня как бы не может успеть в классических своих формах (она и задыхается, и в то же время не успевает) за тем, что происходит в мире и вообще с человеком, нужны какие-то новые формы. Я попыталась их найти на стыке документа и искусства, то есть свела документ в искусство на каких-то новых правах. Пробую ввести. Это не то, что я ввела, — есть целая традиция в русской литературе. У нас писатель Алесь Адамович — мой учитель — очень много работал в этом направлении, поэтому тут надо искать. Тут надо искать, но сейчас время такой растерянности, и оно — везде.

— И еще один вопрос. На Западе, где вы сейчас живете, работаете, чувствуете ли вы понимание этих проблем?

— Вы знаете, я живу фактически *как бы* в Италии, но в то же время я очень много езжу, каждый месяц я в какой-нибудь стране бываю. Например, в течение этого года я была где-то в странах двенадцати: в Швейцарии у меня спектакли (в Женеве и Лозанне), в Брюсселе спектакль, в Испании — книга... Ну, в общем, я каждый день где-то бываю, и, в принципе, мое общение — это общение с интеллектуалами, с писателями, которые думают вообще-то о том, о чем мы все сегодня думаем; и с читателями, которые приходят, и со зрителями... Конечно же, сегодня, после этих событий, о которых я говорила, — Чернобыль или нью-йоркские взрывы — совершенно очевидно, что Земля маленькая, у нас у всех одни проблемы, именно проблемы «новых страхов». Культура страха — она как бы заменяет культуру надежд, культуру иллюзий, которой

человечество до этого жило. Будущее было формой некоего оптимизма... Сейчас это все, конечно, разрушено, и все мы — на обломках прежнего смысла, а новый смысл еще только ищем. Поэтому — или в Японии я бываю, или в Бельгии, в Германии — мы говорим об одном и том же, потому что Земля маленькая и у всех одни проблемы. А проблема диктатуры, то, что Беларусь — последняя диктатура в центре Европы, — это тоже большая проблема, я тоже об этом рассказываю, но вопрос же и проблема совершенно очевидны: свободу нельзя завести ни в одно государство, ни в одно общество, как швейцарский шоколад. Революции можно делать сверху, а то, что называется *Свободой* — она должна сформироваться снизу гражданским обществом, так что это — проблема моего общества. Вот об этом мы говорим: о возможностях человека и всех нас вместе, и о том, что может сегодня писатель, насколько Слово что-то может, насколько мы должны иногда (есть такое ощущение), что иногда надо отступить, или перед картинкой, или вообще — хотя я бы сказала, что не совсем согласна, что картинка заменяет Слово (в каком-то смысле заменяет Слово, но сама информация ни грамма нас не приближает к человеческой тайне)... Информация и человеческая тайна — это совершенно разные вещи, и поэтому все дело в идеях, а на каком языке они будут сказаны — на языке кисти, на языке пера, на языке компьютерной картинки или буквы — не в этом дело, нам просто надо найти точки опоры, за которые сегодня можно человеку зацепиться, потому тема всех моих книг — сколько человека в человеке? И чем, и как это защитить.

2001 г.

*Материалы международной
научной конференции
«Лев Толстой и его время»
(Бергамо – Милан)*

Международная научная конференция «Лев Толстой и его время. Актуальность вопроса: чем люди живы», организованная фондом «Христианская Россия», прошла 20–22 ноября 2014 года в Италии: первый день в Бергамо, в здании театра «Делле Грацие», второй и третий день – в Миланском католическом университете. Конференция была задумана как попытка посмотреть на религиозные искания и творческие озарения Толстого глазами христианина, живущего в современном мире. Помимо российских и итальянских специалистов, выступивших с докладами (Адриано Делл’Аста, Ольги Седаковой, Натальи Ликвинцевой, Светланы Панич, Светланы Мартьяновой, прот. Георгия Митрофанова, прот. Георгия Ореханова, Евгения Полищука), на конференции также выступили с сообщениями восемнадцать молодых итальянцев-старшеклассников, поделившихся своим опытом прочтения произведений Льва Толстого и имевших возможность обсудить этот опыт с зарубежными специалистами и гостями. Вниманию читателей предоставляется несколько прозвучавших на конференции докладов.

Слово о Льве Толстом

«Рамки европейского романа как-то тесны для меня», — признавался Толстой во время работы над «Войной и миром», эпосей, которую Томас Манн назвал и «Илиадой», и «Одиссеей» русской литературы*. В самом деле, та ширь и тот размах, которых хочет Толстой, дышат только в древних, первых вещах: в Гомере, в греческих трагиках, в историях Авраама и Иосифа из Книги Бытия, в Ригведе, в народной песне... Там, где голос повествователя выходит из океана человеческого хора — и этому почти безымянному голосу отзывается вселенная со всеми своими реками, скалами, звездами, птицами, лошадьми... Толстому было тесно в мире индивидуального, в мире «культуры», противопоставленной «природе», в своем девятнадцатом веке. Но теснота началась много раньше: уже Шекспир казался ему узким и «выдуманным». Ему было тесно в любой установившейся форме, в любой социальной роли. Тесно было быть писателем, помещиком, педагогом, проповедником, человеком своего сословия и своего времени. Тесно было в том, что считается «мыслью» («умникам» и «умным мыслям» от него достается), и в том, что считается «чувством». Ему было тесно в том, что принято считать «обычной жизнью»: главным в этой жизни для него, как и для его героев, была не сама ткань существования (которую он чувствовал и умел передать как никто), а прорехи в ней, те «отверстия, сквозь которые показывалось что-то высшее». Такими «отверстиями», по Толстому, были кончина и роды. Но и еще: влюбленность, сострадание, музыка и поэзия... Те моменты, когда «душа поднималась на такую высоту, которой она никогда и не понимала прежде и куда рассудок уже не поспевал за нею» («Анна Каренина»). Ему тесно было быть не только «писателем» или «мыслителем» — но «Львом Толстым»! И он нашел для себя выход из «Льва Толстого». В «Дневниках» он описывает собственный способ расправ-

* Между прочим, Толстой пробовал писать «Войну и мир» гекзаметром!

латься с «Львом Толстым» в себе: «Нужно спрашивать: я это-го хочу или Лев Толстой? Если Лев Толстой, так и Бог с ним». То «Я», которое в нем судило «Льва Толстого», было, как он назвал это, «сознанием всего мира», «жизнью души», как буд-то не принадлежащей ему лично, души, входящей в некое безмерное целое*. Повесть «Хозяин и работник» прямо изо-бражает это чудо — выход человека из «себя», каким сам он и все остальные его знают, к другому и настоящему себе. Ге-рой повести, хозяин (однозначно «отрицательный», низкий герой) перед лицом смерти вдруг узнает, что его душа, его жизнь — это жизнь его замерзающего слуги, и он спасает его именно потому, что хочет спасти себя. Я завидую тому, кто еще не читал «Хозяина и работника»: его ожидает удивитель-ное впечатление. Евангельская заповедь любви к ближнему, с ее уточнением «как самого себя» (на котором мы обычно осо-бенно не задерживаемся) открывает здесь свой прямой и ка-тегорический смысл. Ты — это не тот «ты», которым ты сам себя считаешь и чьей жизнью и подробностями этой жизни так дорожишь или мучишься: твоя жизнь в другом. Ты — это он. *Tat tvam asi*, на санскрите.

И еще о тесноте. В своих воспоминаниях о поездке в Ясную Поляну Максим Горький забавно говорит, что Толстому тесно с Богом, как двум медведям в одной берлоге. Сравнение в толстовском стиле, но, я думаю, Горький не все понял: Толстому тесно с *учением* о Боге. Он спорит, и очень грубо, с догматами и чудесами, но кажется, что главное, что его отталкивает в церковной жизни, — все то же чувство тес-ноты. Я не собираюсь обсуждать этой болезненной темы: Толстой и церковь. Меня интересует другое: то, что Толстой открывает нам.

В толстовском бунте против тесноты, против всякой го-товой формы и всяческих рамок и условностей легко увидеть характерно русский анархизм и нигилизм. Легко увидеть в

* «...то главное, постоянно происходящее на земле чудо, состо-ящее в том, чтобы возможно было каждому вместе с миллионами разнообразнейших людей, мудрецов и юродивых, детей и стариков ... с нищими и царями, понимать несомненно одно и то же и слагать ту жизнь души, для которой одной стоит жить и которую одну мы ценим» («Анна Каренина»).

нем и предтечу новейших контркультурных движений. И в самом деле, если мы вычтем из этого настроения главное, то, несомненно, получим и русский анархизм, и контркультурный порыв, и «деконструкцию». Главное же заключается в том, что у Толстого это движение — не побег в ничто, не жест отчаяния, а движение вверх, в бесконечный простор, в «жизнь души», которая управляется «законами любви и поэзии», его словами.

Я думаю, первый дар, который мы получаем от чтения Льва Толстого, — это ясное, как день, чувство великого простора, к которому тянется человеческая душа, так что ничто другое ее не утолит. Тяга к такому «себе», какими мы себя еще не знаем, но ждем, сознавая или не сознавая это. Душа не успокоится ни на чем кроме безмерности и — одновременно — причастности к целому, ко всему. Все остальное тесно.

В частности, тесно то, что называется «нашим временем». Фантастический анахронизм Толстого, который говорит с древними мудрецами Греции, Индии или Китая как их современник и в каком-то смысле ровесник, одаряет и своего читателя возможностью освободиться от диктата того, что считается «современным» и «актуальным». Это очень немало. Ведь страх не соответствовать современности, ее формам и догмам — одна из самых тяжелых форм нашей несвободы. В толстовском «антиисторическом» подходе к тому, что теперь причислят к «памятникам» или «культурному наследию» (то есть к тому, что к нашей жизни прямого касательства уже не имеет), содержится другое представление о *современности*. Не «вневременности», а именно современности. Эту интуицию замечательно выразил поэт Александр Величанский. Он отвечает пресловутой «современности»:

*Нет на свете тебя: человек современен лишь Богу:
Богу предвечному в миг все современны века.*

Люди обыкновенно отсекают себя от такой современности. Лев Толстой чувствовал себя современным Богу. Это не мысль: это чувство.

Лев Толстой — художник и мыслитель *чувства*. Общение с миром Толстого я назвала бы воспитанием чувств. Со мной,

во всяком случае, это происходило так, с тех пор как в школьном детстве я узнала его раннюю повесть, «Детство».

Читатели книги донна Джуссани «Религиозное чувство» могут понять, что я имею в виду. Не какое-то конкретное эмоциональное состояние, как это привычно в бытовом употреблении слова «чувства» (обычно, к тому же, во множественном числе). Таких «чувств» множество, а *чувство*, о котором я говорю, — одно. Это прямое, открытое, безусловное переживание реальности, захватывающее человека целиком. *Чувство* в таком смысле никак не противопоставлено уму и мысли (разве что отвлеченному рассудку). Мыслью в полном смысле Толстой признает только мысль, исходящую из *чувства*, т. е. из всего человека, из его реального положения: все остальное он называет «приемными комнатами ума». Чувство в этом смысле противопоставлено бесчувствию (*нечувствию*, хорошо известному аскетической традиции: так в молитве Иоанна Златоуста, входящей в ежедневное молитвенное правило православных, святой просит избавить его от «окамененного нечувствия»). С позиции *нечувствия* вещи выглядят одним образом, а в *чувстве* — иначе. Толстой многократно изображает пробуждения *чувства* в своих героях. В повести «Фальшивый купон» он открывает своего рода механику передачи *бесчувствия* от человека к человеку, своего рода цепную реакцию *нечувствия* — и затем обратную цепную реакцию *чувства*. В нечувствие погружает человека грех, встреча со святым приводит его в чувство. И *чувство* меняет его жизнь самым решительным образом.

Огромные области социальной жизни Толстой изображает как сплошное пространство узаконенного бесчувствия: это и светская жизнь, и политическая, и — часто — профессиональная (военная, ученая и т. п.). Человек Толстого проходит испытание выбора между чувством и нечувствием, отказом чувствовать (потому что «так принято», «так все делают» и т. п.). Выбор жизни «по чувству» пугает: он почти фатально делает человека изгоем.

Теперь я скажу о некоторых поворотах, или гранях, этого общего Толстовского *чувства*. Можно подумать, что это отдельные, очень характерные для Льва Толстого чувства — но по существу они одно.

Первое из них — прямое и постоянное чувство некоего огромного целого: всего мироздания, с его видимой и невидимой стороной. Причем такого целого, где всё таинственным образом связано со всем. Целого, с которым и ты самым интимным образом связан, в котором отдается не только каждый твой поступок, но и каждая мысль, каждое душевное движение. Ничего отъединенного, несущественного, пустого не бывает. После «Детства» я в этом была уверена. Это переживание причастности.

Затем — чувство правды. Главный герой моих рассказов — правда, — писал молодой Толстой*. Его чувство правды не знает компромиссов. Это непрерывное различие настоящего и ложного (притворного, поддельного). Это чувство у Толстого тонкое и острое, как бритва. Различение того, что принадлежит жизни, — и того, что мертво, фальшиво, выдуманно. В природном мире поддельного нет, не перестает напоминать Толстой. Поддельное появляется только в человеческом мире, в социуме. Оно умеет себя бесконечно оправдывать «благими целями» или «необходимостью», «общепринятостью», «безвыходностью» («а как же иначе?»). Толстой дает понять, что *всегда* можно иначе. Для этого требуется только не перестать слышать собственный внутренний голос — голос правды.

Затем — чувство реальности внутреннего человека в нас; он может в нас почти умирать — и вновь возрождаться. И этот внутренний человек в нас, кроме прочего, — художник. Он безумно любит музыку, поэзию, любое явление красоты. Когда он жив — он счастлив. Он знает жизнь как полную правду и как счастье.

Затем — чувство эмпатии, в котором у Толстого нет соперников. Он знает изнутри не только то, что чувствует кормящая женщина, но и то, что чувствует лошадь («Холстомер») и дерево («Три смерти»). У читателя не возникает сомнения, что именно так думают бессловесные твари и именно это они хотят сообщить. Переживание другого изнутри его жизни — и не только человека, совсем иного опыта, чем автор

* «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда» («Севастопольские рассказы» (Севастополь в мае, гл. 16)).

(царского министра, хитрого мужичка, польской ссыльной, подвижника, городской проститутки), но, кажется, любой вещи на свете. Из этого эмпатического переживания мира следует чувство какого-то глубочайшего равенства и родства со всеми — и категорическое неприятие насилия в любой форме. И отождествление самого источника жизни с жалостью, с милостью («Чем люди живы»). Люди живы, говорит Толстой, не «альтруистической» добротой (он не устает пародировать такое внешне «добродетельное» поведение), но, если угодно, эгоистической. Человек по-настоящему милует другого тогда, когда просто не может этого не делать, и его правая рука в самом деле не знает, что делает левая.

Без этих «толстовских» чувств (и многих других, здесь не названных), я думаю, жизнь человека трудно назвать христианской.

НАТАЛЬЯ ЛИКВИНЦЕВА

Христианин как человек живущий: от Льва Толстого к митрополиту Антонию Сурожскому

Если взять за аксиому то, что христианину сегодняшнего дня, т. е. человеку, в наше непростое время пытающемуся жить по-христиански, нужно живое слово, позволяющее искать и находить подлинные ориентиры на своем духовном пути, то перечень действительно вдохновляющих современного человека авторов может дать неожиданные сближения имен. В нем удивительным образом рядом оказываются отлученный от Церкви вольнодумец и гениальный писатель XIX века Лев Толстой — и православный епископ и один из самых убедительных проповедников XX века митрополит Антоний Сурожский. Правда, к богоискательству Толстого митрополит Антоний относился скептически, о чем свидетельствует аудиозапись 1967 г. с ответами слушателю, ставившему вопросы именно в связи с учением Толстого. Владыка считает, что Толстой, искавший Бога «с таким рвением, с такой тоской», «все время оставался на грани своей находки», потому что слишком переоценивал в этих поисках человеческий разум, — хотя в то же время и отмечает поразительную глубину таких толстовских исканий: «...потому что он искал в Боге ответа на вопрос всей земли — о смысле жизни»¹. Этот вопрос о жизни и ее смысле — действительно, центральный для всего творчества Льва Толстого. Именно из-за того, что «вероучение не участвует в жизни»², писатель и отвернулся когда-то от современной ему синодальной церкви с ее требованиями поверхностного благочестия и бездумного исполнения обрядов, никак не отражающихся на жизни христианина за пределами храма. Конечно, в толстовских исканиях есть и ошибки, и противоречия, но нет и в помине того расхождения веры и жизни, против которого писатель так восстает:

опалившие его истины веры, реально и опытно пережитого им христианского учения, становятся истинами жизни, дрожжами, все приводящими в движение. Даже малейшего зазора между верой и жизнью нет и у митрополита Сурожского Антония. Более того, Владыка считал, что сегодня нужно не рассказывать о Боге, а показывать Его, являть Его собою и собственной жизнью: только так в наш уставший от избытка слов век можно донести до людей неслыханную новизну Благой Вести. В своих беседах он то и дело приводит образ английского писателя К.С. Льюиса: что верующие должны отличаться от неверующих так, как живые люди отличаются от статуи³, т. е. в них должна быть притягательность живой жизни, то, что отличает живое от мертвого, жизнь от простого существования. А именно над таким отличием, его критериями и способом перехода от мертвого к живому и бьется все время Лев Николаевич Толстой. Поэтому в продумывании темы живой жизни и христианина как человека живущего великий вольнодумец и православный митрополит вдруг сходятся в одну точку. Приведу только две цитаты как пример такого, далеко не единственного, созвучия. Владыка Антоний: «Это показывает, что все человечество — единый, сильный поток жизни, что все мы совершенно переплетены между собой, что мы призваны не только быть несомыми, но и нести, активно действовать и быть»⁴. Лев Толстой, дневниковая запись от 13 декабря 1888 г.: «Думал: мы в жизни закупоренные сосудчики, задача которых в том, чтобы откупориться и разлиться, установить сообщение с прошедшим и будущим, сделаться каналом и участником жизни общей. Смерть плотская не делает этого. Она как бы только вновь переливает и опять в закупоренные сосуды»⁵.

Такая созвучность мысли двух людей, разделенных столетием и разницей мировоззрений, вплоть до параллельности в приведенных цитатах водных образов, мне кажется не случайным совпадением, а еще одним свидетельством о путях развития богословия и религиозно-философской мысли XX века, как бы о некотором векторе такого развития. Вклад Льва Толстого в эту общую копилку мысли мне кажется принципиально важным, и дело здесь не только и не столько в его критике христианства и государственной церкви. Это самая неинтересная часть такого вклада, хотя и самая изученная.

Мне бы хотелось попытаться взглянуть — в аспекте такого вектора, т. е. направленного движения к живой богословской внутрицерковной мысли XX века, — на «положительную» составляющую мысли Толстого, не на его ошибки и противоречия, а на его находки, прозрения и озарения, насущно необходимые нам сегодня в наших собственных попытках выстраивать христианскую жизнь. И еще — на горение, огненность мысли Толстого, словно опаленного Евангелием. 16 января 1857 г. он записывает в «Дневнике»: «Лень писать с подробностями, хотелось бы все писать огненными чертами»⁶. Итак, посмотрим, как дана в этом «огне» толстовской мысли тема жизни.

Может быть, первое, что нас поражает и завораживает в произведениях Толстого, это его удивительное жизнелюбие, любование миром и жизнью, жизненным простором, уготованным для всех живых существ. Незадолго до смерти, 6 октября 1910 г., Лев Толстой записывает в своем дневнике: «Гуляя, особенно ясно, живо чувствовал жизнь телят, овец, кротов, деревьев <...> И вот когда ясно поймешь это, как смешны разговоры о величии чего-нибудь человеческого или даже самого человека. Из тех существ, которые мы знаем, да — человек выше других, но как вниз от человека — бесконечность низших существ, которых мы отчасти знаем, так и вверх должна быть бесконечность высших существ, которых мы не знаем потому, что не можем знать. И тут-то при таком положении человека говорить о каком-нибудь величии в нем — смешно»⁷. И это не принижение человека, но видение его в рамке мира, как части целого, размыкающее его одиночество и дающее ему возможность влиться в эту общую картину жизни, счастья, чуда. Это ликующая жизнь взалб, правда которой предстает в самом ее разливе. Торжествующее обновление весенней природы говорит нам о христианстве яснее любой проповеди. «Думал: жизнь, не моя, но жизнь мира, с тем *renouveau* христианства со всех сторон выступающая как весна, и в деревьях, и в траве, и в воде, становится до невозможности интересна. В этом одном интересе и моей жизни...»⁸. И еще одна характерная дневниковая запись: «Мир живет. В мире жизнь. — Жизнь — тайна для всех людей. Одни называют ее Бог, другие — сила. Все равно — она тайна. Жизнь разлита во всем»⁹.

Может быть, наиболее полно масштабность такого всеобъемлющего праздника жизни передает эпопея Толстого «Война и мир», которая сама как раз и оказывается таким празднично-творением, творением мира как праздника. В этом празднике есть место и войне, и боли, и злу, но он словно покрывает все это собою. Самые любимые герои Толстого, те, в кого автор словно вкладывает собственную душу, Наташа и Пьер, как раз заряжены, наэлектризованы такой жизнью до предела: Наташа на уровне чувства, а Пьер на уровне разума. Соединение этих героев в финале книги — словно последний акт творения, придающий праздничному миру завершенность и целостность: стихийное ощущение жизни Наташи сливается с живым поиском смысла и сути жизни у Пьера, их счастье показано как взаимное животворение, как вливание собственной жизни в жизнь другого. Вызывавший столько нареканий эпилог «Войны и мира» с Наташей, отказавшейся от своей детской поэтичности, уже не хрупкой барышней, но «самкой» с пеленкой ребенка, — всего лишь закономерный итог такого отказа от себя и собственной жизни ради большего, ради жизни другого. Эта картина живого счастья героев предельно значима в общем и первичном замысле автора, в котором Пьер должен был стать декабристом, а Наташа последовать за ним в Сибирь; именно эта перспектива грядущей беды и жертвы и делает праздник праздником. Но к теме жертвы как существенного момента жизни и живого мы еще вернемся, а пока отметим лишь еще одну любопытную деталь относительно героев «Войны и мир». Митрополит Антоний Сурожский приводит отношения героев в эпилоге романа как пример, которым можно хотя бы отдаленно попробовать передать, какими были отношения Адама и Евы до грехопадения, райские отношения, когда другой видится не как отделенное самостью «Я», но как alter ego: «В “Войне и мире” Толстого есть удивительный отрывок, он не предназначается быть толкованием Книги Бытия, но является удивительно вдумчивым комментарием на видение любви. Нам говорится, что Пьер видел себя отраженным в глазах Наташи, но свободным от всего, что в нем было дурного. Ничего, кроме его красоты, гармонии и цельности, не было в том, как она его видела. Это — видение alter ego. Мы не так видим друг друга»¹⁰.

Если попробовать создать феноменологическое описание человека живого и живущего в «Войне и мире», то мы уже с первых шагов обнаружим странную вещь: несмотря на извечный морализм и высокую нравственную требовательность автора к своим героям, их жизненность отнюдь не равна их добродетельности. Есть герои, наполненные таинственной жизненной силой, как Наташа, Петя Ростов, Пьер, как Левин и Кити и даже сама Анна в «Анне Карениной», и это отнюдь не застраховывает их от ошибок, падений и гибели. И есть добродетельные, отзывчивые, вроде бы гораздо более правильные, но лишенные этого бурления жизни и потому похожие лишь на бледные тени, «пустоцветы», как Соня в «Войне и мире» или Варенька в «Анне Карениной». Таким недогероям не хватает лишь одного — таинственной «силы жизни», столь значимой в толстовском универсуме. В чем она состоит? Во-первых, в детской открытости, распахнутости миру. Толстой недаром вошел в литературу повестью «Детство»; его любимые герои, несущие в себе автобиографические черты, — большие дети, сохранившие детство даже в своих взрослых, «умных» поисках сути и смысла жизни, как Левин и Пьер. Одна из главных черт такого «детского» мироощущения — способность к восхищению и удивлению, отзывчивость и радость жизни, ненасытное внимание к каждому встречному человеку и предметам мира, отсутствие мелочей, жизнь в мгновении настоящего. Кроме «детства» для такого мироощущения в толстовском лексиконе есть еще одно слово: «поэзия», или «художество». Это состояние возможности вдохновения, готовности в нужный миг воспринять озарение, сделать чудесное открытие, проницаемость для них ума и сердца, сохраненная самим Толстым до глубокой старости. Такая способность к «поэзии», к «художеству» отнюдь не совпадает со способностью к литературному творчеству, она ближе скорее к тому, что Ольга Седакова определила когда-то как «поэзию за пределами стихотворства»¹¹, это творчество как состояние человека живущего, творческая включенность в саму жизнь. С годами Толстой все менее удовлетворен чисто литературным творчеством, но такая «поэзия» остается с ним до конца. В своем раннем дневнике он ставит перед собой как одну из первостепенных задач, тех самых нравственных задач, которыми так наполнены всегда его дневники: «работать

в поэзии»¹², — причем требует от себя такой работы «ежедневно». От того, воспримем ли мы или нет «идею поэзии», более общую, «чем идеи организмов государства», зависит, по его мнению, наше историческое будущее¹³. К числу таких событий поэзии, художества принадлежит, по Толстому, и христианство. В его ранней записной книжке есть такая запись: «Есть правда личная и общая. Общая только $2 \times 2 = 4$. Личная — художество! Христианство. Оно все художество»¹⁴.

Само наличие этой загадочной и удивительной силы жизни, оживляющей любимых героев Толстого и его самого, уже свидетельствует о стоящем за ними Подателе Жизни, о неслучайности такого жизненного кипения, горения. Вот еще одна характерная дневниковая запись: «Сейчас думал: Удивительно, как мог я не видеть прежде той несомненной истины, что за этим миром и нашей жизнью в нем есть Кто-то, Что-то, знающее, для чего существует этот мир, и мы в нем, как в кипятке пузыри, вскакиваем, лопаемся и исчезаем. Несомненно, что делается что-то в этом мире, и делается всеми живыми существами, и делается мною, моей жизнью. Иначе для чего бы было это солнце, эти весны, зимы, и, главное, для чего эта трехлетняя, беснующаяся от избытка жизни девочка, и эта выжившая из ума старуха, и сумасшедший. Эти отдельные существа — очевидно не имеющие для меня смысла, а вместе с тем энергично живущие, так хранящие свою жизнь, в которых так крепко завинчена жизнь, — эти существа более всего меня убеждают, что они нужны для какого-то дела разумного, доброго, но недоступного мне»¹⁵.

Итак, сама тайна жизни диктует необходимость того, что у этой жизни должен быть смысл: живая жизнь не может быть разрушена смертью. Среди характерных толстовских противоположностей самое захватывающее и постоянное — это именно противостояние жизни и смерти. Пережитый им в 1869 г. «арзамасский кризис», подробно описанный в «Записках сумасшедшего», глубинный ужас перед смертью, до содрогания всего внутреннего существа, — оборотная сторона витальности Толстого. Это не имеет ничего общего с трусостью: во время Кавказской войны, при осаде Севастополя или на охоте Толстой проявлял чудеса храбрости. Такой страх смерти был совсем другого, экзистенциального порядка, это было ощущение смерти как вторжения в жизнь и

глубинный протест живого против несправедливости такого вторжения: он и обусловил собой знаменитый «религиозный переворот» Толстого. Противостояние несправедливости смерти, сопротивление ей сразу оказывается сцепленным с идеей смысла жизни: только осмысленная жизнь не кончится срывом в смерть. Подобный страх переживает Левин, от него не спасает даже долгожданное семейное счастье: счастливый муж прячет веревку, чтобы не покончить с собой из-за невозможности нащупать в жизни смысл, способный защитить от подступающей со всех сторон смерти. Интересно, что схожий кризис пережил в подростковом возрасте, еще до обращения, и будущий митрополит Антоний, а тогда Андрей Блум: его тоже в свое время преследовали мысли о самоубийстве из-за невозможности найти в жизни смысл.

Сама операция придания жизни смысла, попытка направить таинственную и неподвластную разуму жизненную силу в единственно нужное, противоположное смерти русло, очень характерна для Толстого с его извечной стихийной по силе борьбой со стихиями: он и здесь сражается, как атлет, с собой, со смертью и со стихией неуправляемой жизни. На протяжении многих лет в своих дневниках он мучительно пытается найти определение жизни, в нескольких словах уловить самую суть ее. Главное, что сразу очерчивает Толстой в этом поиске ядра, сути, сердцевины жизни, это связанность нашей конкретной жизни с жизнью всех людей и всего мира, незамкнутость ее, «потому что жизнь наша не есть что-либо цельное, законченное, а есть часть чего-то несоизмеримо огромного, есть конечная частица бесконечного»¹⁶. Способность жизни к раскрытию себя и к выходу за свои собственные пределы становится ключевой для мысли Толстого. В 1900 г. он записывает в дневнике дефиницию: «Жизнь есть расширение пределов»¹⁷. Но его неутомимая мысль не удовлетворяется этим определением, и на протяжении нескольких лет он продолжает мучительное и напряженное продумывание сути жизни, словно стараясь уловить какую-то страшную тайну, которая должна объяснить все и примирить бушующую стихию с целенаправленным движением человеческого духа, все более и более интересующего Толстого. Вот шаги на этом пути, разрозненные дневниковые записи, проникнутые одним желанием — разгадать эту загадку жизни:

«Жизнь есть сознание своего единства с Богом»¹⁸; «Я прежде думал, что сущность жизни человека состоит в все большем и большем расширении пределов. Но это неверно, не может быть. В чем сущность жизни не дано нам знать. Одно что мы знаем, это то, что все совершенствование человека состоит в наибольшем слиянии с непостижимой для него вечной жизнью...»¹⁹; «Жизнь есть рост»²⁰; «В сущности же мы, как и Бог, стоим неподвижно, и нам кажется только, что мы разрываем, расширяем свои пределы. В этом жизнь. Бог нами дышит»²¹; «Да, жизнь есть расширение сознания»²²; «Бог есть икс (x); но хотя значение икса и не известно нам, без икса нельзя не только решить, но и составить никакого уравнения. А жизнь есть решение уравнения»²³; «Мы трепещем в мире, и это трепетание есть жизнь и благо»²⁴; «Жизнь есть освобождение (все большее и большее) своей божественности»²⁵.

Из художественных произведений, сполна передающих всю мучительную напряженность такого поиска, его болезненность, но и наполненность озарениями и находками, особенно примечательна повесть «Смерть Ивана Ильича». Здесь смерть и жизнь словно меняются местами. Герой мучительно переживает агонию и то жуткое приближение смерти, всю несправедливость которого мы не можем с ним не разделять. Его словно пропихивают в темный туннель, в «черную дыру»²⁶ — красноречивый образ самой смерти. Но в ходе такого умирания герой вдруг начинает по-другому видеть свою жизнь, «прокручивает» ее заново. И перед читателем встает картина еще более жуткая, чем несправедливость страшного туннеля смерти: картина не-жизни. Если не-живые герои романов Толстого даны нам как бледные копии живых, то здесь контраст куда более страшный. Художник ярко рисует мертвящий ужас не-жизни, псевдожизнь, с получением удовольствий и соблюдением приличий, но начисто лишенную смысла и света, мрак, еще более крошечный, чем черный туннель смерти. В финале физическая смерть героя неожиданно оборачивается его прозрением, прорывом к подлинной жизни: умирая, он видит свет.

Смерть и жизнь неожиданно поменялись местами: безбурное и благополучное существование оборачивается отсутствием жизни, а ужас приближающейся смерти оказывается оживанием. Если в «Войне и мире» автор проверяет люби-

мых героев встречей со смертью, их стоянием перед лицом смерти, позволяющим им нащупать собственную жизнь, то в «Анне Карениной» такой «пограничной ситуацией» оказывается не только смерть, но и роды: и уход человека из мира, и вхождение его в мир одинаково прорывают ткань обыденного существования, создают прорехи, в которые может влиться подлинная жизнь. Сам процесс такого «вливания» в нас жизни довольно болезнен, так же как болезненны агония и роды. Оказывается, что прорваться к такому привольному течению жизни не так-то просто, точка такого вливания проходит через болезненную процедуру отречения от себя, отдирания от себя всего того, что мы прежде как раз и считали своею жизнью, но что лишь заслоняет нам дорогу. 9 декабря 1889 г. Толстой записывает в дневнике: «Жизнь мира мне представляется так: через бесчисленные и разнообразные трубочки стремится жидкость или газ, или свет. Свет этот есть вся сила жизни — Бог. Трубочки это мы, все существа. Одни трубочки неподвижны совсем, другие чуть-чуть, третьи больше и наконец мы совсем подвижные трубочки. Мы можем совсем пропускать свет и можем загораживать его на время. — То, что мы называем своей жизнью, личной жизнью — это способность стать поперек свету — не пропускать его, истинная же жизнь есть способность стать так, чтобы пропускать свет вполне, не задерживать его. Но когда человек стал так, движение его жизни кончается. Оно кончается, когда человек уже начинает устанавливаться так. Движение жизни кончается и тогда человек чувствует, что он только тогда сделал все, что должно, когда он устранился так, что его как бы нет. Когда человек познает отрицательность своего личного существования, тогда он переносит свою жизнь в то, что проходит через него, в Бога»²⁷. Интересно, что очень сходно такой болезненный процесс вливания в нас жизни описывает и митрополит Антоний Сурожский, используя для этого новозаветную притчу о садовнике, прививающем умирающий росток к ветке живого дерева (Рим. 11, 17–24). Сначала садовник, прививающий растение, вырывает росток из земли, так что тот теряет связь даже с той полу-жизнью, какая в нем была, собственная жизнь ростка вытекает из него, он умирает интенсивнее, чем умирал до сих пор. Затем, чтобы привить росток, садовник должен «надрезать

живоносное дерево, и наше соединение со Христом, так же, как соединение этой веточки с деревом, совершается рана к ране». И только после этого «живая жизнь этого животворного ствола начинает пробиваться в росток»²⁸.

В «Исповеди» Толстой описывает такой болезненный переход от не-жизни к жизни, как «остановку» жизни: «жизнь моя остановилась»²⁹. В трактате «О жизни» (1888)³⁰, который сам Толстой считал одной из самых главных своих книг, вложив в нее поистине дантовский замысел «прибавить счастья людям»³¹, такая точка перехода прямо названа родами: глава 9 озаглавлена как «Рождение истинной жизни в человеке». Здесь мы тоже видим образ ростка, как только что видели у владыки Антония, но отсылающий к другой новозаветной евангельской притче — о зерне, которому, чтобы прорасти, нужно умереть (Ин. 12, 24): «То же уничтожение зерна, прежней формы жизни, и проявление нового ростка; та же кажущаяся борьба прежней формы разлагающегося зерна и увеличение ростка, — и то же питание ростка за счет разлагающегося зерна»³². Мы уже говорили о том, что любовь друг к другу Наташи и Пьера в «Войне и мире» неизбежно оказывается жертвой и приготовлением к жертве: жертвой своим личным бытием ради другого и приготовлением к подвигу декабристов и его последствиям. Но сама эта последняя жертва, хоть и давшая замысел и точку отсчета всему роману, осталась за его пределами. Может быть, еще ярче и болезненнее дана тема жертвенного разрыва с прошлой жизнью в «Анне Карениной», одном из самых трагических толстовских романов, заканчивающихся, как и все подлинныя трагедии, катарсисом. В. Вересаев как-то заметил, что Наташа Ростова «и есть подлинная душа Толстого»³³, — Анна Каренина тоже не менее важная часть его души. Именно в Анне пульсирует и бьется жизнь, сама стихия жизни, переполняющая ее, — даже Кити меркнет в ее лучах и кажется несколько схематичной, только потому, что есть Анна, в которую Толстой словно бы вливает значительную часть собственной жизни. И вот эту-то свою собственную жизнь, собственную душу Толстой и бросает в конце романа под поезд: только после такой жертвы происходит воскрешение другой, «разумной» части души Толстого — приход Левина к вере. Отсюда, на мой взгляд, и подлинность трагедии, и подлинность катарсиса в романе.

Именно тут точка принципиального поворота от стихийной жизни с ее радостями к той подлинной жизни веры, жизни всех, или жизни разумного сознания, служению которой отныне посвящает все свое бытие и творчество Лев Толстой.

Итак, попробуем посмотреть на характеристики этой «новой», подлинной жизни в ее отличии от жизни личной, или «животной», как ее называет теперь Толстой, но попробуем сделать это в том же выбранном нами изначально аспекте: не с целью развенчания противоречий, а с целью разглядеть ту весть, которая поможет от толстовского огня разгореться и нашим жизням. Итак, это жизнь общая, одна на всех: от нас зависит проходимость, проницаемость для этой жизни, то, дадим ли мы ей вольно течь через нас, или станем затором на ее пути: образ этого водного потока мы видели уже в самом начале, и у Толстого, и у митрополита Антония. Такая проницаемость для жизни, несмотря на все предельно рациональные доводы Толстого в ее пользу, сродни его же проницаемости для озарений, сродни работе в поэзии: снова выход в нечто большее, чем мы сами, раздвигание горизонтов, счастливый простор. Тот, кто туда вышел, по Толстому, уже не может не любить: глава XXV трактата «О жизни» называется «Любовь есть единая и полная деятельность истинной жизни». Этой «работой любви» и наполнены до предела все поздние дневники Толстого: императивом распространения этой любви на каждого встречного, на абсолютно любого, постоянным присмотром за всем, что мешает любить. Наиболее характерен в этом отношении один удивительный текст Толстого, озаглавленный им «Записки христианина» (1881)³⁴. Композиционно он делится на две части: в первой автор кратко повествует о том, как он стал христианином, и формулирует задачу — показать, что конкретно он под этим «бытием христианином» подразумевает, а для этого записывать все происходящие события, всю событийную канву каждого дня, переживаемую им по-христиански; вторая часть и представляет собой такие дневниковые по сути записи. И вот тут самое интересное: здесь нет мыслей о спасении души и нравственных максим, нет описания аскетических практик и т. д. Здесь есть живые люди: автор описывает приходящих к нему за помощью крестьян, и каждый из этих крестьян оказывается Толстым увиденным, выхваченным из

небытия. А способность видеть, рождение зрения, новых глаз — одно из существенных отличий человека живущего не только у Толстого, но и у митрополита Антония³⁵. Автора в этих «Записках христианина» теперь уже как бы и нет, он исчезает, но зато есть истории кучера Ларивона и мужика Костюшки, рассказанные словами любви: читая эти строки, читатель не может Ларивона и Костюшку не полюбить. Христианином оказывается тот, кто переводит взгляд с себя на другого, кто способен этого другого увидеть. И тут нецерковная и порой антицерковная мысль Толстого смыкается с экклезиологическими исканиями в богословии XX века, с переносом акцентов в такой экклезиологии на человеческие отношения, отношения любви, которые одни только и строят церковь. Протестантский пастор Дитрих Бонхеффер, в 1945 г. расстрелянный нацистами за участие в заговоре против Гитлера, назвал это «церковью для других»: только существуя для других, мы и становимся церковью: «...наше отношение к Богу есть новая жизнь в “существовании для других”, в причастности к бытию Иисуса»³⁶. Православная монахиня, преподобномученица Мария (Скобцова), тоже погибшая в 1945-м в газовой камере нацистского концлагеря за участие в Сопротивлении и спасение евреев, называла это «внехрамовой литургией», или «мистикой человекообщения»: церковь возникает тогда, когда мы видим в другом, в ближнем, Самого Христа, когда, «общаясь с миром в лице каждого отдельного человека»³⁷, мы тем самым общаемся с Самим Христом, становимся Телом Христовым, отданным «за жизнь мира», т. е. Церковью. Вклад Льва Толстого в становление такой «церкви для других» мне кажется весьма существенным.

Еще одним важным моментом живой, подлинной жизни оказывается ее динамизм: она не что иное, как рост и движение жизни, бесконечное и беспредельное, вспомним образ ростка. Нам остается бесконечно растить этот дарованный нам диковинный росток, ведь «жизнь дана нам, как ребенок дан няньке, чтобы возрастить его»³⁸, а значит, нужно все время меняться и начинать все сначала. Тема начала, открывающегося пути — одна из самых значимых в толстовском творчестве, именно ею оканчиваются оба великих романа, состоянием обновления, когда все еще возможно, чудом на-

чинания: образом юного Николеньки Болконского в «Войне и мире» и обретением Левиным веры и началом его новой жизни в «Анне Карениной». И сам Толстой поражает нас прежде всего этой своей неутомимой способностью снова и снова все начинать сначала, ставить под вопрос собственные успехи, находки и кажущиеся истинами утверждения ради новых горизонтов и нового движения жизни³⁹. Интересно, что способность меняться митрополит Антоний выделял как один из принципиальных моментов жизни в Церкви, как отличие живого от неживой неподвижности статуй. У него есть одна из его любимых притч, или историй, повторяющихся во многих беседах Владыки, — рассказ о неверующем человеке, по делу зашедшем в храм (ему нужно было передать посылку) и вдруг обнаружившем там нечто, что его изумило и чего он не встречал ни в каком другом месте. Тогда человек стал приходить еще и еще, пытаясь понять и уловить такую инаковость и притягательную для него особость этого пространства. Корень этой особенности человек усматривает именно в том, что здесь люди могут меняться: он видит, как меняются лица людей после причастия, как меняется их манера общаться друг с другом, как люди становятся другими, не такими, какими они сюда вошли. Присутствие в церкви Живого Бога этот человек обнаруживает через то, как этот Бог меняет людей. Именно ради встречи с таким Богом этот человек и приходит в итоге в Церковь: он тоже хочет «быть измененным», хочет, чтобы и его «менял Бог»⁴⁰.

Главным упреком Толстому обычно ставится его рационализм и интеллектуальный характер его озарений, ведь искомая истинная жизнь неразрывно связана у него с «разумным сознанием», также расширяющим собственные границы и стремящимся к благу всех, таким же таинственным и общим, как и сама жизнь. Разум и чувство у Толстого — отдельная большая тема, поэтому здесь лишь заметим таинственность и странность этого толстовского разума, имеющего очень мало общего с рацией рационализма, но много точек соприкосновения с Логосом Евангелия от Иоанна, обычно переводимом как Слово («В начале было Слово...» (Ин 1:1) — Толстой это переводит как: «В начале было Разумение...»). Этот таинственный и необходимый человеку разум — часть таинственной жизни, мерцающим образом совпадающая с

ней, часть безудержного стремления к человеческой целостности и полноте, обнимающей собою и разум, и чувство. И еще интересно то, что такой разум оказывается связанным со смирением. Вот дневниковая запись от 8 августа 1907 г.: «Ум возникает только из смирения. Глупость же — только из сомнения. Как бы сильны ни были умственные способности, смиренный человек всегда недоволен — ищет; самоуверенный думает, что все знает, и не углубляется»⁴¹.

Отметим в заключение еще один принципиальный момент толстовского бытия-живым — осязаемость его, Льва Николаевича, живого присутствия — в истории, в культуре, в самой ткани жизни. Такое присутствие очень остро чувствовали современники, недаром столько людей стремилось попасть в Ясную Поляну, хотя бы взглянуть на великого старца, услышать от него слово. Вплоть до того, что Томас Манн уверен в начале Первой мировой войны: будь еще жив Толстой, война эта «вряд ли посмела бы разразиться»⁴². Толстой своим присутствием словно удерживает Россию от оползания, от сползания в ту пучину катастрофы, которая настигнет ее в 1917 г. Это очень странное присутствие, будоражащее и провокационное, — Владимир Библихин называет его «жизнью при странности»⁴³. Сам Толстой находит ему определение: это юродство. 29 августа 1889 г. он записывает в дневнике: «В совершенстве отделанная повесть не сделает доводы мои убедительнее. Надо быть юродивым и в писании»⁴⁴. Мысль о юродстве в писании поможет лучше понять стиль поздних произведений Толстого, их нарочитую алитературность. «И в писании» — потому, что и в жизни. Странное присутствие юродивого не позволяет просто подражать ему, это провокативное бытие, которое толкает нас к тому, чтобы начать думать и жить самим, уже на наш собственный страх и риск. Может быть, это и нужно нам сейчас сильнее всего. Если мы доверимся этому присутствию Толстого, его слову и мысли, впустим его в нашу жизнь, оно может помочь нам найти то глубокое, редкое, чудесное, что где-то глубоко, на почти недостижимой глубине спрятано в нас самих, искру Божества, делающую нас живыми. Поможет нам начать становиться христианами. Ведь, как писал в записной книжке Лев Толстой, «христиан не бывает повальных. Даже один не всегда христианин»⁴⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Митрополит Антоний Сурожский. О богоискательстве Толстого. Январь 1967. Ответ слушателю. Расшифровка аудиозаписи из архива Фонда «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского».

² Толстой Л.Н. Исповедь // ПСС. Т. 23. С. 2.

³ См., например: Сурожский Антоний, митр. Дом Божий // Он же. Церковь. М., 2011. С. 165. Владыка цитирует книгу К.С. Льюиса «Просто христианство» («Mere Christianity»); см., например: Льюис К.С. Просто христианство. М., 1994.

⁴ Сурожский Антоний, митр. О церковных праздниках // Он же. Церковь. М., 2011. С. 102.

⁵ Толстой Л.Н. ПСС. Т. 50. С. 13.

⁶ ПСС. Т. 47. С. 152.

⁷ ПСС. Т. 58. С. 113. Интересно, что такие уровни, или «пласты» жизни, выделяет и митр. Антоний: «Есть, скажем, пласт, в котором ты живешь и тебе страшно или какие-то еще чувства одолевают тебя, а есть помимо этого еще какие-то два пласта: выше, над тобой — воля Божия, Его видение истории, и ниже — как течет жизнь, не замечая событий, связанных с твоим существованием» (Митрополит Сурожский Антоний. Без записок // Он же. Труды: В 2 кн. Кн. 1. М., 2002. С. 344).

⁸ Запись от 24 ноября 1888 г. // ПСС. Т. 50. С. 4.

⁹ Запись от 19 июня 1886 г. // ПСС. Т. 49. С. 127.

¹⁰ Митр. Сурожский Антоний. Мужчина и женщина в тварном мире // Он же. Труды: В 2 кн. Кн. 2. М., 2007. С. 821.

¹¹ См.: Седакова О.А. Поэзия за пределами стихотворства // Она же. Poetica. М., 2010. С. 120–126.

¹² «Надо делать мне три вещи: 1) образовывать себя, 2) работать в поэзии и 3) делать добро. И поверять эти три дела ежедневно» (запись от 16 апреля 1857 г. // ПСС. Т. 47. С. 123).

¹³ См.: «Читал Рилия. Консерватизм невозможен. Нужны более общие идеи, чем идеи организмов государства — идея поэзии, и ее не уловишь в Америке и в образующейся новой Европе» (запись от 12 авг. 1858 г. // ПСС. Т. 48. С. 29).

¹⁴ Записная книжка №1, 1858–1863 // ПСС. Т. 48. С. 73.

¹⁵ Запись от 27 октября 1894 г. // ПСС. Т. 52. С. 151–152.

¹⁶ Запись от 17 февраля 1890 г. // ПСС. Т. 51. С. 19.

¹⁷ Запись от 2 мая 1900 г. // ПСС. Т. 54. С. 25.

¹⁸ Запись от 19 июня 1903 г. // ПСС. Т. 54. С. 180.

¹⁹ Запись от 30 ноября 1903 г. // ПСС. Т. 54. С. 199.

²⁰ Записная книжка. Июнь-июль 1901 г. // ПСС. Т. 54. С. 254.

²¹ Запись от 2 января 1904 г. // ПСС. Т. 55. С. 3.

²² Запись от 30 апреля 1904 г. // ПСС. Т. 55. С. 31.

- ²³ Запись от 22 октября 1904 г. // ПСС. Т. 55. С. 98.
- ²⁴ Запись от 12 октября 1905 г. // ПСС. Т. 55. С. 166.
- ²⁵ Запись от 10 октября 1906 г. // ПСС. Т. 55. С. 256.
- ²⁶ ПСС. Т. 26. С. 112.
- ²⁷ ПСС. Т. 50. С. 190.
- ²⁸ *Митр. Сурожский Антоний*. Церковь и Евхаристия // Он же. Труды: В 2 кн. Кн. 2. М., 2007. С. 469–470.
- ²⁹ *Толстой Л.Н.* Исповедь // ПСС. Т. 23. С. 11.
- ³⁰ Написан в 1886–1887 гг., в 1888 г. книга была напечатана в московской типографии А.И. Мамонтова, но сразу запрещена и уничтожена цензурой, уцелело лишь 3 экземпляра.
- ³¹ 2 апреля 1887 г. Толстой пишет к Г.А. Русанову о своей работе над данным трактатом: «Работаю над мыслями о жизни и смерти, переделываю то, что читал, и очень мне предмет этот кажется важен. Кажется, что разъяснение этого — т. е. того, что именно есть жизнь (у Хри[ста] это разъяснено), разъяснение Христова для людей, к[оторые] не хотят понимать Евангелие — это очень важно, нужно, прибавит счастья людям. Видите, какие гордые мысли. Что делать, они есть и они-то поощряют к работе» (ПСС. Т. 64. С. 32).
- ³² *Толстой Л.Н.* О жизни // ПСС. Т. 26. С. 346.
- ³³ *Вересаев В.* Живая жизнь. М., 1999. С. 143.
- ³⁴ См.: ПСС. Т. 49. С. 7–21.
- ³⁵ Митрополит Антоний советует присутствовать в каждом событии настолько, чтобы видеть и быть зрячим, — это и есть, по Владыке, непрестанная молитва. Он советует начинать каждый день с готовности воспринять все происходящее как дарованное Богом: каждую ситуацию, каждого встреченного человека, и потом не терять в течение дня такого зрения, которое все воспринимает как дар: «Поэтому на все нужно смотреть глазами художника или святого, другого выхода нет» (*Митр. Сурожский Антоний*. Итоги жизни // Он же. Труды: В 2 кн. Кн. 1. Ук. изд. С. 330).
- ³⁶ *Бонхёффер Д.* Сопротивление и покорность. М., 1994. С. 283.
- ³⁷ *Мать Мария (Скобцова)*. О Монашестве // Она же. Воспоминания. Статьи. Очерки: В 2 т. Т. 1. Париж, 1992. С. 146.
- ³⁸ Запись от 29 мая 1889 г. // ПСС. Т. 50. С. 87.
- ³⁹ А.А. Толстая так вспоминает о Льве Николаевиче: «Он постоянно стремился начать жить сызнова и, откинув прошлое, как изношенное платье, облечься в чистую хламиду» (Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 94). В 1910 г., незадолго до смерти, писатель записывает в записной книжке: «Надо любить истину так, чтобы всякую минуту быть готовым, узнав высшую истину, отречься от всего того, что прежде считал истиной» (Листы записной книжки №2. Т. 58. С. 170). Та же динамика жизни принадлежит и христианству. Вот запись в дневнике Л.Н. Толстого от 12 июля 1900 г.:

«Христианство, если только оно искренне принято, действует, как самый страшный динамит, разрывая все старое и открывая новые бесконечные горизонты» (ПСС. Т. 54. С. 30).

40 См.: *Суроожский Антоний, митр.* О Церкви // Он же. Церковь. С. 55–56.

⁴¹ ПСС. Т. 56. С. 50.

⁴² *Мэнн Томас.* Собр. соч.: В 10 тт. Т. 9. М., 1960. С. 621.

⁴³ *Бибихин В.В.* Дневники Льва Толстого. СПб., 2012. С. 28.

⁴⁴ ПСС. Т. 50. С. 130.

⁴⁵ Запись от 7 апреля 1890 г. // ПСС. Т. 51. С. 131.

Протоиерей Александр Шмеман как читатель Льва Толстого

«В Толстом гениален ребенок и бесконечно глуп взрослый. Толстой кончает “взрослостью”, и в этом его ограниченность и падение», — пишет о. Александр Шмеман 13 апреля 1973 г. Неожданность этого утверждения останавливает, если не сказать, ошарашивает читателя «Дневников». Совершенно очевидно, что оно ставит под вопрос возникшее еще при жизни писателя представление о Льве Толстом как авторитетнейшем, несомненном «учителе жизни» и одновременно — страдальце, укоренившемся в русском культурном сознании настолько, что он, Толстой, стал фольклорным персонажем. О нем слагались сказы и легенды, популярные не только в среде его духовных последователей, а в начале 1920-х годов беспризорники, собирая подавание по вагонам, с неизменным успехом пели жалостную песню о том, как «жил знаменитый писатель, граф Лев Николаич Толстой, он рыбы и мяса не кушал, ходил по деревне босой... С правительством был он во треньях, народа ж своего был кумир, за роман за свой “Воскресенье”, за повесть “Война ой да мир”». Но есть в корпусе «толстовского предания» текст, с которым это утверждение перекликается более явственно, хотя и парадоксально. Речь идет об ошибочно приписываемом Даниилу Хармсу (или обэриутскому кругу), а в действительности созданном в конце 1960-х сотрудниками журнала «Пионер» Натальей Доброхотовой-Майковой и Владимиром Пятницким цикле литературных анекдотов «Веселые ребята», где тема Толстого вводится следующим образом: «Лев Толстой очень любил детей и за обедом все им сказки рассказывал с моралью для поучения»*.

Казалось бы, мысль прочитывать Толстого в проблемном поле детства-взрослости подсказана всем творчеством писателя, для которого детство — «зерно», из которого про-

* См.: <http://veselyerebiata.narod.ru/>

растает весь последующий жизненный опыт, время, когда в душе формируются «начатки благородства», время иногда по-руссоистски понятой «душевной чистоты», доверчивости, восприимчивости и ясного зрения, чистой веры в силу «зеленой палочки» и вечности дружб, тогда как сам Толстой нередко воспринимается, прежде всего, как взрослый, заботящийся о детском просвещении, дающий детям умственную и нравственную пищу. Однако у о. Александра Шмемана это противопоставление, подспудно присутствующее во всех его размышлениях о Толстом, определяющее его восприятие толстовского творчества, приобретает весьма неожиданные обертоны. Прежде чем попытаться расслышать, каковы они, понадобится сделать две оговорки.

Первая относится к тому типу чтения, который стоит за суждениями о. Александра Шмемана о литературе. Можно сказать, что он был идеальным читателем — вдумчивым, отзывчивым, внимательным к каждой художественной детали, исключительно чутким к языку, благодарным и одновременно взыскательным. Но не только взыскательным — он был читателем взыскующим. Говоря словами близко знавшей о. Александра исследовательницы русской литературы Ольги Меерсон, искать следы «печати дара Духа Святаго» он был готов везде» и, прежде всего, в словесном искусстве. По его убеждению, именно оно, говорящее языком образов, гораздо полнее, чем отвлеченное богословствование, способно передать весть о Боге, возлюбившем мир, ошеломляющую новизну и радость которой не в силах выразить обессилевший от частого и бездумного употребления религиозный язык: «Слово Божие. Молитва. Искусство» в равной мере оказываются способны явить ту реальность, которую бессильно передать «обсуждение» (Дневники, 6 апреля 1973 г.). Не случайно своими главными наставниками в богословии он считал не отцов Церкви и не признанные богословские авторитеты, а литургический опыт и словесность: «Если кто-нибудь когда-нибудь будет “изучать” “источники” моего богословия(!), он вряд ли догадается, что на меня всегда неимоверную тоску нагоняли, например, Кавасила, Дионисий Ареопагит и т. п., а что в *“cheminement obscur”* моего мироощущения и, следовательно, мысли и убеждений сыграли странную, но несомненную роль: прислуживание в церкви (корпус, rue Daru), рус-

ская и французская поэзия, Андре Жид, дневник Жюльена Грина и дневник же Поля Леото (прочел все восемнадцать томов! — как они оба этому удивились бы!) и бесконечное число самых разнообразных биографий» (Дневники, 13 января 1976 г.). Среди тех, кого он мог бы читать до бесконечности, Шмеман называет Пушкина, Чехова, Тургенева, Бунина и Толстого. Коль скоро словесность для него — в одном ряду с Литургией, достоверный вестник Царства, способный передать то, что никакой иной язык выразить не может, ей вменена особая ответственность — быть свидетелем. Следовательно, ее качество определяется не столько предметом или идейно-содержательными достоинствами и тем более не наличием религиозных образов и мотивов, а тем, насколько убедительно и правдиво она весть передает.

О чем эта весть? Здесь мы подходим ко второй необходимой оговорке. Для Шмемана весть о Царстве — это весть о детстве. В одной из бесед на радио «Свобода» он прямо говорит, что «искать Царства, значит, искать детства... радости и мира во Святом Духе», и тут же уточняет, что «радость и мир — это возвращение к детской способности жить целостно». Итак, детство определяется целостностью, «той таинственной способностью, которая позволяет ребенку полностью отдаваться и радости, и горю», видеть мир в бесконечном множестве «связей всего со всем, в полном слиянии мира и жизни... возможность во всем увидеть другое», больше, наконец, способность видеть «присутствие во всем, над всем и за всем последней реальности», которая постигается «только целостным взглядом» («Детскость христианства»). Это не столько возрастная характеристика, но вневозрастное состояние открытости Царству, «доступности утешению», которое у ребенка есть, а у взрослого достигается душевным трудом: «Мы можем увидеть, захотеть, почувствовать, воспринять Царство, увидеть глубину вещей, как они есть, тот свет, который начинает литься из них, когда мы возвращаемся к детской целостности» (Ibid.).

Еще одно свойство детства Шмеман называет в той же дневниковой записи, в контекст которой вписано парадоксальное суждение о Толстом. Речь идет об отношении ко времени. Детству ведома радость жить в настоящем; для ребенка нет важнее человека, которого он встретил сейчас, кота, ко-

того он сейчас видит, травинки, что сейчас растет под ногами. Однако именно эта глубина и прочность присутствия в настоящем открывается вечности. «"Будьте как дети", — пишет о. Александр, — это и означает "будьте открыты вечности"». «Вечность — не уничтожение времени, а его абсолютная собранность, цельность, восстановление. Вечная жизнь — это не то, что начинается после временной жизни, а вечное присутствие всего в целостности» (Дневники, 13 апреля 1973 г.). В «Дневниках» о. Александр Шмеман не раз вспоминает о детстве, но показательно, что оно не замкнуто в прошлом, а присутствует в настоящем, как его «залог» и одновременно как переживание глубинной, таинственной сопричастности с каждым проявлением жизни, переживание внутренней, нерасторжимой связи всего сущего. Это не реставрация и, тем более, не имитация «потерянного рая», а верность каждой минуте настоящего, собранность ума и сердца, позволяющая видеть в образах здешнего мира свет нового творения, его надежду и удивляться каждому проявлению жизни как небывалому.

Как, по мнению Шмемана, проявляются эти свойства в творчестве Льва Толстого? Следует заметить, что в количественном отношении о Толстом им написано совсем немного. Лекции, которые осенью 1979 г. отец Александр читал студентам Свято-Владимирской семинарии, равно как и доклад на проходившем в апреле 1978 г. на симпозиуме к 150-летию со дня рождения писателя, в настоящее время не опубликованы, однако суждения о Толстом, аллюзии на его произведения, отсылки к его героям и сюжетам разбросаны по всему творчеству Шмемана. Перерастающее временами в пристрастность неравнодушие, отличающее эти упоминания, говорит о том, что у Шмемана не было раз и навсегда устоявшейся «оценки» Толстого; о. Александр все время нащупывал заново, переосмысливал, выстраивал отношения с ним. Как бы эти отношения ни окрашивались, они всегда выстраивались в поле напряжения между «ребенком» и «взрослым».

Когда в Толстом говорит ребенок? По Шмеману, не когда писатель рассуждает о детстве и не когда его описывает, а когда детскость становится «методом познания мира». Иначе говоря, когда Толстой не учительствует о жизни как

об отвлеченном предмете, а «в одной «точке» всегда является связанность всего жизнью...» (Дневники, 12 апреля 1978 г.).

Свойство детства — зрячесть, способность видеть мир, как впервые, доверчивым и любящим зрением, какому, говоря словами Пастернака, «ничто не мелко»*. Поэтому каждая «мелочь мира» становится рельефной, светоносной и бесконечно дорогой, свидетельствующей о том, что в сотворенном мире нет вторичного и случайного. Именно так, любовно, в сгустке жизни, увиден в начале повести «Детство» Карл Иванович: «Как теперь *вижу* (слово «вижу» — смысловая доминанта фрагмента) я перед собой длинную фигуру в ваточном халате и в красной шапочке, из-под которой виднеются редкие седые волосы. Он сидит подле столика...; в одной руке он держит книгу, другая покоится на ручке кресел; подле него лежат часы с нарисованным егерем на циферблате, клетчатый платок, черная круглая табакерка, зеленый футляр для очков, щипцы на лоточке. Все это так чинно, аккуратно лежит на своем месте, что по одному этому порядку можно заключить, что у Карла Иваныча совесть чиста и душа покойна». Подобное зрение открывается у Левина, когда он, после долгой разлуки, встречается на катке с Кити: «Детскость выражения ее лица в соединении с тонкой красотой стана составляли ее особенную прелесть, но что, как всегда, неожиданно, поражало в ней, это было выражение ее глаз, кротких, спокойных и правдивых, и, в особенности, ее улыбка, всегда переносившая Левина в волшебный мир, где он чувствовал себя умиленным и смягченным». Эти описания, отстоящие друг от друга более чем на двадцать лет, объединяет, прежде всего, очевидный уже в ранних произведениях Толстого дар сквозь портретные черты или бытовые детали прозревать «волшебный мир», где каждый предстает «со спокойной душой и чистой совестью», т. е. в райском прототипе. Именно таким изумленным взглядом видит и увиденна Наташа Ростова. Наконец, несомненное чудо преображающего видения совершается в сцене встречи Каренина с больной Анной. Он видит ее не такой, какой она предстает в его оскорбленном и потому слепом уме, но «глазами сострадания», и это видение

* Ср.: «Ты спросишь, кто велит, чтоб август был велик, кому ничто не мелко, кто погружен в отделку кленового листа...» (*Борис Пастернак*. «Давай ронять слова...»).

становится озарением, преображает падший мир в Царство: «Я увидел ее и простил. И счастье прощения открыло мне мою обязанность. Я простил совершенно. Я хочу подставить другую щеку, я хочу отдать рубаху, когда у меня берут кафтан, и молю Бога только о том, чтоб он не отнял у меня счастье прощения!» Свет прощения меняет не только «жертву», но и «обидчика». Вронский, словно заражаясь взглядом Каренина, начинает видеть его не в зеркале своей правды, а в правде замысла о нем и о всяком человеке: «Обманутый муж, представлявшийся до сих пор жалким существом, случайною и несколько комическою помехой его счастью, вдруг... был... вознесен на внушающую подобострастие высоту, и этот муж явился на этой высоте не злым, не фальшивым, не смешным, но добрым, простым и величественным». Это взгляд, собирающий отдельные «детали» в целое, которое заведомо больше их суммы, относящий мир к тому, что «над ним и за ним», взгляд «первой встречи», пусть первой не хронологически, но всегда первого видения, рождающего изумление и благоговение. Противоположность ему — взгляд «искушенный», разбирающий, подмечающий, оценивающий. Так при первой встрече Вронский видит Анну; не случайно ключевой и единственный глагол зрения в описании этой встречи не «увидел», а «заметил».

«Зрячий взгляд» не избирателен. Он видит жизнь в ее целостности, поэтому ему знакома не только радость, какую Шмеман называет «средством познания», но и скорбь о человеке. Таков взгляд повествователя в рассказе «После бала», который весь строится на поэтике потрясенного видения, ошеломленного сочетанием в одном сердце жизнерадостности (в мире Толстого это, несомненно, благое свойство, синоним благодарности), отцовской любви и расчеловечивающей жестокости. Сквозной вопрос рассказа: «Как прекрасный человек может быть таким злым?» — вопрос детский. Взрослый, живущий, как говорил о. Александр в одной из предрождественских бесед на радио «Свобода», в «расколотом и угрюмо-серьезном мире», уверен, что чаще всего именно так бывает, и закрепил это знание в чудовищных по безнадежности формулировках: «а чего еще ждать» или «чему тут удивляться». Однако ребенок знает, что только удивляться тут и можно: красоте — радостно, злу — в «горе, полном до слез». Знает

это и герой, от имени которого ведется повествование, поэтому он так отчетливо, фактурно, незамутненно видит каждую деталь — и «очень румяное, с белыми *a la Nicolas I* подвитыми усами... лицо, и та же ласковая, радостная улыбка, что у дочери...», и «умилительные» сапоги, «построенные батальонным сапожником», которые выдают отцовскую самоотверженную заботу: «Чтобы вывозить и одевать любимую дочь, он не покупает модных сапог, а носит домодельные». А с другой стороны, так же остро он видит и «сморщенное от страдания лицо» избиваемого татарина, «что-то такое пестрое, мокрое, красное, неестественное», в чем трудно было признать человеческое тело, и злобное лицо отца своей возлюбленной, бьющего малорослого, слабосильного солдата. Герой пытается открыть страшную тайну несчетаемой жизни магическим ключом «взрослого» знания. «Если это делалось с такой уверенностью, — рассуждает он, — и признавалось всеми необходимым, то стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал, и старался это узнать. Но сколько ни старался, и потом не мог этого узнать». Тайна не открывается, знание не утешает, поскольку любая попытка рассудочно, исчерпывающе «объяснить» происходящую в человеке и с человеком трагедию оборачивается пошлостью, а в детстве «никогда нет пошлости» (Дневники, 13 апреля 1973 г.).

Интересно, что понимание пошлости у Шмемана — безусловно толстовское; показательно, что говоря в «Размышлении о молитве “Отче наш”» о свойственном падшему человеку подсознательном выборе «быть мелкими и поверхностными: так легче жить», он вспоминает Свияжского из «Анны Карениной», который «как будто все понимал и мог рассуждать обо всем, но как только разговор доходил до главного, до последних вопросов о смысле жизни, что-то в нем закрывалось». Пошлость — это отказ от зрячести, от собственной глубины, согласие довольствоваться тем, что о. Александр в первой дневниковой записи называет «легким убеждением». Это свойство Толстой, по словам о. Александра, подмечает «с гениальной верностью», и тем горше ему наблюдать, как уход от тайны последних вопросов, перед которой благоговееет «Толстой — ребенок», подспудно проступает в стремлении Толстого-взрослого дать на эти вопросы последний, исчерпывающий ответ.

Когда в Толстом возвышает голос взрослый? Огрубляя, можно сказать: в тот момент, когда художник, чье искусство, по Шмеману, «было насквозь пронизано благодарением», отступает перед моралистом, который «очень любил детей и все им сказки рассказывал, с моралью для поучения». Иными словами, когда в Толстом побеждает идеология — полярная противоположность жизни, и, как следствие, вместо того, чтобы созерцать жизненную непостижимость как присутствие посреди нас Невыразимого, он начинает «переписывать Евангелие».

Для Шмемана идеология, как и религия, — «страшное слово». Идеология — еще страшней, потому что она — «эрзац, подмена религии. Но разница, и огромная, между религией и идеологией в том, что религия, вера — это всегда нечто очень личное, невозможное без глубокого личного и внутреннего опыта, тогда как идеология, всякая идеология, начинает с того, что она просто все личное отрицает и отвергает как ненужное» («Воскресные беседы»). В дневниковой записи от 21 мая 1975 г., объясняя, почему он не любит «идейную литературу», отец Александр пишет, что она лишена единственного, в чем неискаженно запечатлена реальность, — жизни, конкретности, единичности, тогда как «никакие общие идеи не объясняют реальности» (21 мая 1975 г.). Когда в Толстом берет верх «взрослое», идеологизированное сознание, вместо любования единичным лицом он начинает конструировать схематизированные, обобщенные типы.

Как это происходит и что из этого получается, можно проследить на примере короткого рассказа «Косточка», написанного для «Азбуки», впервые вышедшей в 1872 г.

Место действия — условный дом, где живет бедная семья. На столе — купленные матерью сливы. Скорее всего, семья городская, потому что в крестьянских семьях фрукты, как правило, не покупали. Где географически живет эта семья, сказать трудно, поскольку в средней полосе России сливы, пусть мелкие, все-таки произрастают, созревшие плоды падают на землю и всем доступны, а вообразить, чтобы детям из бедной семьи запрещали есть подобранное с земли, трудно... Но, допустим, это были какие-то диковинные сливы.

В центре повествования — маленький человек по имени Ваня, который никогда не ел слив, и они, как все новое и

дикуинное, ему очень понравились. В том, что маленький человек, никогда не евший слив, их хочет попробовать, ни с точки зрения религиозной, ни с позиций самой строгой светской морали ничего крамольного нет. Это детская любознательность, оправданная всем контекстом рассказа: ни в завязке, ни в дальнейшем повествовании нет ни слова о том, что мать запретила трогать оставленные на десерт плоды. Об этом можно догадаться: «хотела их дать детям после обеда», — но из намерения самого по себе еще не следует запрет, тем более для малыша, которому все неведомое по определению таинственно и волшебю. Если бы бедный Ваня раньше пробовал хотя бы одну сливу и с тех пор пристрастился к этим сладким плодам, его можно бы обвинить в невосдержанности, приведшей к ослушанию, в самом ослушании, но автор такой возможности не оставляет: «Ваня никогда не ел слив...». Можно бы спросить: «Почему не попросил у взрослых, а улучил момент, когда никого в комнате не было — и утянул?», — но сюжет прямого ответа опять-таки не дает (предположение «испорченный мальчик», напомним, автором отнято). Вернее, дает, но для этого надо всмотреться во взрослых.

Первое, что бросается в глаза, — взрослые в рассказе вкрадчиво-лукавы: «А что, дети, не съел ли кто-нибудь...» У таких не попросишь — боязно и противно. Гораздо страшнее, что они, по крайней мере, отец, которому в семействе явно отводится демиургическая роль, еще и лжив. Причем лжет о самом важном — о милости, жизни и смерти. Лжет осознанно, ибо знает, что ничего подобного не бывает. Лжет, чтобы запугать, и лицемерно прикрывается при этом заботой: «...и проглотит косточку, то через день умрет. Я этого боюсь». Смерть, в устах отца скоропалительная и неизбежная, предстает самым страшным из наказаний. В прямом смысле до смерти перепуганный, к смерти приговоренный ребенок просит помиловать, отвлечь теперь уже совсем непонятно за что (то ли за сливу, то ли за косточку, то ли за то, что он живой) грозящую кару — и разоблачает себя. Здесь сюжет совершает еще один виток. Зло обличено — чего же боле? Кажалось бы, при виде помертвевшего от страха, растерянно бормочущего малыша самое время вспомнить о прощении, но следствие закончено, дело передано в суд. Вот он и вер-

шится в последних строках — глумливый («все засмеялись») и немилостивый. Пародия на суд Божий.

Однако при, казалось бы, очевидной морализаторской установке в этом произведении все не столь однозначно. Хотя сам Толстой определяет его как рассказ, перед нами, несомненно, притча, на что указывает, прежде всего, предельная условность повествования — «в некоем месте человек некий». Возникшая в традиции устного предания, притча условием своего бытия непременно предполагает адресата, от восприимчивости которого зависит, как она будет услышана. В сюжет суда над мальчиком Ваней включено еще одно действующее лицо — читатель. Действительно, в произведении создан герметичный, безысходно детерминированный мир. Изнутри этого мира выхода, казалось бы, нет, но «просвет в небо», едва заметно, намечается читательской позицией. Читатель оказывается перед выбором: назидательно разобрать и осудить («чему нас учит эта книга?») — содрогнуться от ужаса и бежать от подобного чтения подальше — и опять же содрогнуться, но от жалости. Возможность стать Ваниным заступником на этом страшном суде оставляется тому, кто откажется от «окончательных выводов», но расплатится вместе с «разоблаченным злодеем» от того, что больно и непонятно жить в мире вымученной добродетели со зловещим оскалом. От того, что всех, живущих в этом мире, жалко — и маму, и папу, и братьев с сестрами, которым тоже бывает несладко. Точно так же и в «Анне Карениной», где постоянно идет борьба между художником и моралистом, все-таки побеждает художник, сострадающий Анне, Каренину, всем, в ком есть хотя бы капля жизни, иронизирующий над благочестивыми прописями, к каким «духовный друг» княгиня Лидия пытается свести трагедию единичной судьбы, и заведомо, еще прежде, чем все произойдет, оставляющий последнее слово за Судией Милостивым — роман открывается эпиграфом из Послания к римлянам с аллюзией на Второзаконие: «Мне отмщение и Аз воздам» (Рим. 12, 19; Втор. 32, 35). Смысл этого «загадочного», по мнению многих исследователей, эпиграфа, как представляется на первый взгляд, проступает при обращении к тому контексту, в какой вписан данный стих во Второзаконии (Втор. 32, 16–36). Бог корит свой народ, обличает его неверность: «А Заступника, родившего тебя, ты

забыл, и не помнил Бога, создавшего тебя... Господь увидел и вознегодовал... и сказал: сокрою лице Мое от них и увижу, какой будет конец их; ... ибо огонь возгорелся во гневе Моем» (Втор. 32, 18–20, 22). Однако далее говорится о том, что беды, кара, которая ждет народ, придет не с известной и по-человечески предсказуемой стороны, т. е. не от иноплемennых: «...чтобы враги его не возомнили и не сказали: наша рука высока, и не Господь сделал все сие» (Втор. 32, 27). Все, что произойдет с народом, случится только Богу ведомыми путями, а человеку перед ними остается только благоговейно их принять — это единственный способ углядеть в них смысл.

Для Шмемана борьба между ребенком и взрослым, между художником и моралистом: «кто кого «победит» — он тезис (как Толстой в «Войне и мире», роман ведь тоже с тезисом) или тезис — его» (Дневники, 25 мая 1979 г.) — ключевой парадокс толстовского творчества и шире — всей, за исключением, пожалуй, Пушкина и Чехова, русской словесности. «Судьба русских писателей? (Гоголь, Достоевский, Толстой...)» — записывает он в середине 1970-х годов. — Вечный разлад у них между творческой интуицией, *сердцем* — и разумом, сознанием?» (Дневники, 14 ноября 1974 г.). По убеждению о. Александра, этот разлом, который долго лелеяла и поэтизировала европейская культура, — свидетельство расколотости человеческого естества, не творческого напряжения, а падшести, один из признаков которой — отказ ума воспринимать, соблазнившись иллюзией «полного понимания». Однако с Толстым еще сложнее. В Толстом-художнике разлад преодолевается, когда он, как пишет О.А. Седакова, «исследует свой главный и единственный предмет — жизнь» в ее торжествующем, неисчерпаемо-многообразном, пасхальном проявлении. Это исследование производится не «холодным рассудком», а всем естеством, оно не аналитично, а евхаристично, поэтому неотделимо от благодарности. «Познать можно лишь благодарением», — однажды сказал митрополит Сурожский Антоний. Моралисту преодолеть разделение нечем. Собственно, церковная и творческая трагедия Толстого, по Шмеману, состоит не столько в идейных разногласиях, сколько в отказе от благодарения. Толстой, пишет он, «живая и трагическая иллюстрация “отпадения” как *неблагодарения*... Его искусство было насквозь прониза-

но благодарением. ...когда он перестал “благодарить” (суть гордыни), он ослеп» (Дневники, 20 ноября 1979 г.) — и как следствие, начинает делать ставку не на созерцающее сердце, а на способный дать однозначное, исчерпывающее объяснение ум. Аналогично и в творчестве сдвиг от художника к моралисту начинается, по убеждению о. Александра, всякий раз, когда Толстой утрачивает детскую зречность и готовность доверять самому чуду жизни больше, чем рассудочным его объяснениям: «Не в том-то ли и все дело, что все началось — у Л.[ьва] Т.[олстого] — с “неверия” св. апостолам» (Дневники, 11 февраля 1976 г.).

Чем дороже о. Александру Толстой-художник, тем сильнее и болезненней отталкивает его моралист: «Толстой талантлив и неумен...». Собственно, здесь, в расколе между рассудком и сердцем, он видит главную причину «взрослости» Толстого с ее «почвенничеством» и тягой к идейности, и корень его трагедии. Он размышляет об этом противоречии толстовского мира снова и снова, в разных контекстах, не только потому, что оно причиняет ему, читателю, существенное страдание, но, возможно, не в последнюю очередь, чтобы предостеречь: вот что бывает, когда пророческое призвание подменяется учительским назиданием: «Соблазн учительства, а не только пророчества, которое тем и сильно, что не “дидактично”?» (Дневники, 14 ноября 1974 г.).

В круге чтения о. Александра Шмемана был только один писатель, к которому он относился столь же противоречиво и с такой же ревнивой требовательностью, — А.И. Солженицын (показательно, что примерно в половине дневниковых упоминаний речь о Толстом идет в отнесении к Солженицыну). Дело не только в «толстовском размахе солженицынского замысла», но в том, что для него это были фигуры равновеликие: «А.И. — явление мировое, первый русский человек после смерти Толстого, дошедший до сознания десятков миллионов» (Дневники, 12 декабря 1974 г.), наделенные исключительным даром, а следовательно, облеченные особой ответственностью за достоверность вести. Очевидные параллели в восприятии о. Александром этих исключительно дорогих для него писателей, вместе с Пушкиным держащих ось русской литературы, могли бы стать предметом отдельного разговора, а пока ограничимся

лишь общим соображением: для Шмемана значимость писателя определяется его согласием, отказавшись от «своего», будь то жажда нравственного усовершенствования человечества или пафос «своей земли», поставленной превыше Христа, быть не «учителем», а вестником Царства, которое всегда больше самых высоких идей того, кто его возвещает. Ради этой неисчерпаемой, являющей себя во многообразии событий и судеб вести Шмеман возвращается к Толстому, чтобы перечитывать его «бесконечно».

Александр Солженицын: возвращение к Толстому в условиях идеократии

Исследователи и критики давно заметили особую связь творчества А.И. Солженицына и Л.Н. Толстого. После выхода в свет 18 ноября 1962 года повести «Один день Ивана Денисовича» литературовед Мариэтта Чудакова записала в дневнике: «Прочитала повесть Солженицына “Один день Ивана Денисовича” (Н.м., № 11). Все мнения сходятся на том, что в литературу пришел великий писатель. Видимо, это так. Давно после Толстого не было такого ощущения абсолютнейшей правды. Давно в литературе не было простого русского человека»¹. Солженицын вызывал устойчивые ассоциации со Л.Н. Толстым как у своих почитателей, так и у своих оппонентов, как, например, у Владимира Войновича, иронически называвшего Солженицына «новым Толстым» в романе «Москва-2042».

Тема моей статьи не сводится к изучению влияний и заимствований или интертекстуальных связей, традиционно для сравнительного литературоведения. Намного важнее, на мой взгляд, поставить вопрос в другой плоскости: в чем необычность обращения Александра Солженицына к наследию Льва Толстого в середине XX века? Почему это обращение производило ошеломляющее впечатление на современников, живших в советской России? Постараюсь показать, что обращение Солженицына к традициям Л.Н. Толстого было поистине революционным после опыта ГУЛАГа и в условиях тоталитарной идеологии, предлагавшей (через школьные и университетские программы) свое прочтение классической литературы.

Иронический пассаж об изучении классики в советских школах включен в состав романа «В круге первом». Одна из героинь произведения, дочь высокопоставленного чиновника из министерства внутренних дел, Клара, окончив школу,

поступает на филологический факультет, но быстро оставляет его, пережив разочарование. С помощью любимого приема несобственно-прямой речи Солженицын включает в роман фрагмент о том, как преподавали литературу школьникам и студентам: «...скучная эта литература: очень правильный Горький, но какой-то неувлекательный; очень правильный Маяковский, но неповоротливый какой-то <...>; потом ограниченный в своих дворянских идеалах Тургенев, связанный с нарождающимся русским капитализмом Гончаров; Лев Толстой с его переходом на позиции патриархального крестьянства (романов Толстого учительница не советовала им читать, так как они очень длинные и только затемняют ясные критические статьи о нем); <...> И вся-то литература состояла в школе из усиленного изучения, что хотели выразить, на каких позициях стояли и чей социальный заказ выполняли все писатели эти и еще потом советские русские и еще потом советские русские и братских народов»². По мысли А.И. Солженицына, единственно возможный классовый подход превращал писателей в вечно ошибающихся «вампи-ров молодых душ». Ничего, кроме скуки, эта литература вызывать не могла, и героиня Солженицына оставляет филологический факультет.

Процитированный фрагмент таит в себе еще более глубокую мысль: литература, преподнесенная в свете готовых идеологических решений и схем, уводила человека от подлинной реальности и ничего не говорила «о самом главном в жизни». Героиня Солженицына, заскучав, оставляет филологию, но автор, понимая героиню, вместе с тем не спешит расставаться с литературой как таковой. Точнее, писатель ставит вопрос о том, какой должна быть литература. Его ответ, спрятанный в «складки» размышлений Клары, заключается в том, что литература должна сообщать человеку что-то «о главном в жизни», в то время как идеология о «главном» умалчивает.

Другой пример восприятия классической литературы жертвами тоталитарного режима дает роман «Раковый корпус». Один из его героев, Ефрем Поддубев, ранее всегда читавший только «по нужде», не любивший тратить деньги на книги, находивший смешным желание ходить в библиотеку, в онкологической больнице начал читать небольшие рас-

сказы Л.Н. Толстого, в том числе «Чем люди живы?» Прежде всего он отмечает особую точность названия. Именно об этом он думал больше всего, переживая близкую реальность смерти, о которой ничего не говорилось ни в «Кратком курсе ВКПб», ни в служебных инструкциях. Затем он пересказывает толстовское произведение соседям по палате. Важно, что не читает, а пересказывает, его пересказ упускает главное: замерзающий Михайла, которого подобрал сапожник, — это на самом деле ангел. Но поскольку идеологически воспитанное мировоззрение исключало представление об ангелах, данная подробность кажется Ефрему незначительной, и он искажает в своем переложении суть толстовского шедевра. Любопытна и реакция соседей по палате: «За километр несет, что мораль не наша». Ефрему даже «неприлично» в таком окружении выговорить, что человек жив не зарплатой, не едой, не воздухом, не квалификацией, не Родиной, не общественным благом, а, как это написано у Толстого, «любовью».

Заслуживает внимания и обсуждение больными имени автора рассказа. Они сразу путают Льва Толстого с Алексеем Толстым, автором «Петра Первого», трижды лауреатом сталинской премии. Когда же догадываются о Льве Николаевиче, Русанов, партийный чиновник, быстро произносит тираду о Толстом в духе идеологической лжи о писателе из статьи В.И. Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции»: «Это который — зеркало русской революции, рисовые котлетки?.. Так сю-сюкалка Ваш Толстой! Он во многом, очень во многом не разбирался. А злу надо противиться, паренек, со злом надо бороться». Весьма характерны и формы поведения героя в момент произнесения монолога: «с облегчением отчасти, а отчасти кривясь»³.

Таким образом, А.И. Солженицын подвергает критике «археологически ориентированный» (если воспользоваться термином французского философа П. Рикера) тип герменевтики, возобладавший в советском литературоведении. Эта установка провоцировала разоблачение, снижение классики, подозрительное и отчужденное отношение к ее смыслам и ценностям. Именно такая картина была положена в основу концепции школьного и университетского литературного образования, уводя литературу и ее читателей от «главного

в жизни». Солженицын в своих романах оставил нам замечательные свидетельства о последствиях внедрения идеологических схем в умы советских граждан.

Напомним, что в 1920-е годы на основе партийных директив в советской России сформировались два основных типа отношения к классической традиции. Первый — радикальный, характерный для групп Пролеткульт, РАПП, ЛЕФ. Второй — умеренный, связанный с утверждением преемственности, свойственный, например, участникам группы «Перевал». Но освоение классического наследия, о котором много говорили участники группы «Перевал», должно было идти рука об руку с его освобождением от реакционных элементов. Именно об этом шла речь в статье А.К. Воронского 1924 года «На перевале (дела литературные)». Средства старой литературы предполагалось только использовать для выявления «нового человека, зреющего в недрах пролетарско-крестьянской гущи»⁴.

Новая литература, как видно даже из программы «Перевала», должна была опираться на внешние пласты классики, а не на ее сущностные элементы. Формы прежнего искусства были призваны выразить новое содержание: приближение «светлого будущего», «элементы завтрашней морали», «новый гуманизм». Позднее этот принцип был унаследован литературой социалистического реализма, прибегавшей к внешней традиционности для изображения «действительности в ее революционном развитии».

Теория нового искусства началась с резкого отмежевания от классики, но потом позиция несколько смягчилась: возникло деление реализма на критический (с его двумя ветвями — буржуазно-дворянской и революционно-демократической) и социалистический. Но реализм прошлого третиrowался как себя исчерпавший. Весьма характерны для мироощущения эпохи статьи о Ф. Достоевском и Л. Толстом, вошедшие в «Литературную энциклопедию» 1930-х годов. Достоевский как создатель романа «Бесы» был объявлен «гениальным ренегатом», творчество писателя в целом понималось как искажение реализма. О Наташе Ростовской говорилось, что она всего лишь «помещичья самка, чуждая всему, кроме эгоизма семьи»⁵. По существу, подобные вульгаризации были изменой классической традиции.

В процессе идеологического управления человеческим сознанием формировалось настороженно-отчужденное отношение к ценностям русской литературной классики. Под подозрением оказались уникальность человеческой личности, индивидуальное долженствование, личное счастье, деятельная любовь к ближнему, благодарность, милосердие, сострадание, «тайная свобода» и многое другое. Была объявлена война нравственным исканиям, томлению духа, тоске по неопределенному идеалу, сердечности, представлению о человеке как «тайне неисчерпаемой», выраженному в творчестве Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Эти ценности складывались на протяжении веков культурного развития и стали основой христианского гуманизма русской и западноевропейской литературы XIX века. Однако на их место пришел некий «конкретный гуманизм», возникающий на основе четкого классового самоопределения. Л.К. Чуковская, свидетель и современник этих литературных процессов, с горечью сознавала в «Записках об Анне Ахматовой»: «Поколения, идущие следом за моим, утратили русскую классику... Теперешняя молодежь не может пробиться к классикам»⁶.

Подытоживая краткий экскурс в историю рецепции классики в советской критике и науке, скажу, что в XX столетии литературное наследие XIX века нередко рассматривалось как нечто преодоленное, устаревшее, отжившее. Вот почему «прорыв» Солженицына к Толстому представляется таким удивительным. И вместе с тем Солженицын не ограничивается критикой господствующей концепции. Poleмика с идеологическими штампами выстраивается писателем и на другом уровне, где, собственно, и становится необходимым возвращение к аутентичному Толстому.

Возвращение к Толстому совершается в глубинах психологической жизни героев Солженицына, в глубинах антропологической реальности, неведомой идеологии, а также в особых экзистенциальных обстоятельствах: тюрьма, предсмертные состояния, решение вопросов о душе, смысле жизни, совести, правде и лжи. Идеология в лучшем случае могла предложить лишь эрзац-ответы на эти вопросы, а чаще всего попросту их не замечала. Лучшие герои Солженицына, не поддающиеся воздействию идеологических подмен, открывают существование новой реальности, которая настойчиво

напоминает им о вечной актуальности вопросов, поставленных Л.Н. Толстым. Так, профессор Челнов (один из героев романа «В круге первом»), писавший в графе «национальность» не «русский», а «зэк», автор многих технических изобретений, восемнадцатый год находившийся в тюрьме, «утверждал, что выражение это — “вложить душу”, должно употребляться с осторожностью, что только зэк наверняка имеет бессмертную душу, а вольняшке бывает за суетою отказано в ней... Челнов не скрывал, что это рассуждение он заимствовал у Пьера Безухова. Когда французский солдат не пустил Пьера через дорогу, известно, что Пьер расхохотался: — “Ха-ха! Не пустил меня солдат. Кого — меня? Мою бессмертную душу не пустил!”»

Еще раз обратим внимание, что речь идет не о заимствовании как таковом, а об актуальности и ценности открытия, совершенного толстовским героем в другое историческое время, для обитателя марфинской шарашки. Герой, как и многие другие герои «Круга первого», выпал из стандартной ячейки идеологического невода, но не потерял свое субстанциальное «я», а обрел его. Выразительной оказывается и семантика одежды Челнова: недорогой костюм, пиджак и брюки, не совпадающие по цвету, валенки, вязаная шапочка, «чудаковатый шерстяной плед, тоже отчасти похожий на теплый женский платок». Солженицын подчеркивает, что герой при этом выглядел не смешным, а величественным и даже похожим то ли на Архимеда, то ли на Декарта. Что же придавало ему величия? Вероятно, это сознание внутренней правоты и правды, особая подлинность личности, нашедшей свою сущность и «нерушимый покой в душе» в, казалось бы, невыносимых обстоятельствах. Признание величия в скромной и вызывающе простой фигуре Челнова — это тоже знак возвращения Солженицына к толстовской традиции. Именно Л.Н. Толстому принадлежит утверждение: «Нет величия там, где нет простоты, добра и правды», а критик Н.Н. Страхов полагал, что в этом и заключается главная мысль романа «Война и мир»⁷.

Возвращается к Толстому и одна из любимых Солженицыным героинь Агния. В своем споре с Антоном Яконовым она рассуждает о возможностях женщины, вспоминает Наташу Ростову и говорит, что обязательно отпустила бы Пьера в декабристы. Впрочем, ее избранник оказался ложным ге-

роем, он не стремится ни к какому подвигу, предпочитая ему путь партийного карьериста, конечно, сопряженный с нравственными компромиссами и прямой подлостью.

Общечеловеческое содержание произведений Л.Н. Толстого раскрывается и в романе «Раковый корпус». Главный герой романа Олег Костоглотов, узнав о страшном диагнозе, делится с медицинской сестрой своими переживаниями и размышлениями, рассказывает о серьезном душевном перевороте вследствие болезни: «За эту осень я на себе узнал, что человек может переступить черту смерти, еще когда тело его не умерло. Еще что-то там в тебе кровообращается или пищеварится — а ты уже, психологически, прошел всю подготовку к смерти. И пережил саму смерть. Все, что видишь вокруг, видишь уже как бы из гроба, бесстрастно. Хотя ты не причислял себя к христианам и даже иногда напротив, а тут вдруг замечаешь, что ты-таки простил уже всем обижавшим тебя и не имеешь зла к гнавшим тебя. Я бы даже сказал: очень равновесное состояние, естественное. Теперь меня вывели из него, но я не знаю — радоваться ли. Вернутся все страсти — и плохие, и хорошие».

Несомненные параллели к этим размышлениям героя «Ракового корпуса» составляют описания предсмертных состояний героев в романах «Война и мир» и «Анна Каренина». Вспомним, как перед смертью старик Болконский смягчился по отношению к дочери Марье, впервые назвал ее «душенькой», «дружком». Он повторил что-то неразборчиво, как это делают умирающие люди, а княжна Марья догадалась: «Душа, душа болит, — разгадала и сказала княжна Марья. Он утвердительно замычал, взял ее руку и стал прижимать ее к различным местам своей груди, как будто отыскивая настоящее для нее место».

Князь Андрей Болконский перед смертью переживает ощущение «радостной и странной легкости бытия»: «Когда он очнулся после раны и в душе его, мгновенно, как бы освобожденный от удерживающего его гнета жизни, распустился этот цветок любви, вечной, свободной, не зависящей от этой жизни, он уже не боялся смерти и не думал о ней». Предсмертное состояние описано Толстым как «пробуждение от жизни», как освобождение от ее ложных форм и обретение важной истины: «...все есть. Все существует только

потому, что я люблю. Все связано одною ею. Любовь есть Бог, и умереть — значит мне, частице любви, вернуться к общему и вечному источнику». Предсмертные состояния своих героев Толстой описывает как некое таинство, во время которого происходит нечто очевидное и реальное. Выразительна метафора — «распустился цветок любви», то есть цветок, вложенный в эту душу, находился в некоем скрытом состоянии, подобно нераспустившемуся цветку, но в конце концов себя обнаруживает и раскрывается.

Другой пример дает текст романа «Анна Каренина». Здесь речь идет уже не о самом человеке, обреченном на близкую смерть, сколько об окружающих его людях. Алексей Каренин, решившийся на развод и желавший жене смерти, увидев больную Анну, обнаруживает иные чувства: «Но я увидел ее и простил. И счастье прощения открыло мне мою обязанность. Я простил совершенно. Я хочу подставить другую щеку, я хочу отдать рубаху, когда у меня берут кафтан, и молю Бога только о том, чтоб он не отнял у меня счастье прощения!» Это признание Алексея Каренина меняет отношение к нему Вронского: «Муж, обманутый муж, представлявшийся до сих пор жалким существом, случайною и несколько комическою помехой его счастью, вдруг ею же самой был вызван, вознесен на внушающую подобострастие высоту, и этот муж явился на этой высоте не злым, не фальшивым, не смешным, но добрым, простым и величественным».

Подобные состояния толстовских героев — это не обычные переживания. Они близки к тому, что В. Дильтей называл словом *Er-lebnis*, — моменту интенсивной жизненности, подъема, движения к целому⁸.

Рассуждения Олега Костоглотова, приблизившегося к таинству смерти, являются, конечно, не повтором, а обобщением толстовских сцен. Вместе с тем в романе Солженицына, повествующем о другом времени, других героях, речь идет о некоей неустранимой константе человеческого существования. Обратим внимание, что эта константа открывается не только в душе христиан, а «даже иногда напротив», как говорит герой Солженицына. Это делало неизбежным возвращение к Толстому.

Можно сказать, что в произведениях А.И. Солженицына воплощены два типа событийности: внешний и внутренний.

Внутренний предполагает повествование о разного рода поисках, прозрениях, открытиях, переменах. Они либо остаются достоянием внутреннего мира, либо обнаруживаются в диалогах героев. Произведения Л.Н. Толстого постоянно становятся незримыми участниками этого диалога. Солженицын блестяще показывает, как ложь «передового мировоззрения» способна исказить истинные представления о смысле жизни и смерти и вместе с тем отдалить человека от реальности. Возвращаясь к Толстому через головы советских идеологов, А.И. Солженицын возвращался и к русскому Серебряному веку, времени расцвета русской религиозной философии, в частности, к идеям С.Н. Булгакова: «Если в Васнецове, Достоевском и Соловьеве выразилось настроение человека, уже нашедшего религиозную истину, то в лице Толстого воплощено живое искание ее. Наше общество еще ищет или даже едва начинает искать; вот почему Толстой является в гораздо большей степени властителем душ и сердец современного общества, чем названные герои духа»⁹.

Солженицынское возвращение к традициям Л.Н. Толстого проявилось также в высокой оценке безыскусственности, непреднамеренности и простоты в поведении персонажей, в оценке искусства и его роли в жизни общества, в общем призыве «жить не по лжи». Опровержение, разоблачение и снижение образа Сталина как диктатора и ложного властителя в романе «В круге первом», на наш взгляд, также является следованием традициям русской классики и творчества Л.Н. Толстого в противовес большинству советских писателей, которые, как об этом говорится в романе, «удручающе-приторно славословили тирана». Если для Толстого олицетворением ложного властителя был Наполеон, то и в романе Солженицына будет подчеркнут наполеонизм Сталина. Образ священника-чиновника в пародии «Улыбка Будды», сочиненной обитателями шарашки, также восходит к творчеству Л.Н. Толстого¹⁰.

В XX столетии сложилось несколько типов отношения к русской классике и творчеству Л.Н. Толстого. Если в начале века Д.С. Мережковский включал писателя в число «вечных спутников человечества», то футуристы предлагали «сбрасывать» классика с «парохода современности», В.И. Ленин видел в нем только «зеркало русской революции», а в после-

революционном литературоведении возобладали идеологически искаженные толкования. Возвращение Солженицына к Толстому в таком контексте стало поистине революционным. Это было вместе с тем возвращение к подлинным смыслам русской и мировой (Данте, Паскаль, Гете, Достоевский) классики, новым открытием их ценности после ГУЛАГа, вопреки фальсификациям официальной идеологии и «в борьбе за реальность», о чем очень хорошо пишет в своей книге профессор Адриано Делл'Аста. Вот как итальянский профессор интерпретирует прозрения Солженицына: «...за пределами любого человеческого замысла, неизменная ценность и достоинство человека, народов, истории и природы — в отношениях с сокровенным, которое сделалось видимым и позволяет смотреть на вещи и описывать неопишемое»¹¹. На пути к «сокровенной реальности» у Солженицына было немало прекрасных союзников — Б. Пастернак, М. Булгаков, В. Некрасов, В. Гроссман и многие другие.

Среди «многих других» выделим суждения С.И. Фуделя, находившего акт отлучения писателя от Церкви ложным, знаком кризиса «дореволюционной церковности»: «Достаточно сказать, что Толстого Синод отлучал, а Распутина не только не отлучал, но этот человек находился где-то около самого центра высшей православной иерархии»¹².

Когда-то С.Н. Булгаков писал, что для подлинно глубокого обсуждения идей Толстого в начале XX века не хватало «простора», «воздуха». Сейчас этот простор для непредвзятого, внеидеологического обсуждения, который возвращают нам С.И. Фудель, Б.Л. Пастернак, В.С. Гроссман, А.И. Солженицын, отец Александр Мень, как никогда, вновь актуален. Именно в наши дни неожиданно возникают попытки объявить Солженицына «слишком субъективным», а Толстого — якобы «безбожником», и тем самым снова сузить горизонт миропонимания, закрыть человеку путь к хорошей литературе и глубине антропологической реальности, открытой лучшими представителями русской и мировой классики — «тайнозрителями духа».

Разговор о глубинных связях творчества А.И. Солженицына и Л.Н. Толстого может быть продолжен на материале романа-эпопеи «Красное колесо», но это тема отдельного исследования за гранью настоящей статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Встали рядом две жизни страны». Мариэтта Чудакова о выходе повести «Один день Ивана Денисовича» [Электронный ресурс] — URL // [http:// www.kommersant.ru/doc/2604027](http://www.kommersant.ru/doc/2604027) (дата обращения 14.11.2014).

² Текст романа «В круге первом» цитируется по изданию: *Солженицын А.И.* В круге первом. М.: Наука, 2006.

³ Текст романа А.И. Солженицына «Раковый корпус» цитируется по изданию: *Солженицын А.И.* Раковый корпус. М.: Художественная литература, 1990.

⁴ *Воронский А.К.* Искусство видеть мир. М., 1987. С. 396–406.

⁵ Литературная энциклопедия. М., 1935. Т.9. С. 568.

⁶ *Чуковская Л.К.* Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М.: Согласие, 1997. Т. 1. С. 218.

⁷ *Страхов Н.Н.* Война и мир. Сочинение гр. Л.Н. Толстого. Томы V и VI // Он же. Литературная критика. М.: Современник, 1984. С. 329.

⁸ Связам и перекличкам творчества В. Дильтея и Л. Толстого посвящена специальная глава книги В.В. Бибикина: *Бибихин В.В.* История современной философии (единство философской мысли). Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2014. С. 248.

⁹ *Булгаков С.Н.* Васнецов, Достоевский, Вл. Соловьев, Толстой (Параллели) // Он же. Тихие думы. М.: Республика, 1996. С. 157.

¹⁰ О теме священника-чиновника в творчестве Л.Н. Толстого замечательно говорила в своем докладе на конференции известнейший поэт, ученый и эссеист О.А. Седакова.

¹¹ *Делл'Аста Адриано.* В борьбе за реальность. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2012. С. 168.

¹² *Фудель С.И.* У стен Церкви // Он же. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М.: Русский путь, 2001. С. 163.

Письма духовных лиц к Надежде Яковлевне Мандельштам, воспоминания о ней

Личность и творчество Надежды Яковлевны Мандельштам всегда вызывают интерес у читателей. За первой книгой ее воспоминаний последовала вторая, затем вышла ее книга об Ахматовой. Сегодня, благодаря усилиям Мандельштамовского общества, издан объемный двухтомник, в котором собраны ее произведения. Остаются неизданными ее письма, а также письма к ней. Восполняя этот недостаток, публикуем письма к Надежде Яковлевне трех духовных лиц — архиепископа Иоанна (Шаховского), ее духовника протоиерея Александра Меня и священника Сергея Желудкова. Публикация стала возможной благодаря усилиям председателя Мандельштамовского общества Павла Нерлера, который нашел и отсканировал эти письма, хранящиеся в РГАЛИ в фонде Н.Я. Мандельштам.

С отцом Александром Менем (1935–1990) ее связывали долгие годы дружбы. Она была не только его прихожанкой, но часто приезжала и гостила в доме родителей его жены в Семхозе. В мае 1990-го была опубликована рецензия отца Александра Меня на первое издание ее книги в СССР. Спустя 12 лет после ее смерти он признавался: «...когда я в первый раз взялся за книгу Н.Я., меня больше интересовала личность ее главного героя — Осипа Мандельштама. Ведь кроме стихов мы тогда мало что о нем знали. Его имя едва-едва высвобождалось из искусственно созданного плена забвения. Но с каждой страницей “Воспоминаний” мне становилось все яснее, что личностью поэта они не исчерпываются. Рядом с ним я находил меткие характеристики и наброски портретов современников. А главное — вырисовывалась фигура самой Н.Я., человека острого ума, наблюдательного, задорного, бескомпромиссного... Я часто заставал Н.Я. за чтением Бердяева (это происходило во время летних посещений Семхоза). Его мысли были ей необычайно близки. И вообще она видела в свободной христианской философии один из островов, уцелевших

среди вселенского потопа. Вечные истины Евангелия справедливо представлялись Н.Я. подлинной опорой, которая не подведет в любых обстоятельствах. Она верила в бессмертие. Верила естественно и органично, что особенно поражало в таком здравомыслящем, порой даже скептическом человеке. “Я не боюсь смерти”, — часто говорила она мне. И это была не фраза. Не самоутешение. К фразерству и иллюзиям у нее не было никакой склонности. Это была вера. Цельная, как и вся ее натура. Вера и давала ей энергию сопротивления... трудно избавиться от ощущения, что “Воспоминания” написаны счастливым человеком. Парадокс? Да, но объяснимый. С ней было легко, хорошо, весело. Как магнитом она притягивала к себе разных людей. Особенно молодых. Кто только не перебивал на ее убогой кухоньке, которая надолго стала приютом свободной мысли и душевной открытости».

Это объединяло их — священника и Н.Я., которая была намного старше его. Своему прихожанину Владимиру Леви отец Александр как-то сказал: «Отмываем жемчужины. Серые среди наших — редкие птицы, они кормятся по другим местам». Надежда Яковлевна была одной из наиболее ярких жемчужин. Молодежь не обижалась на ее острые характеристики. Описывая круг ее общения, отец Александр отмечал: «Для многих общение в этом кругу было настоящей школой. Оно давало глоток живительного воздуха среди удушья “застойных” лет. Здесь обсуждались вопросы философии, политики, религии, искусства. И душой всего была эта измученная страданиями, больная старая женщина. Да, она была остра на язык. Порой пристрастна. Многие считали, что несправедлива. Но друзей это не шокировало. “Колючесть” как бы шла ей. Была неотделимой чертой ее натуры. Свет привлекает. Она привлекала светом. Он отразился в ее книге. Для постороннего взгляда судьба ее была изломана. На самом же деле Надежда Мандельштам — удивительный пример чело- века, который до конца сумел выполнить свое призвание на земле. Вот почему ее можно считать счастливой».

Прошло полгода со дня кончины Надежды Яковлевны — это было 29 июня 1981 года. Помню, как в Новую Деревню приехали Сергей Аверинцев и Евгений Пастернак с женой Еленой. Храм был пуст — это был будний день. Ожидая панихиды, Аверинцев подошел к большой иконе святителя

Димитрия Ростовского, висевшей справа на стене, и начал негромко вслух читать что-то на греческом. Елена Владимировна пошептала на ухо мужу, и он подошел поближе к Аверинцеву, протянул руку и дотронулся до него. Так он и стоял, вбирая молитвенную энергию, пока Сергей Сергеевич не закончил молитву. Потом в полупустом храме отец Александр отслужил панихиду, прозвучавшую как-то особенно пронзительно.

С Надеждой Яковлевной отец Сергей Желудков (1909–1984) познакомился в 1971 году у отца Александра Меня. Они быстро подружились. Многое сближало их. Псков был тем городом, где жил и работал отец Сергей, где в 1960-е годы трудилась и Н.Я. По своему темпераменту он был борцом за правду и справедливость. В 1959 году его прихожанка в Великих Луках, с детских лет страдавшая заболеванием позвоночника, чудесным образом выздоровела после того, как ее под руки провели вокруг часовни блаженной Ксении Петербургской. С тех пор она стала ходить. Девушку обвинили в распространении ложных слухов, завели против нее уголовное дело. Пытаясь защитить ее, отец Сергей обратился в ряд высоких инстанций. Более того, направил рапорт на имя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I: «...в сентябре сама больная и близкие к ней люди, посещая храм, неоднократно сообщали мне, что больная подвергается тайным преследованиям и даже насилиям со стороны местных работников государственной безопасности, которые будто бы вынуждают ее отречься от своих религиозных убеждений. Будучи глубоко взволнован этими сообщениями, я по долгу совести обратился с жалобами в Центральный и областной комитеты КПСС, а также в центральный и областной органы государственной безопасности, с копией, конечно, моему епископу...».

Вряд ли соотечественники, жившие в те страшные годы, смогут это забыть. Вряд ли смогут понять ту атмосферу сковывающего жуткого страха поколения, которые выросли после крушения СССР. Кары обрушились на голову непокорного священника. Как он осмелился пожаловаться на действия Госбезопасности? Отца Сергея отстранили от священнического служения, возбудили против него уголовное дело о клевете. К счастью, дело вскоре прекратили, но справку о регистра-

ции, без которой ни один священник не мог служить на территории СССР, отобрали. Отец Сергей принадлежал к категории «неудобных людей». Его «обличали» за неуживчивость даже собратья-священники. Лишь два года прослужил он в Любятове. 10 января 1956 года был уволен в заштат. Потом были попытки служить в Смоленске, в кафедральном соборе (с 24 апреля 1956 года по 1 января 1957-го), в Веневе, Тульской епархии (с 15 мая 1957 года по 8 января 1958-го), и, наконец, в Великих Луках (с 14 ноября 1958 года по 9 февраля 1960-го), где произошло его столкновение в разгар «хрущевских» гонений на Церковь с властью предрержащими. После этого он единожды попытался устроиться и подал прошение во Владимирскую епархию. В марте 1960 года был назначен священником в погосте Заболотье, но прослужил лишь три месяца, после чего был запрещен в священнослужении. Неодиноратно он пытался восстановить регистрацию, но все его попытки завершилиcь неудачей. Он смирился, оформил мизерную пенсию, хотя хлопоты длились несколько лет.

Дочь Евгения Александровича Маймина (1921–1997), выпускника филологического факультета Ленинградского университета и ученика Б.М. Эйхенбаума, Екатерина Дмитриева-Маймина вспоминала редкие приезды в Псков Надежды Яковлевны Мандельштам, которая в 1960-е годы преподавала в Псковском педагогическом институте. Отец Екатерины оказался в Пскове после расформирования в 1957 году Выборгского педагогического института. Он преподавал в Псковском педагогическом институте на кафедре русской и зарубежной литературы, а с 1965-го по 1987-й был заведующим этой кафедрой. И он, и его жена Татьяна продолжали переписываться с Надеждой Яковлевной и после ее отъезда из Пскова: «В начале 1970-х гг. был период (продолжался он, кажется, года два или три), когда Н.Я. стала приезжать на лето в Псков. Останавливалась она тогда в Любятово — на окраине Пскова, у отца Сергея Желудкова. Отец Сергей был лишен регистрации и не мог служить как священник. На Западе его знали как оригинального богослова. Отец по вечерам слушал иногда “по тому радио” отрывки из его книги “Почему и я христианин”. В обыденной же жизни о. Сергей был человеком очень скромным, почти незаметным. Своего дома не имел и жил в доме своей прихожанки Татьяны

Гавриловны Дроздовой, женщины судьбы драматической, что, по-видимому, их и сблизило.

Этот период я помню уже гораздо лучше. Самым ярким событием бывал день приезда Н.Я. Она прилетала из Москвы на самолете. В псковский, очень сельский по виду, а потому и очень уютный аэропорт мчались в те вечера два такси. В одном — отец Сергей и Татьяна Гавриловна. В другом — мы с мамой и Лина Георгиевна Дюкова (другой раз была еще и Софья Менделевна Глускина) — друзья Н.Я. по Пединституту. Надежда Яковлевна медленно сходила с трапа, а мы все уже бежали ей навстречу с цветами. (Наверное, она все же приезжала три раза, потому что я помню эти встречи именно как повторяющееся действо.) У отца Сергея глаза при этом как-то по-особому начинали светиться. Впрочем, мне кажется, что светились они у него всегда.

А затем все ехали в Любятровский деревенский дом. Вокруг дома был яблоневый сад, казавшийся “*Эдема списком сокращенным*” (Татьяна Гавриловна зарабатывала себе на жизнь, продавая иногда на рынке яблоки.) В доме была фисгармония. Отец Сергей прекрасно играл, а у Татьяны Гавриловны был ангельский голос (впрочем, при характере отнюдь не ангельском). Так что “посиделки” в Любятковском доме, и в день приезда, и в остальные дни, начинались с духовных песнопений. Компания была в основном все та же: “Соня”, “Лина”, мои родители и, разумеется, хозяева. Впрочем, вскоре к Н.Я. стал заходить и новый священник Любятковского храма — отец Владимир Попов, и по сей день служащий в этом храме.

О чем они говорили? Конечно, содержания разговоров я не помню. Но помню, что все, что говорилось, было так высоко, так приподнято над обыденностью, что на следующий день я с большим трудом входила в привычную колею. Так что моя мама, несколько испугавшись, однажды полувопросительно заметила: “Но ты же понимаешь, что происходящее *там* и наша остальная жизнь не очень совместимы? И что ты ничего никому не должна рассказывать?” Это-то как раз я понимала...

Впрочем, какие-то обрывки разговоров я все же помню. Как Н.Я., раздумывая над предложением Софьи Менделевны уехать в Израиль (что С.М. в конечном счете сделала, правда, много позже), сказала, обратившись к моей маме: “А знаете,

*Н.Я. Мандельштам.
Середина 1920-х гг.*

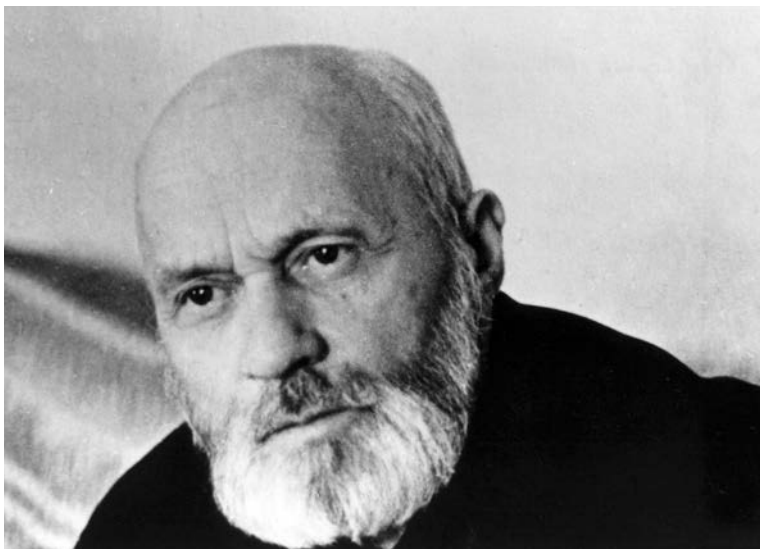
Н.Я. Мандельштам в Семхозе, лето 1978 г.

О. Александр Менъ

О. Сергей Желудков и о. Александр Менъ. Середина 1970-х гг.

*О. Сергей Желудков,
середина 1970-х гг.*

*Архиепископ Иоанн (Шаховской).
Конец 1960-х гг.*

Танечка, я все думала, думала об этом, а потом как-то раз проснулась с таким чувством, будто я уже в Израиле и кругом меня одни евреи. И решила, что не надо этого делать". Тогда Н.Я. уже закончила работу над первой книгой. Отец Сергей спросил ее о второй. "Она уже тоже написана. Вот здесь," — сказала Н.Я., указав на область сердца».

Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (1902–1989), в миру Дмитрий Алексеевич Шаховской, родился 23 августа по старому стилю в 1902 году в Москве. Осенью 1915-го он поступил в Императорский Александровский Лицей; однако занятия прервались революцией 1917 года. Семнадцатилетний Дмитрий принимал участие в Белом движении, затем эмигрировал. Начиная с 1923 года выпускает один за другим три поэтических сборника, начинает издавать в Брюсселе литературный журнал. И вдруг — резкий поворот: Дмитрий Шаховской, по совету своего старца, уходит в монашество. Иноческий постриг был принят им на Афоне в 1926 году в день своего рождения — 23 августа, с наречением имени Иоанна Богослова, апостола любви. Пастырство отца Иоанна началось в Югославии, в городе Белая Церковь, где он трудился с 1927-го по 1931 год. Он задумал Православное миссионерское издательство «ЗА ЦЕРКОВЬ». Начали выходить брошюры, проповеди, беседы, выдержки из творений св. отцов. Отец Иоанн понял также, что его священство — не преграда для литературного таланта. До конца дней творческая любовь к слову не оставляла его. В 1931 году вернулся в Париж под омофор своего первосвятителя, митрополита Евлогия. В начале 1932 года митрополит Евлогий назначил иеромонаха Иоанна в Берлин настоятелем Свято-Владимирского храма, а позже и благочинным всех своих приходов в Германии. В 1945 году отец Иоанн вернулся в Париж. Во Франции отец Иоанн оставался недолго. В начале января 1946 года он прибыл во Флориду. Посланный из Нью-Йорка заменить больного священника в Лос-Анжелесе, в Калифорнии, архимандрит Иоанн остается там около года. Потом он — епископ Бруклинский, епископ и архиепископ Сан-Францисский... Владыка внимательно следил за тем, что происходило в церковной жизни в СССР. Поддерживал многих диссидентов. Неудивительно, что он столь высоко оценил талант Н.Я. Мандельштам.

Письма протоиерея Александра Меня
к Н.Я. Мандельштам

Письмо № 1
(7.01.77)

Дорогая Надежда Яковлевна!

Поздравляю Вас с праздником Рождества! Мысленно с Вами.

Прот. А. Мень, Наташа, Миша.

Открытка № 2

Мир оставляю вам, мир Мой даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается.

Иоан.14, 27.

Письмо № 3

Дорогая Надежда Яковлевна!

Очень был рад, что Вы все-таки собрались к нам в Н<овую> Д<еревню>. До сих пор не могу приехать, так как мой старец ушел в отпуск. Слышал, что вы наметили авантюру — в Вильнюс. Восхищаюсь, но и ужасаюсь. Мама вам кланяется и очень благодарна. Штука — как будто на нее сделана. Я — тоже шлю свою благодарность и: «ай-ай-ай». Впрочем, к дождям как раз буду в резине¹. Спасибо. А то некогда сходить. Лене и Соне² привет — жду их.

Вас обнимаю, благословляю, и целую.

Ваш А. Мень

Письмо № 4

Дорогая Надежда Яковлевна!

Посылаю Вам с Женей поздравление, так как не уверен, что по почте дойдет. (13, 14, 16 — готов, а потом 20, 21, 22 после 2-х дня). Кроме того, посылаю Вам книгу, которая лучше и нужнее всех тех, что дал Вам для перевода. Надо будет взять не всех, а Э. Штайн, Мертона, Маритена, Карелль, Блуа, Жамм. Если Вы согласны — то книга имеет три типа мысли тома. После — Валери, Бергсон³ и др. Думайте.

Любящий Вас

А. Мень

Переводы очень по делу и пойдут в работу.

Письма священника Сергия Желудкова
к Н.Я. Мандельштам

Письмо № 1

(02.06.1971)

Глубокоуважаемая Надежда Яковлевна!

Я только что получил Ваше письмо. Очень рад, что Вам здесь понравилось. Конечно, я смущен. Танечки пока еще нет (она хотела заехать в Ленинград). Мы уже с ней говорили: с радостью всегда готовы принять Вас в нашем доме! Милости просим! Сердечный привет Леночке и Ире⁴, которая принесла Вам розы в день возвращения. Призываю на Вас Божие благословение.

Всегда Ваш,

благодарный

Свящ. С. Желудков

Письмо № 2

(27.07.1971)

Дорогая Надежда Яковлевна!

Получили Ваше письмо — и поехали на телефон. В письме была нотка усталости от чужих дел — так мы хотели бы заполучить Вас на Вашу дачу в Пскове⁵. Если бы Вы приехали, то явился бы особый смысл и нам здесь подежурить. Приглашение остается в силе. А пока желаем Вам благополучных путешествий и приятных встреч. Вы везде приносите утешение, Вы заработали себе эту способность ценою великого горя, о котором больно подумать.

Сердечный привет Леночке и каждому и каждой из тех ваших друзей, с которыми мы имели честь познакомиться. Благословение Божие и мир призываю на Вашу жизнь.

Всегда Вам

благодарный

Свящ. С. Желудков

Письмо № 3
(10.07.1971)

Дорогая Надежда Яковлевна!

Подражая Вам в краткости, что ВТЭК состоится 14 июля. Мы так Вам признательны за Ваше участие. И я так рад за Танечку⁶, что Вы ее оценили. Во-вторых, в половине месяца надеюсь поехать в Москву и, может быть, Вас повидать. Будьте здоровы и Богом хранимы.

Всегда Вам благодарный
Свящ. С. Желудков

Письмо № 4
(20.11.1971)

Дорогая Надежда Яковлевна!

Моя сестра Надя, по всей вероятности, не совсем здорова. Не поблагодарив вовремя Вас за подарок, она не нашла ничего лучшего, как поправить дело таким ужасным способом. Пожалуйста, будьте великодушны. Увы, вот живое подтверждение известных оценок. Будьте здоровы!

Всегда Вам благодарный
Свящ. С. Желудков

Письмо № 5
(24.12.1971)

К 27.12.

Дорогая Надежда Яковлевна!

В этот скорбный день прошу Вас принять искреннее сочувствие. Requiescat in pace⁷. Вечная память — Вечная Жизнь! Позвольте также снова выразить восхищение памятником, который подготовила Жена великого Поэта.

Всегда Вам благодарный свящ. С. Желудков

Письмо № 6
(01.02.1972)

Дорогая Надежда Яковлевна!

Извините, что я так задержался с ответом. Ваше письмо от 15.01 я только что получил — был в Ленинграде. Танечка наша больна — что-то плохо с головой (сосуды). Причина уже

много лет все та же — болезнь сына (алкоголизм). На днях снова к ней поеду, возможно, надолго. Вы пишете, что боитесь беспомощности — «повиснуть на друзьях». Но вот пока что Вы сами всем помогаете. Дай Вам Бог еще много лет жизни на этом свете.

Всегда Вам благодарный
Свящ. С. Желудков

Письмо № 7

Дорогая Надежда Яковлевна!

С Новым годом от Рождества Христова — с Рождеством Христовым! Примите самые лучшие пожелания. Храни Вас Бог.

Всегда Вам благодарный
Свящ. С. Желудков
Таня

Письмо № 8

К 27.12.1972.

Дорогая Надежда Яковлевна.

В этот траурный день мы просим принять и наше сочувствие. Вечная Память — Вечная Жизнь! Христианская Надежда — Безгранична.

Всегда Вам благодарный
Свящ. С. Желудков
Таня

Письмо № 9 (30.09.1971)

Глубокоуважаемая Надежда Яковлевна!

Сердечно поздравляю Вас с наступающим днем Ангела. Извините, что пишу на машинке — у меня неважно с глазами, так мне легче. С самыми лучшими пожеланиями, Всегда Вам благодарный свящ. С. Желудков

Письма архиепископа Иоанна (Шаховского)
к Н.Я. Мандельштам

Письмо № 1
(март 1978)

Дорогая Надежда Яковлевна!

Шлю мир, привет, благословение и укрепление — во всем. Аминь — как Христово имя, печать всего.

Благодарю Москву за молитву. Поминаю вас и души окрест.

С любовью, А<рхиепископ> Иоанн

Письмо № 2

Дорогая Надежда Яковлевна!

Шлю привет Вам и мир вашему сердцу, много что понесшему. Жаль, что не соберетесь навестить нас тут в Калифорнии... А может быть, соберетесь хотя бы на несколько неделек? Вызов бы прислал Вам без трудностей (и прочее). Может быть, Олимпиада — удобное время и погостить у нас? На возраст не смотрите, это лишь отдаленное имеет отношение к тому, что я говорю. Сравнительно недавно хорошо беседовал в Париже с Евгенией Гинзбург (ныне покойной) — с сыном приезжала в Европу⁸.

Господь милостивый да укрепит Вас во всем.

Ваш А<рхиепископ> И<оанн>

Воспоминания
протоиерея Александра Борисова
о Надежде Яковлевне Мандельштам

С Надеждой Яковлевной я познакомился в 1973 году у отца Александра Меня.

В июне того года я был рукоположен в сан диакона и уже был направлен на служение в Москву, в храм Знамения Божией Матери, недалеко от метро «Речной вокзал». В то лето, как и в предыдущее, мы всей семьей, то есть с женой и двумя дочками-близнецами, жили в доме о. Александра на станции

Семхоз (последняя остановка перед Загорском, сейчас Сергиев Посад). Точнее, это был дом родителей его жены, Наталии Федоровны. О. Александр и Наташа с детьми занимали второй этаж, а на первом жили родители, которые и пускали нас на летние месяцы.

Наташа всегда была талантливым строителем, и под ее руководством к дому пристраивались и обустраивались комнаты, терраски, веранды и проч. В одну из таких пристроек о. Александр пригласил на лето Надежду Яковлевну и ее невестку, жену брата — тоже очень немолодую, довольно интересную художницу. Они жили в одной небольшой комнате, подтрунивали друг над другом, радовались возможности общения с о. Александром и многочисленными детьми. Кроме наших, девятилетних, это были его дочка Лена (Ляля), лет пятнадцати, и тринадцатилетний сын Миша. К о. Александру всегда приезжало множество гостей, так что жизнь была исключительно веселой и дружелюбной.

Надежда Яковлевна была крещена в детстве, о чем у нее даже имелось соответствующее свидетельство, которое я видел своими глазами. Она была человеком по-настоящему верующим, но по тогдашним обстоятельствам жизни не очень-то церковным. Она хорошо знала и любила Библию и с большим уважением относилась к Церкви и к богослужению.

Вот несколько сбереженных памятью эпизодов из того лета. Однажды мы заговорили с Надеждой Яковлевной о богослужебном языке. Она горячо отстаивала необходимость именно церковнославянского языка, и все наши доводы о его непонятности горячо отвергала. Тогда я предложил ей небольшой текст, отрывок из Послания к Евреям, который читается в храмах практически ежедневно на молебнах с освящением воды. Я прочел его наизусть и предложил Надежде Яковлевне рассказать, о чем в нем говорится. Она попросила повторить. Я повторил еще и еще раз. Дайте-ка мне текст, попросила она. Я принес Новый Завет на церковнославянском. Она стала читать, потом взяла текст с собой до следующего утра. Наутро она сдалась: «Нет, не понимаю, о чем это». Послания ап. Павла действительно местами трудны, даже в русском переводе, так как они передают его опыт, опыт великого мистика и проповедника, и потому нуждаются в специальных комментариях.

Другой запомнившийся эпизод. Надежда Яковлевна любила повторять одну свою мысль в отношении личности Иисуса Христа. Когда заходил разговор на близкую к этому тему, она задавала собеседнику риторический вопрос: «Знаете, что меня убеждает в том, что Иисус действительно историческая личность, а не легенда?» И сама отвечала: «Чудо четвероевангелия! Не может быть, чтобы четыре непрофессиональных писателя, практически независимо друг от друга, написали четыре шедевра — четыре Евангелия. Это возможно только в том случае, если за этим стояла реальная личность Иисуса».

Познакомившись и подружившись с Надеждой Яковлевной у о. Александра Меня, мы потом частенько навещали ее и в Москве. В середине 1970-х мы даже несколько раз брали ее с собой на часть лета на дачу, которую снимали с детьми в Кратово. Она была этому очень рада, так как была человеком очень общительным, и в нашей семье с двумя девочками подростками ей явно нравилось.

Надежда Яковлевна была человеком исключительно гостеприимным и щедрым. Она обладала даром знакомить разных людей и делать их друзьями. У нее в гостях всегда было множество самых разных и неизменно очень интересных людей. При этом застолье было всегда самым простым: чай, печенье, конечно, какая-то выпивка, словом — кто чего принесет. Она жила в однокомнатной квартире с довольно большой по тем временам кухней, где всегда шло неизменно интересное общение.

Очень она любила делать подарки. В семидесятых годах появились так называемые «сертификаты». Доллары и всякую другую зарубежную валюту внутри страны в СССР не давали, а получаемые из-за рубежа те или иные деньги советским людям выдавали в виде этих самых «сертификатов», т. е. бумажек с обозначением их денежного достоинства. На «сертификаты» можно было покупать всякие импортные вещи в специальных магазинах под названием «Березка». Так вот, Надежда Яковлевна за издания стихов Осипа Эмильевича за рубежом получала эти сертификаты и щедро дарила их всем своим знакомым для приобретения хороших вещей в «Березках». По тем временам это были роскошные подарки, вещи, о которых простые советские люди не могли и мечтать. При этом она неред-

ко наставляла своих знакомых, особенно молодых: «Купите себе обувь, хорошую обувь!» И вполголоса добавляла: «У меня всю жизнь промокала обувь и так мерзли ноги!»

В последние месяцы жизни, видимо, чувствуя, что силы окончательно ее покидают, она раздавала буквально все. «Танька, — кричала она одной из своих молоденьких почитательниц, — забирай пишущую машинку! Я скоро помру, она мне уже не нужна». При этом она частенько приговаривала: «Ненавижу, когда у гроба старухи делят ее вещи, надо скорее самой все заранее раздать!»

...Умерла Надежда Яковлевна под самый Новый год. Отпевание было в храме Знамения Божией Матери у метро «Речной вокзал», в котором я служил диаконом с 1973 года. Народу было много, человек 300. Маленькая церковь была полна. Многие стояли на улице.

В ночь перед отпеванием мне снится сон. В пустой и довольно большой комнате на столе стоит гроб с телом Н.Я. Вдруг она садится во гробе, и выглядит лет на 35, с большой русой косой. Я растерянно говорю: «Н.Я., Вы же умерли?» Она делает отстраняющий жест рукой и говорит: «Ничего, ничего, мне хорошо»...

На отпевании была Варвара Викторовна Шкловская, с которой мы были также знакомы. Я рассказываю ей этот странный сон, и она тут же мне говорит: «А Вы знаете, у нее действительно лет в 30 была роскошная русая коса!»

8 мая 2014 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н.Я. получала из-за границы гонорары за издание стихов Осипа Мандельштама, а также и за свои книги. Она получала их не в валюте, а в особых «бонах», на которые могла в специальных магазинах «Березка» покупать дефицитные вещи. Она любила делать подарки друзьям. Отец Александр благодарит ее за подарок маме, а также за плащ, подаренный ему.

² Лена и Соня — прихожанки о. Александра, помогавшие Н.Я.

³ В новодеревенском приходе отец Александр организовал своеобразную переводческую студию. Он привлекал прихожан, знавших иностранные языки, к переводу западных богословов. Первая книга, переведенная прихожанами в конце 1960-х годов, — «Русский религиозный ренессанс» Н.М. Зернова. К этой работе он привлек и Н.Я.

Эдит Штайн (1891–1942) — известна также под монашеским именем Тереза Бенедикта Креста — немецкий философ, католическая святая, монахиня-кармелитка, погибшая в концлагере Освенцим из-за своего еврейского происхождения. Беатифицирована Католической церковью 1 мая 1987 года, канонизирована 11 октября 1998 года папой Иоанном Павлом II.

Мертон Томас (1915–1968) — американский монах-траппист, богослов, религиозный писатель и поэт.

Маритен Жак (1882–1973) — французский богослов, основатель неомоизма.

Каррель Алексис (1873–1944) — французский хирург, биолог, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине за 1912 год. Издал в Брюсселе брошюру о молитве. Скорее всего, именно об этой книге идет речь в письме.

Блуа Леон (1846–1917) — французский писатель, мыслитель-мистик.

Жамм Франсис (1868–1938) — французский поэт-символист.

Валери Поль (1871–1945) — французский поэт, мыслитель, эссеист.

Бергсон Анри (1859–1941) — французский философ, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1927 год.

⁴ Речь идет о прихожанках о. Александра Меня, помогавших Н.Я. по дому.

⁵ О. Сергей в шутилой манере называет ту половину дома в Пскове, в которой он жил, дачей Н.Я.

⁶ Речь идет о Татьяне Гавриловне Дроздовой, прихожанке о. Сергия, перенесшей сталинские лагеря. На ее имя была приобретена часть дома, в которой жил о. Сергей. Она сохранила его архив, который сегодня хранится в ГАРФе.

⁷ Requiescat in pace — да упокоится с миром (лат.). 27 декабря — день гибели О.Э. Мандельштама. Памятником поэту о. Сергей называет книгу воспоминаний Н.Я.

⁸ В 1978 году было известно, что Олимпийские игры 1980 года пройдут в Москве. В связи с этим архиепископ Иоанн рассчитывал на потепление отношений между США и СССР, надеясь, что Н.Я. могут выпустить за рубеж.

Евгения Гинзбург (1904–1977) дважды выезжала за рубеж в 1974 и в 1976 годах — была во Франции и Германии. Встречалась с друзьями, в том числе с архиепископом Иоанном (Шаховским). Открытка датируется первой половиной 1978 года, поскольку Е.С. Гинзбург упоминается как уже умершая.

*Публикация и примечания
д. ист. н. Сергея Бычкова*

Поэзия

ДМИТРИЙ СТРОЦЕВ

Стихи

* * *

что мне куст говорит-горит
на высоком простом плече
он, как любящий взгляд, открыт
он кузнечиком спит в ключе

он горит-говорит-молчит
на широком, как грудь, ветру
где сутулая речь стоит
и усталую пьет траву

где прямая скоба идет
на бесслезных идет гробах
этот нежный костер цветет
как приветствие на губах

и так жалко глаза отвести
этот певчий ожог унять
и откуда нужда, ответь
если можно тебя обнять

1991

* * *

Андрею Анпилову

комната, где собакой тени и те пахнут
где лохматые травы гложут в молочных кувшинах
где над холмами хлама и книг потолок распахнут
сладкая пыль зевает и шьет на швейных машинах

где ветерком гуляет прохладная месса Баха
где за окном зеленым парус кипит балконный
где рукавом болтает и сохнет моя рубаха
там серебристый тополь кладет поклоны

там молодого лета спирт голубой пылает
там льется лучистой влаги ласковое веселье
там и поют, и плачут, и чашу испить желают
там за небесным краем для всех спасенье

комната шалью машет, конь из угла выходит
смотрит в огонь вишневый заспанными глазами
он на лету хватает все, что рука выводит
и до конца не знает, что в тишине сказали

1992

* * *

Михаилу Кочеткову

я проснулся в походном лесу
шли деревья себе на войну
эй! — деревьям я строго сказал
а они мне ответили: НУ

я зубами вгрызался в кору
я стучался в стволы головой
а они все печатали шаг
свой задумчивый шаг строевой

эй! — сказал я пичугам лесным
что на гнездах сидят и сидят
почему все идут и идут
и никто не вернется назад

НУ, — сказали пичуги в ответ
мы на гнездах идем на войну
ничего в этом странного нет
в этом странном задумчивом НУ

я проснулся в холодном поту
в человечьем горячем дому
ты плыла у меня на плече
я про НУ не сказал никому

1992

* * *

чем сумею тебя разбудить
где возьму виноградное слово?
на армянской горе, может быть
или в камне оврага лесного

чтобы ты не спала, не спала
но шумела, шалила, бежала
чтобы сна золотая смола
полной грудью дышать не мешала

чтобы все, что копилось в котле
отлегло, отошло, отшатнулось
чтобы ты в первый день на земле
с виноградной улыбкой проснулась

мне бы вымолвить, проговорить
начирикать, напеть, накалякать
словно камень тяжелый открыть
и на первой странице заплакать

1993

* * *

мы в Грузии, как в черной вазе
мы в Азии, как на гвозде
на остром, как тоска, алмазе
в невыносимой высоте

на этом острове, как в оспе
как в детской клятве на крови
мы утверждаемся в сиротстве
как объясняемся в любви

и в алой пасти, в самой бездне
над нами свет многоочит
и в поднебесье, как в болезни
сухая косточка стучит

1993

* * *

губы выпили небо, и на вдох еще неба осталось
на медленный, полный вины и надежды
еще ты нас любишь
еще не уйдешь — на пороге заплачешь, на выдохе

обнимешь узкие плечи
высокое небо наполнишь свободой и хвоей
сдвинем дружно стаканы!
за волю дышать
за камень и воздух
нежно
и все возможно

и ты между нами
и руки твои
и слово твое — небо на губах

1993

* * *

Ольге Седаковой

давай собирать слова и строить дом
возьмем разговора ковер тарабарский
узорочье речи
дикарский могучий глагол
гул-гомон имен, весь гагачий
весь галочий, птичий базар человеческий

уйдем с головою в окно слуховое
выю выгнем
ухо выгоним в сад
в чирк и щебет сокровищ ярчайших
в гвалт и цвирк сладкогласных вещей
в громыханье и цокот, в техканье и сопенье
шаек, лампочек, розог, фуфаек
карамельей, циновок, жаровен, вагонов, колец
да поди всех привады, приручи, обвенчай, пожени
дай из блюдца умыться водой
перед книгой стоять молодой

власогласый орет букварь на цветущих корнях велимира
кристаллический щеголь к нему говорит, мигочей
имяходцы они, неботроги они, храмодей
реченосцы они на голодных тетрадных полях

черно-белая книга шумит
черноплодная книга горит
белогривая книга говорит

что за птицы, за птицы в винограднике ближнем клюют и поют
сад так чудно устроен, как флейта, он полон ветвями и пуст
каждый куст обитаем, огромен-укромен, исполнен и ягод, и птиц
есть гнезда, есть гроздья — здесь комнат не выют
твой труд неуместен, строитель
здесь птицы темницы не строят, но даром клюют и поют

мы на свадьбу призвали слова, из красивых камней
мы нестрогую книгу сложили, отвесную реку
вниз по камешкам мчится нестройных речей борода
дом, как дым, не стоит — он, как сон законный, теснится
в нем строитель бездомный перед садом бездомным молчит

1994

ГНЕВ ОБ АРОНЗОНЕ

хорошо стоять вдоль неба

хорошо стоять вдоль сада

никуда стоять нелепо

ни за чем стоять не надо

ты не клятва, а молитва

ты не битва, а свобода

Иисусова улитка

и улыбка небосвода

у меня в кармане слева

небольшой глоточек неба

и еще кусочек гнева

или это сердце слева

или это сердце слепо

1995

* * *

Елене Шварц

Давай себя развеселим —
пойдем гулять в Ерусалим!

Ты будешь ехать на ослиати,
а я глядеть в окошко сзади —
галдеть и злить худую смерть,
плясать и петь пред ней, как снедь.

Пускай вопит и ненавидит,
как слива, лопнет и ослепнет —
и ни обидит, ни увидит,
как детвора растет и крепнет,
как со двора пойдет гурьбою
в Ерусалим. А нам с тобою
из-под земли — из самой ямы
на них глядеть глазами мамы.

1996

* * *

одолей меня, у людей меня отними
утоли меня, удали меня, обними

рану тяжкую в белом пламени поднеси
яму выдолби, душу выними и спаси

горем выдели, солью выряди, ослепи
морем выведи, кровью вымоли, искупи

в воскресение, в утро синее повстречай
где, спроси меня, скука зимняя и печаль

1997

* * *

памяти Вениамина Блаженного

Я пса люблю. Его скалистый череп.
Его блохастый шутовской кафтан.
Вот он выходит на пустынный берег —
а перед ним кипит кровавый океан.

Кровавый рот вселенской мясорубки
орет, блюет осколками костей.
Пес, как струна — отзывчивый и чуткий,
гробами горя смотрит на людей.

Мне сладко спать в его смердящей шерсти,
в его гниющем тлеющем паху.
Так сладко спать бывает после смерти —
хоть на спине, хоть лежа на боку.

1998

* * *

Ирине Кодюковой

в дивных яслях разговора
на ресницах-полюсах
несказанная свобода
и синица в небесах

в январе апрельский порох
город вымыт рукавом
я скажу тебе, кто дорог
не забуду ни о ком

я хочу проговориться
всю кручину разогнать
январю как очевидцу
половицей простонать

это я впотьмах сургучных
заблудился и пропал
и супругов неразлучных
зарубил и закопал

это я ягнят безгласных
лютым голодом морил
а себе на углях красных
сердце верное варил

ты меня из всех неверных
избери и порази
а невинно убиенных
исцели и воскреси

хорошо звенит синица
над еловой головой
разговаривает птица
пререкается со мной

в крепком воздухе субботы
воскресение растет
и никто твоей свободы
у тебя не заберет

и ничья божба и злоба
не прибавятся ко мне
разрешительное слово
разгорается во тьме

2005

ОТЕЦ И СЫН

я книгу книгу на столе оставляю для тебя
я книгу книгу для тебя оставляю на сто лет
она не бомба пистолет не бомба пистолет
ты будешь будешь в ней читать слова слова слова
слова слова зажгут зажгут твои глаза глаза
и сердце сердце разожгут слова слова слова
и звери звери побегут в твои глаза глаза
и реки реки потекут в твои края края
они без края разольют твои моря моря
а в сердце в сердце запоют сады сады сады
ты только книгу не забудь и не забудь меня
и в сердце в сердце сохрани и книгу и меня

а сердце сердце рождено бежать бежать бежать
а на скаку на всем скаку его не удержать

а рядом с книгой на столе стоят часы часы
и рядом с книгой на земле часы идут идут
и кто сильнее и кто сильнее и чьи шаги слышней
но ярче всех шагов земли слышны твои твои
твои твои шаги шаги слышны слышны слышны
и для тебя и для тебя все бездны зажжены
и все и все киты киты и все слоны слоны
в тебя малыш в тебя мой сын безумно влюблены
тебе лишь стоит захотеть лишь стоит захотеть
и все и все пойдет пойдет бежать бежать лететь
и ты и ты бежишь бежишь летишь легко легко
и на лету ликуя пьешь свободы молоко

туда сюда туда сюда
бегут плывут бегут плывут
слоны киты слоны киты
слоны киты и чемодан
пардон мадам пардон мадам
я чемодан вам не отдам
зачем мадам вам чемодан
пардон мадам пардон мадам
а в нем а в нем слоны киты

слоны киты бегут плывут
бегут плывут туда сюда
туда сюда и чемодан

тебе тебе даны даны дары дары дары
все дни и ночи все пути и все миры миры
тебе тебе дано дано дары дары хранить
но для игры миры миры ты волен изменить
твой отчий мир твой нежный дом уже не дорогой
тебе заменит волчий мир тревожный сон другой
тебе откроют зеркала кривые зеркала
что нет меня добра и зла что чернота бела
когда шепнут тебе шепнут что больше нет меня
ты книгу книгу разверни у сердца у огня
ты книгу книгу разверни у сердца у огня
и в сердце в сердце загляни и обними меня

туда сюда туда сюда
летят ползут летят ползут
шары кубы шары кубы
шары кубы и барабан
пардон мадам пардон мадам
я барабан вам не отдам
зачем мадам вам барабан
пардон мадам пардон мадам
а в нем а в нем шары кубы
шары кубы летят ползут
летят ползут туда сюда
туда сюда и барабан

а если ты совсем забыл а если ты забыл
того кого ты так любил того кого любил
я не забуду все равно и буду все равно
и буду буду буду ждать как ждет в земле зерно
и как зерно и как зерно я для тебя умру
а ты вернешься поутру проснешься поутру
а ты а ты бежишь бежишь летишь легко легко
и на лету ликуя пьешь свободы молоко
тебе тебе даны даны дары дары дары
все дни и ночи все пути и все миры миры

и все и все киты киты и все слоны слоны
в тебя малыш в тебя мой сын безумно влюблены

ты книгу книгу разверни у сердца у огня
и в сердце в сердце загляни и обними меня
а сердце сердце рождено бежать бежать бежать
и на скаку на всем скаку его не удержать

2006

* * *

памяти Корнея Чуковского

пока фонарик-светлячок играет на ковре
встает она, шумит она дубовою листвою
а из нее, из глубины, из тьмы древесных пор
на огонек глядят они, скрипучие жуки

и чем кора ее плотней и темнота полней
и чем плотней вокруг ковра сгущается она
тем ярче, кажется, горит фонарик на траве
и тем внимательней глядят рогатые жуки

они чешуйками скрипят, как будто говорят
пока она не заплела собою весь простор
пока фонарик-светлячок горит среди корней
как будто слушают меня жуки-дубовики

а я пою: ты — не стена, а темная волна
и слышу темный и живой я каждый выдох твой
а я танцую на ковре, пока глаза горят
пока из тьмы, друзья мои, скрипят твои жуки

2007

* * *

СВЕТ МОЙ

Я ТВОЯ ПЫЛЬ

танцующая

2009

Юрий Кублановский

Об Анне Васильевне Тимиревой

(1893–1975)

Исполнилось 40 лет со дня кончины одной из самых ярких, удивительных и героических русских женщин XX века — Анны Васильевны Тимиревой.

Дочь знаменитого музыканта В.И. Сафонова и верная подруга адмирала А.В. Колчака, она — после его казни большевickими выродками — 40 лет провела в тюрьмах, лагерях и ссылках, потеряла своего единственного сына от первого брака Владимира Тимирева (о его расстреле в 1938 году она узнала лишь семнадцать лет спустя), но так и не отреклась от своей любви к Колчаку.

Несколько лет ссылки Тимирева провела в моем родном Рыбинске, где работала бутафором в местном театре, в котором служил актером и мой отец Михаил Наумович. Совсем плохо ее там помню. Но однажды увиденная мною женщина на паромной переправе в Рыбинске с годами стала ассоциироваться именно с Анной Васильевной...

Анна Васильевна Тимирева с сыном Володи́ей. 1922 г.

ПЕРЕПРАВА

Памяти А.В. Тимиревой

Путь задолго до моста через Волгу
был в снегу отмечен вешками веток.

Летом, осенью — паромная переправа,
в ноябре еще с нахлёстами ветра...

Темная на корме фигура
в шляпке, напоминавшей кубанку,
перетянутой для тепла косынкой.

В ту худую, ненадежную пору
о судьбе и одиночестве *ссылных*
жизнь еще мне правду не рассказала.

Но малец, от беспричинной тревоги
крепче сжал я мамину руку.
Заершились дальние огонечки.

Линза времени становится толще,
замутняется от текучих капель.

Та, уже предзимняя переправа —
не прообраз ли иной, предстоящей?

30. IX. 2015.

Свящ. Владимир Зелинский

Два поэта: Унгаретти и Хубулава

В поэтическом разделе нынешнего выпуска «Вестника» мы представляем двух авторов — ставшего еще при жизни итальянским классиком Джузеппе Унгаретти (1882–1970) и молодого, но уже не начинающего петербургского поэта Григория Хубулаву (1982). Ровно столетие отделяет их, но внутренние мотивы творчества обоих поэтов, отнюдь не совпадая друг с другом, вдруг обнаруживают свою близость в пристальном созерцании жизни. 28-летний солдат, проснувшись однажды в окопе Первой мировой войны и подняв глаза, произнес лишь одну строку: «Озаряюсь безбрежным»* (M'illumino d'immenso), озаглавленную им как «Утро» (Mattina), и она стала, вероятно, самым коротким шедевром в мировой поэзии. Этим как бы случайным взглядом, вобравшим в себя небо и мир под ним, освещено все его позднейшее творчество. Но не только. В озарении видимым заключено, может быть, самое глубокое определение поэзии вообще. Вспоминается ахматовское: «...Конец ли дня, конец ли мира или тайна тайн во мне опять». Тайна таится в том, что в поэзии слово максимально близко приближается к тому, что скрыто в творении и выводится наружу, выступает на свет. Тайна становится видимой, удивляет собой. Слово очищает реальность, как бы запорошенную повседневным ее восприятием, и мы признаем: да, безбрежное подлинно, оно скрыто во мне и существует вокруг. «Существует» — значит дано Творцом, а им, поэтом, угадано, схвачено, озарено, отчеканено.

Унгаретти — мастер угадываний тех мгновенных, удивленных взглядов, которые приковывают нас к вещам. «... При виде рассвета обомлеваю. Вот моя жизнь излилась в ностальгии арабскую вязь...» Вязь ностальгии по тому, что скрыто, нельзя прочитать, потому что безбрежное, которое начинается с каждого рассвета, остается сокрытым в мол-

* Перевод В. Вейдле.

чании, той «полнотой, какой названия нет» (Вяч. Иванов). Но также и немотой беспросветной ночи, которая граничит с отчаяньем. Отчаянье — частый спутник великих поэтов, чье слово, приблизившись к границе видимого, не может пробить его стену и остается перед его загадкой. Унгаретти вглядывается в лицо этой ночи, допрашивает смерть, но через нее беседует с жизнью, с ее открытостью, с нездешним светом каждого мгновения. «Запуганное создание расширяет глаза, обнимая взглядом капельки звезд и равнину в безмолвном покое. И вновь приходит в себя».

В отличие от Унгаретти, Григорий Хубулава — поэт вполне традиционный. Он следует за формами классической русской поэзии, которая, несмотря на все sireны постмодернизма, отнюдь не собирается умирать. Хубулава окончил философский факультет Санкт-Петербургского университета, в 2016 году собирается защищать докторскую диссертацию по философии («Культурологический аспект отношений врача и пациента»; сам Хубулава — инвалид с детства и передвигается на коляске), он автор нескольких сборников стихов («Точка опоры», 2007, «Признаки жизни», 2010, «Иными словами», 2012), а также нескольких прозаических книг и переводов. В отличие от Унгаретти, прошедшего через периоды молчания, Хубулава пишет стихи почти ежедневно. Если не стихи, то короткие религиозно-философские размышления, и поэт легко справляется с этим ритмом. Может быть, потому, что в каждом его произведении, о чем бы он ни писал, прочитывается радость как «оправдание бытия», при которой «из каждой строчки свет сочится». Отсюда и плодovitость его; если Унгаретти разгадывает молчание, «заключенное в нем и в озаренном мире вокруг», то Хубулава — поэт эротический в том древнем платоновском смысле, когда «от избытка сердца говорят уста». О чем они говорят? О том безбрежном, которое почти век назад стало поэтическим исповеданием Унгаретти, о тихом, веселом свете, лежащем на всех предметах, о тварном мире как подобию или преддверии сада, в котором «голос, ищущий Адама, раздаться в тишине готов». Вся поэзия Хубулавы в ее стройном, привычном нам обличии настроена на отклик этому голосу, который звучит вокруг, говорит о безбрежном, изредка просыпается и в нас.

ПЕТР ЕПИФАНОВ

«Лицо этой ночи...» Тема смерти в творчестве Дж. Унгаретти

Наследие зрелого творчества Джузеппе Унгаретти (1888–1970) отчетливо делится на две неравные части. Первый массив, четыре десятка «окопных» стихов Унгаретти 1915–1918 годов, — то, что само по себе могло бы обеспечить автору место в истории итальянской поэзии. Второе — около сотни стихотворений, написанных в течение последующего полувека. Каждая часть — отдельный поэтический мир, со своим поэтическим языком и своими творческими задачами. Эту разделенность автор, кажется, сознательно подчеркивал: стихи первого и второго периодов различаются даже графически.

Унгаретти удавалось сочетать глубоко интимное отношение к творчеству с последовательным выстраиванием литературной стратегии. Поэт с молодых лет чутко улавливал вызовы времени. Его уход на фронт в 1915 году был, среди прочего, продиктован и сознательно поставленной литературной целью — создать внутренний дневник человека, внешне растворенного в единообразно-анонимной солдатской массе, в общей судьбе ведомых на заклание миллионных масс.

Вот вам человек рядовой (в оригинале: *uniforme*)
вот вам душа опустелая
бесстрастное зеркало...
(«Расставание», 1916)

На фронте от плоскогорья Карсо до реки Изонцо, где Унгаретти в течение трех лет воевал рядовым пехотинцем, итальянская армия потеряла более 600 тысяч убитыми. Каждое из стихотворений в несколько скупых строчек, записанных поэтом подчас под обстрелом, в крови и грязи, было, по сути, прощальным письмом человека, который через несколько минут может погибнуть и торопится высказать самое-самое главное. «Ночь напролет / в окопе прижатый / к убитому

другу / чей рот скалился / навстречу полной луне / и окоченные руки / в мое проникали молчанье / писал я письма / наполненные любовью...» («Бдение», декабрь 1915).

Воспитанный матерью — ревностной католичкой, женщиной с сильным характером, Унгаретти в юности отрекся от церковной веры и пережил период яростного богоборчества. Мальчишеский бунт впоследствии сменился своеобразным странствием-исследованием в поисках Бога и самого себя. Этот поиск выразился как географически (предвоенные годы поэта прошли между Александрией, Парижем и Флоренцией), так и поэтически. Образы «плавания», «погружения», «кораблекрушения» и т. п. в первых сборниках Унгаретти встречаются повсюду. «Странствие» на всю жизнь останется главной метафорой, с помощью которой он будет описывать свое творчество. Важнейшим этапом в жизненном поиске поэта явилась трехлетняя фронтовая одиссея.

Военные стихи Унгаретти, при своей подкупающей документальности, не были ни эпосом, ни репортажем. Редко и скупое упоминание о внешних фронтовых реалиях и ничего не говоря об «исторических событиях», они описывали странствие души от неверия и абсурда — к обновленному постижению Бога как смысла и меры сущего, из окружающего царства насилия — во внутреннее царство любви и красоты.

Среди повседневного кошмара «оптовых смертей» поэт-солдат каждой строкой кричит: «жить!» Даже макабрическая картина из только что цитированного нами «Бдения» завершается словами: «Я никогда не был / настолько / привязан к жизни». Однако после окончания войны новой метафизической экспедицией поэта-искателя стало обращение к теме смерти. Это отвечало состоянию всего поколения, раненного военным опытом. Война продолжала убивать — горькой памятью, навязчивыми мыслями об абсурдности человеческих надежд и устремлений. В течение 1920-х годов, находясь в расцвете своего дарования, счастливый супруг, молодой отец, Унгаретти несколько раз был на волоске от самоубийства.

Итак, главная тема «второго» Унгаретти — смертность человека и всего живого. Сначала рассматривая ее в природных циклах и изменениях (сборник «Чувство времени», 1933), поэт все чаще смотрит смерти в лицо, вступает с ней в прямой диалог.

(...) Смерть, забывчивая моя сестра,
Приди, как младенческий сон, тиха,
С ласковым поцелуем.

И буду легок, как ты легка,
Пойду, как ступает твоя нога,
Не оставляя следа.

Сердце недвижимое
Освободив от дум,
От милости и снисхожденья,
Стану невинен, как боги.

С окаменелым умом,
С очами, канувшими в забвенье,
Буду проводником
На самой счастливой дороге.

(«Гимн к Смерти», 1925)

Появляются целые циклы стихов, чьи названия сами говорят за себя: «Медитации о смерти» (1932), «Скорбь» (1937–1946). Боль от потери сына (1939) определяет содержание нескольких лирических циклов 1940-х годов. Те же мотивы звучат и в послевоенных сборниках: «Земля обетованная» (1951), «Крик и Пейзажи» (1952), «Записная книжка старика» (1952–1960). Завершают разработку темы смерти у Унгаретти стихи, посвященные памяти умершей в 1957 году жены («Песенка без слов», «Навсегда»).

В 1935 году, встречая свой 47-й день рождения, Унгаретти писал:

...И все же, и все же — кричу:
Быстрая молодость чувств,
Что держишь меня впотьмах от меня самого,
Вместе со мною
Образы вечного познавая,

Не уходи, не оставляй меня, страданье!

На дерзновенный зов вскоре пришел ответ. В 1939 году, совсем незадолго до начала мировой войны, от аппендицита умер девятилетний сын Унгаретти, его любимец Антоньетто. Для поэта, видевшего тысячи смертей, смерть сына стала бременем чрезмерным. У него, введенного в оцепенение личным горем, не хватило душевных сил писать о горе всеобщем, о новом потоке людских утрат, вскоре охватившем полмира. Только когда Италия стала ареной ожесточенных боев между немецкой и англо-американской армиями, Унгаретти, переживая трагедию родины, подает свой голос.

И внешнее положение, и внутреннее состояние Унгаретти во время войны были противоречивы. Его, как и многих фашистов «первого призыва» (он встал в ряды приверженцев Муссолини еще в 1915-м), отталкивали военные авантюры дуче и скопированные с гитлеровского образца «расовые законы», но к Муссолини-человеку его привязывали личная симпатия и чувство благодарности¹; его равно ужасали и жестокости немецких войск, и англо-американские бомбардировки². Неготовность примкнуть к тому или другому лагерю делала для него происходящее только более трагичным и абсурдным, а массовые смерти соотечественников — еще более горькими.

Перестаньте убивать убитых,
Не кричите больше, не кричите,
Коль еще надеетесь на встречу,
Если вновь услышать их хотите.

Шепот их звучит неуловимо —
Вслушайтесь — звучит намного тише
Трав, что разрастаются счастливо
В тех местах, где человек не ходит.

(«Не кричите больше»)

Жертвы расстрелов, бомбежек и депортаций не отделяются для поэта от остального сонма умерших; о них он говорит в тех же словах, в той же тональности, что и об умерших вообще. Чувство личного горя расширяется как бы на всех, кто утратил своих любимых, независимо от стороны кон-

фликта, от обстоятельств смерти; политическая нота при этом отсутствует.

Здесь уместно сказать и об эволюции религиозного сознания Унгаретти во второй половине его творческого пути. В 1928-м паломничество в Ассизи ознаменовало возвращение Унгаретти в католическую Церковь. Это произошло, когда его старая мать, жившая по-прежнему в Египте, приехала посетить святыне места Италии как паломница. Обращение заблудшего сына было предметом горячих молитв Марии Лунардینی; сорокалетний Джузеппе, сознавая, что встреча эта, возможно, последняя, подарил матери долгожданную радость. Это совпало по времени с переходом фашистского режима от воинствующего антиклерикализма к примирению с Ватиканом, так что поступок поэта мог иметь в своей основе разнородные побуждения. Несомненно, вопрос об отношении ко Христу и Церкви всегда сохранял для Унгаретти важность; другое дело, что простое решение навряд ли могло его удовлетворить. В его стихах еще и десятилетия спустя будет слышна то более, то менее приглушенная полемика с христианской эсхатологией.

После потери сына облик смерти в стихах Унгаретти резко меняется. Она уже не «забывчивая сестра»³ («Сострадание», 1925), не «божественная смерть» («Медитации о смерти», 1932); но отвратительный зверь, похитивший самое дорогое:

...Но смерть, не различая цветов и чувств,
Ни жалости, ни закона не зная,
Уже приближается к нему
Бесстыжими своими зубами.

(«Горький аккорд», 1940–1945)

Унгаретти остро чувствует физический аспект существования, захватывающую красоту и аромат мгновенья. Ускользание прекрасного, его подверженность страданию и тлению не могут быть восполнены для поэта упованиями на жизнь будущего века. Прекрасное влечет поэта именно таким, каким оно предстает в земной человеческой жизни, — уязвимое, беззащитное. Его отталкивает идея Суда, страх перед которым предохранит верующего от грехов, его не привлекает

мир вечного блаженства, лишенный обаяния хрупкости. Вера в потустороннее утешение звучит в стихах Унгаретти лишь дважды: в стихотворении 1930 года, посвященном памяти матери, и во второй раз — в стихах, написанных почти тридцатью годами позже в память об умершей жене. Причем эта вера, как видится нам, связана не с благодатью Искупления, но берет свой исток в священном таинстве материнства. Вспоминается еще один архетипический образ Унгаретти, близкий древним мифологиям и фольклору: смерть — возвращение человека-семени в борозду, из которой он вырос, в лоно Вечного (стихотворение «Капитан», 1929).

А теперь, после этого небольшого и поневоле фрагментарного обзора, предоставим слово самому Джузеппе Унгаретти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Предисловие к изданию фронтовых стихов Унгаретти (1923), написанное Муссолини, было для поэта весомой поддержкой. По протекции дуче он, после войны приехавший в Рим с молодой женой, без всяких средств к жизни, получил место служащего в Министерстве иностранных дел. Имели место и другие случаи серьезной помощи. При этом Унгаретти позволял себе столь нелепые публичные высказывания о политике Муссолини, за что трижды (в 1928, 1938 и 1939 гг.) подвергался аресту, из-под которого его освобождали всякий раз после личного вмешательства дуче.

² Выступив в 1944 г. по римскому радио, подконтрольному оккупантам, со словом протеста против уничтожения бомбами жилых кварталов и памятников культуры, Унгаретти после освобождения был обвинен в коллаборационизме. Суд в 1947 г. оправдал поэта, сохранив за ним почетное звание академика и место профессора итальянской литературы в Римском университете.

³ Это ласково-примирительное обращение к смерти укоренено в итальянской традиции: сравним благодарение Богу за «сестру нашу смерть телесную» в гимне св. Франциска Ассизского, резко выделяющееся на фоне общехристианского отношения к ней как к «последнему врагу» (1 Кор. 15, 26).

ДЖУЗЕППЕ УНГАРЕТТИ

СТИХИ

ЛИНДОРО* ПУСТЫНИ

Высота 4, 22 декабря 1915 г.

Крылья качаясь в тумане
глаз прерывают молчанье
На горизонте играет
красное с ветром
поцелуев страстно желая

при виде рассвета
обомлеваю

Вот моя жизнь излилась
в ностальгии арабскую вязь

И сейчас
я слежу за точками мироздания
что прежде были знакомы мне
как пес разнухивая дорогу

До самой смерти во власти скитанья

мы останавливаемся только во сне
ненадолго

Слезы с лица моего утирает
солнце лучом

* Линдоро (в переводе: чистое золото) — типический персонаж традиционной венецианской комедии. Сам Унгаретти пояснял, что образ связан не с каким-либо произведением или сюжетом, а с позолоченными масками, бывшими в ходу в венецианском театре. С актером в такой маске он сравнивает себя, озаренного золотистыми лучами восходящего солнца.

мантией чистого золота укрывая
словно теплым плащом

В этот час на уступе
всеобщего запустенья
я простираю навстречу руки
доброму времени

ОСУЖДЕННЫЙ

Мафьяно, 29 июня 1916 г.

Смертных вещей
посреди
зажат

Ибо даже
звездное небо умрет
однажды

Бога
жажду

Зачем?

ПРОБУЖДЕНИЯ

Мафьяно, 29 июня 1916 г.

Мгновение каждого дня
мною прожито было когда-то
в глубинах времен
вне меня

Моя память далеко
в поиске тех потерянных жизней

Удивленный обласканный
пробуждаюсь
в купели
любимых привычных вещей

Стремлюсь
неотрывным взглядом
за облаками
что сладостно тают
и вспоминаю
кого-то из мертвых друзей

Но Бог
что же это такое?

Запуганное создание
расширяет глаза
обнимая
взглядом капельки звезд
и равнину в безмолвном покое

И вновь
приходит
в себя

ТОСКА

Участок 141, 10 июля 1916 г.

Мертвенная тоска во всем
теле скованном
своею судьбою

Мертвенное ночное
забвение тел
заживо взятых в полон
великим молчаньем
что не видят очами
только предчувствием

Сон
забвение сладкое тел
что от горького отяжелели
раскрываются губы
в жажде далеких губ

жестокое наслаждение
тел онемелых
в желании без насыщения

Этот мир

Вечный испуг
глаз влюбленных
в безумном бегу

В беге туманными тропами сна
годы и годы
и наконец
встреча со смертью

Она
истинный отдых

НОЧЬЮ В КОТЛОВИНЕ

Неаполь, 26 декабря 1916 г.

Лицо
этой ночи
иссохшее
как пергамент

Этот сгорбленный
странник
припорошенный снегом
остался вдали
как отлетает
свернувшийся лист

Беспредельное
время
течет сквозь меня
будто
шорох

ВЕЧЕРОМ

1928

В воздыхающих волнах твоей наготы
Таинством восхищаешь. Улыбаюсь:

Ничего — захватывает дыхание — ничего нет отрадней на свете,
Чем внимать, как меня ты сжигаешь
В умирающем солнце, последним
Тени воспламененьем, земля!

ПОКОЙ

1929

Вспахано поле. Созрел виноград.
Прощается с облаками гора.

Лету на пыльные зеркала
Долгая тень полегла,

И ярок их отблеск дальний
Меж пальцев смущенно-длинных.

С ласточками над равниной
Последнее мчит страданье.

КАПИТАН

1929

В любую страну я был готов убежать.

Когда у тебя есть тайны, ты их разделяешь с ночью.

Бывало, ребенком, пробуждаясь внезапно,
Я вновь засыпал,
Слушая, как на пустынной дороге
Бродячие выли собаки.
То были сообщники моей тайны —

Даже больше,
Чем лампадка перед Матушкой Божьей,
Что теплилась в комнате непрестанно.

...Но ведь не догонять
Эхо времен, звучавших прежде, чем был я рожден,
Рвалось мое сердце? Скажи, человек...

...Но когда лицо твое, ночь,
Падало отраженьем на камни,
Я был лишь пылинкой стихий.
И каждую вещь вокруг кричала
Отчаянная нищета.

Капитан был спокоен и ясен.

(В небе всходила луна)

Высокий, он никогда не склонял головы.

(Пробегало облако в вышине)

*Никто не видел, как упал он,
Никто не слышал, как захрипел он.
Казалось, он снова – зерно в борозде,
И руки прижаты к груди.*

Я прикрыл ему очи.

(Луна — вот его покров)

Он легок, словно перо.

МАТЬ

1930

Когда сердца последним ударом
обрушатся стены ночи,
поведешь меня, Мать, до Бога,
взявши за руку, как когда-то.

Как еще на земле, живою,
—и тебя Его видели очи —
на коленях недвижно стояла
перед Вечным ты, будто статуя.

Вознесешь свои ветхие руки,
воззовешь Ему, как бывало:
«Вот я, Господи, раба Твоя».

И вымолив мне прощенье,
на меня лишь тогда посмотришь,
и сколько ждала меня, вспомнишь...

Молчаливого легкого вздоха
в глазах промелькнет дуновенье.

ПЕСНЯ БЕДУИНА

1932

Женщина утром встает и поет.
Ветер дует ей вслед и чарует ее.
Он ее полагает на землю.
Сон глубокий ей душу объемлет.

Эта почва гола и бедна.
Женщина эта блудна.
Этот ветер силен как смерч.
Этот сон называется смерть.

ПЕСНЯ

1932

Вновь я вижу твой ослабленный рот
(Набегая, плещет море ночное),
И как талии твоей кобылица
Падала в смертную муку
В моих поющих руках,
И ты облекала в сон
Краски и новые смерти.

Есть одиночество злое,
Что рождается в каждом, кто любит.
Теперь бесконечность могилы
Делит нас навсегда с тобою.

Милая моя, далекая, словно в зеркале...

ТЕРЯЯ ТЯЖЕСТЬ БЫЛУЮ

1934

*Оттоне Розаи**

Ради Бога, что смеется точно дитя,
Так воробьи галдят,
Так ветви танцуют,

И душа теряет тяжесть былую,
И такую нежностью дышат луга,
И такая стыдливость в глазах оживает,

И словно листва,
Восторгаются в воздухе руки...

Кто боится теперь? Кто кого осуждает?

* Оттоне Розаи (1895–1957) — итальянский художник, ветеран Первой мировой войны.

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

1940 – 1946

1

«Мама, кажется, никому
Не было так тяжело...»
—И уже исчезающим лицом,
И еще живыми глазами блестя,
С подушки он поворачивался к окну,
И воробьи слетались на крошки,
Что отец рассыпал на полу,
Чтоб развлечь больное дитя.

2

А теперь целовать мне только во сне
Доверчивые твои руки...

Снова работаю, говорю,
Но мне кажется, я
Лишь немного сгустившийся дым:
Да разве бы мог я остаться живым,
Ночь такую перенеся...

3

Кто знает, какие беды
Мне еще принесут года:
Я чувствовал тебя рядом,
Ты б утешил меня тогда...

4

Никогда не понять вам, да и не надо,
Каким меня озаряет светом,
Робкая тень, стоящая рядом,
Когда больше не остается надежды.

5

Где он, где он теперь, этот голос, звенит,
Что, раздаваясь по комнатам,
От отца прогонял усталость?
Истлел в земле. Его хранит
Сказка, что в прошлом осталась.

6

Всякий голос другой растает, как эхо,
Как только единственный призовет
меня от бессмертных высот.

7

В небе ищу твой счастливый взгляд,
Но и внутри меня
Очи мои не увидят иного,
Когда их Господь закроет...

8

Но я люблю тебя, слышишь, люблю тебя,
И продолжается горе...

9

Грозное море, ожесточенные страны
Меня разделяют с могилой,
Где истлевает бедное тело,
Но все отчетливей слышу я,
Голос души — все живей —
Что на земле защитить не сумел...
Тот голос, веселый и милый,
С каждой минутой
Тесней заключает меня
В детской тайне своей...

10

Я вернулся к холмам, к этим соснам с моею любовью,
И воздушного пенья родимый мотив, звеня,
Тот, что мне никогда не расслышать вместе с тобою,
Каждым легким своим дуновением
Сокрушает меня.

11

Мчится ласточка, следом за ней улетает лето;
И я — сам себе говорю — улечу однажды...
Но от любви, от муки моей, останешься ты
— не только лишь знаком, не слабым и смутным светом! —
Коль дотянусь из огня хоть до малой отрады...

12

Под топором обреченная ветка
Падает, еле вздохнув, тише, чем листья
От налетевшего ветра.
И ударила буря сильнее меча
По нежному образу, и ласковому привету
Детского голоса, что палит меня как свеча.

13

Уж не прельщает лето разгульной волей,
Не томит предчувствиями весна;
Прочь уноси, осень,
Остатки твоей мишуры;
Но ты, зима, ради моей оголенной боли,
Продли мне покой
Мертвой твоей поры!..

14

Вот уж сошло в мои кости
Осеннее увяданье,
Но продолжением мрака
Внезапно является мне
Безмерное, безумно вспыхнувшее сиянье:
Тайная пытка сумерек,
Тонущих в глубине.

15

Смогу ли когда без укора в памяти воскрешать
Таинственную агонию каждого чувства?
— Слушай, слепой: «Душа отошла,
Общего наказания еще непричастной».

Что мучительней: больше не слышать
Криков живых его чистоты,
Иль чувствовать, как иссякает во мне
Угрожающий трепет вины?

16

Вот и сверкнул звенящими стеклами,
Света квадрат на холсте темноты,
В тихом мерцанье кувшина блекнут
Пышные срезанные цветы.
Наискось падает стриж опьяненный,
Верх небоскреба в багрянце туч,
А в синеве, над древесными кронами,
Мальчик подпрыгивает на бегу.

И будто бы набегает на комнату
Рокотом бесконечным прибой,
В мятежном стоянии горизонта
Дом размывается синевой...

17

Он легко подходит, совсем где-то рядом дышит,
Шепчет: «Ярость солнца, и гнев стран и племен
Я утолю для тебя. Ты расслышишь
Голос мой вместе с шагами времен,
С моря вдыхая утренний ветер свежий;
Я священно храню, я заключаю в себе
Неизреченный рывок твоей надежды.
Я твой рассвет, я новый, еще не начавшийся день».

В ЖИЛАХ МОИХ

<1944>

В жилах моих, словно в могилах пустых,
Еще по-лягушечьи прыгающую похоть,
В костях — ледяное оцепененье,
В душе — глухую тщету сожаленья
И подлость вертлявую — искорени!

От лютых укусов стыда, чей неистовый лай
Преследует всюду меня во мраке невыразимом,
В кошмарах добровольной темницы,
Избавь, и твоего состраданья ресницы
От долгого сна разомкни!

Паче надежды
Знамя твое цвета юной зари,
Мать родимая — Мысль, подними,
И снова, как прежде,
Настигни меня, победи, изуми!
Воскресни, паче надежды и веры,
Мир — непостижимая Мера,
И на земле,
Что на весах твоих взвешена вновь,
Пошли мне крупицу уменья —
Младенческие реченья
Едва собирать из слогов.

ЗЕМЛЯ

1946

Могло б и у нас солнышко блеснуть на серпе,
А громовые раскаты —
Ушли бы и потерялись
На уступах пещер, и ветер
Мог бы другими слезами, чем эти,
Наши глаза увлажнять...

Ты могла бы, натруженный киль
Перевернув, сесть у причала, внимая
Моря открытого гулу,
Иль будешь, как разозленная чайка, клевать,
Упустивши добычу, зеркальную гладь?

Ты пшеницею дней и ночей
Переполненные показываешь ладони,
Ты видела предков этих дельфинов тирренских
Написанными на таинственных стенах
Нематерьяльных, а потом за кормой
Следила их живую игру;
Ведь еще ты земля погребальных урн
Поколений искателей неустанных.

Можно и вновь
Утомленный бабочек рой, что у олив — то там, то здесь
Замрет на мгновенье,
Снова поднять;
Ибо все вдохновенные бденья угасших
Остаются в тебе,
Бессонные предстоянья ушедших;
Остается в тебе
сила их прахов — как тени
в беглом мерцании серебра.

Хоть ветер непрестанно клокочет,
Хоть громы — от пальм и до елей —
вечно пугают грозой,
Но, молчаливый, сильнее и громче
Наших умерших зов.

Пер. с ит. П. Епифанова

ГРИГОРИЙ ХУБУЛАВА

СТИХИ

* * *

Коты, архангелы, младенцы,
Храня нетронутость свою,
Умеют вещим светом греться
И улыбаться бытию.

Скупая безмятежность Будды,
Плывущий над пустыней сфинкс,
Неназываемое чудо,
Вращение воздушных линз.

Преображенья жизни зыбкой
Неверные земной тюрьме,
Дрожат серебряной улыбкой
Чужого месяца во тьме.

* * *

Писанье. Аромат маслин,
Соленый привкус буквы каждой.
Пьянит безлиственной жаждой
Огонь пророческих равнин.

Никто тебя не изумит,
Ты помнишь имена и главы,
А торжество вселенской славы
В суровом сердце не горит.

Господь страдает на кресте,
Мучителям глядящий в очи,
Он говорит: — Прости им, Отче,
И лица тают в темноте.

Ответ за каждой запятой,
Из каждой строчки свет сочится.
Но хватит! Чуда не случится...
Не стоит спорить с пустотой.

Над лесом, возле пустыря
Плутает ангел бессловесный.
И созерцает Свет чудесный —
В размытом блеске фонаря.

* * *

Дай выдержать вином в твоих мехах,
Невыносимо огненное слово.
Дай веры мне, как воздуха живого,
Не отпусти, как в пропасть, в вечный страх.
Моим желаньям дерзким и простым
Дай подчинить измученное тело,
И научи дышать легко и смело,
Не позволяй мне превратиться в дым.
Дай жить отважно, из последних сил
Вдыхать дары небесные, не глядя,
Позволь любить не искупленья ради,
Коль я Тебя когда-нибудь любил.

* * *

Словом Адам владеет, а Ева — музыкой,
Он называет жизнь, а жена — поет...
А между ними просвет, промежуток узенький,
Слово к звучанью стремится, не отстает...
Песня звучит в необъятной земной обители...
Но приползает молчание словно змей,
И говорит возлюбленным: — А хотите ли
каждый отдельно дышать в полноте своей...?
И разобщенно теперь в суете скитаются
То ли мелодия, то ли чужая речь.
Их одиночки снова роднить пытаются,
Яростный гнев на себя не боясь навлечь.

Снова терзают ангельское терпение,
Снова стремятся ноту в огне найти...
Тонкая нить, полуслепое пение...
Скройся печаль небесная... Отпусти...

* * *

Что-то чужое, из музыки невозможной,
Вздохами капель, бьющихся об асфальт
Снова звучит из этой волшебной, ложной
Кажущейся симфонии: флейта, альт...

Я потрясен, я закрываю уши,
Я отвернулся, мой безучастный вид,
Просто притворство... мелодия сердце душит,
И вырываясь на волю, зовет, звучит...

Злой барабан мироздания стучит все чаще,
Время течет в неведомую дыру.
Просто слышалось... светится газ горящий,
Узкая форточка хлопает на ветру.

* * *

Вместо тела — полено, уродец, бревна кусок,
Ну, пускай, не бревно, а неровный, худой брусоч.
Что поделаешь, плотник невидимый так решил,
Слава Богу, дышать и хотеть мне хватает сил.
Помогите! Опять оживаю. Какой позор.
Сотни тысяч созвездий глядят на меня в упор,
Ненавистные птицы по выросшей вновь коре
Непрерывно стучат: точка, точка, тире, тире.
До размеров спички уменьшен живой вулкан.
Все, что будет со мною, известно твоим рукам,
Чудотворец страдающий, слышишь мое «Могу»?
Непреклонное утро сгибает меня в дугу,
И дуга искрится, по ней пробегает ток,
Почему ты так смотришь? Постой, я и вправду Бог?

РУКОДЕЛЬНИЦЕ

Мир мастерицы чист, искусен
И с виду прост, как дважды два.
За предвкушением волшебства
В спокойном блеске странных бусин

Размеренный и кропотливый,
Таится танец тонких рук,
Превыше всех мужских наук
Вознаграждая труд счастливый.

Преображается атласный
Кусочек ткани в легкий свет,
И появляется предмет,
Завороженный и прекрасный.

* * *

Плачущий снег, неподвижные тени, пар кочевых облаков,
Кряжистых, крепких деревьев колени, гор серебристый покров,
Ветер, дрожащее звезд отраженье в зеркале плачущих глаз
Неторопливое речи скольженье, жизнь, загустевшая в нас.
Стекла оконные, пламенный холод, мертвый ослепший фонарь,
Край уцелевшей ступени отколот, старый прочитан словарь.
Что за тобою стоит одиноко, зримого странная власть?
Медь зеленеет, и, кажется, сбоку времени кровь запеклась.

* * *

Ты бьешься в ловкой сети слов,
Как изумленная Фетида,
Ты больше не меняешь вида,
Моя награда, мой улов.

Змеей и пламенем была,
Ничто меня не испугало,
Я избежал святого жала,
И не боюсь сгореть дотла.

Ты покорилась, ты — моя,
Полна звенящего желанья,
Борьба — прелюдия свиданья
И оправданье бытия.

* * *

Сбежит из снежного корсета
Неусмиренная весна
И ловит тонкой сетью света
Живую музыку она.

Беглянка. В неизменной роли
Ей удивительно везет.
В ожогах повседневной соли
Скрипит и плачет гололед.

Беги, шальной огонь чумазий,
Жена греха, сестра дорог,
Пока старухе одноглазой
Надумалось смотать клубок.

* * *

Тысяча глаз опять в никуда глядят,
Тысяча метких слов попадают в ад,
Мертвых терзая анализом старых книжек,
Все опустело, мир опостылел мне,
Каждую ночь я теряю свой путь во сне,
Будто бы слово «не надо» на сердце выжег.

Как отстраниться, растаять, свалить в туман,
Если испуган, если устал и пьян?
Как убежать немигающим лесом-полем?
Глину пленяет пламя, томит вода,
Вот бы вернуться, если бы знать куда,
Дерзко творцу ухмыляется блудный голем.

Ночь на исходе, утро шепнет: «пора»,
Если на завтрак вьюга, в обед — жара,
Кислую время под ноги бросает мину.
Хочется выдохнуть имя и сделать вдох
Тихим, глубоким. За что же так любит Бог
Смертных, чья песенка спета... наполовину?

* * *

Отрезок радостной дороги
По ней задумчивый иду,
Кентавры и единороги
Играют в сказочном саду.

Неостывающего лета
Невосполнимое тепло
Сияющие реки света
И воздух тонкий, как стекло.

Неистоимой жизни вена
Скрывает кровь, шумит смешно.
Все сказано, все совершенно,
Исполнено, завершено.

И нагота не знает срама,
И чистый дух во власти слов.
Но голос, ищущий Адама,
Раздаться в тишине готов.

* * *

Приснился первый снег, и голова
Светилась, будто нимбом осиянна,
В снегу тонули мысли и слова,
Звенела громко тишины осанна.

Снежинок свет бесшумный вышивал
Свергающий узор, угодный Богу,
Октябрь вихрем рукополагал
В небесный сан деревья и дорогу.

Страсть говорила: — Не смотри назад!
Я вспоминал блаженное начало,
Чудесный облетевший райский сад,
Где жизнь любое слово воплощала.

Приснился снег, и ужас мой остыл,
Послышалось в молчании глубоко:
— По Слову Моему бессмертен был...
...и причастившись Слова, станешь Богом.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

ЭТТИ ХИЛЛЕСУМ

Отрывки из Дневника (1941–1943)

Имя Этти Хиллесум почти не известно русскому читателю: до сих пор по-русски вышла лишь небольшая подборка из ее дневниковых записей в № XVIII за 2009 год рижского журнала «Христианос» (в переводе Марии Великановой, выполненном, как и предлагаемый ниже перевод, не с голландского оригинала, а с французского издания). А между тем Дневники эти давно стали, наряду с «Дневником» Анны Франк, одним из памятников литературы Холокоста, потрясли множество людей, выдержали шквал переизданий и переводов на многие языки. Но дело тут даже не столько в памятниках и в необходимости помнить, сколько в самой удивительной личности Этти Хиллесум (15 января 1914, Мидделбург, Нидерланды — 30 ноября 1943, Освенцим).

Этти родилась в еврейской неортодоксальной семье: отец преподавал в гимназии древние языки, мать была русского происхождения, бежала в 1907 году от еврейских погромов; у Этти было два младших брата — Яков и Миша, гениальный музыкант. Из семьи не выжил никто. Этти учится в Амстердаме, изучает право и славянские языки. Поворотной в ее жизни стала встреча с Юлиусом Шпиером (1887–1942), учеником К.-Г. Юнга, психологом и «хирологом», изучавшим челове-

скую личность с помощью линий на руке. О нем до сих пор спорят, был ли он гениальным психологом или просто шарлатаном, но его решающее влияние на жизнь и становление Этти несомненно: именно пытаясь разобраться в непростых отношениях с этим человеком, она и начинает вести дневник, именно Шпиер «разворачивает» ее к христианству, дает новый толчок к чтению Библии, молитве, поиску смысла. Он умирает от болезни, и Этти сполна переживает эту смерть.

Начавшиеся гонения на евреев, лишения и притеснения находят свое отражение на страницах этих Дневников, главная цель которых — фиксировать не внешние обстоятельства, а внутреннюю жизнь, которая здесь первична и сразу сопротивляется обстоятельствам, не хочет от них зависеть и тем самым пытается уже этой своей независимостью на них влиять. Удивителен лейтмотив всех дневниковых записей: *жизнь прекрасна и полна смысла, несмотря ни на что*. Дневник постепенно становится не только свидетелем эпохи самых страшных гонений и массовых смертей, масштаб которых рано становится понятен Этти, но и потрясающим по силе свидетельством человеческого духа. Как это ни парадоксально, с нарастанием тьмы и ужаса вокруг растут и ширятся внутренний свет, свобода, внутренняя сила автора и удивительная неповторимая радость, бьющая с этих страниц. Разговор с собой постепенно становится доверительным диалогом с Богом, готовностью к добровольной жертве, любовью и всепрощением.

Внешне это выливается в следующие этапы жизненного пути Этти Хиллесум: в 1942 году она начинает работать добровольцем от еврейского совета в пересыльном лагере Вестерборк, сначала с правом выхода из лагеря, потом уже без права выхода, не воспользовавшись возможностью покинуть лагерь, чтобы остаться там вместе с родителями и братом Мишей, к тому моменту уже тоже оказавшимися в Вестерборке. 7 сентября 1943 года семья была этапирована в Освенцим: родители умерли в пути, Этти — 30 ноября 1943-го, Миша — 31 марта 1944-го; брат Якоб погиб в Берген-Бельзене в апреле 1945 года от тифа.

Этти Хиллесум с ее добровольной смертью и потрясающим свидетельством победы над смертью, каким стали ее дневники, уже не раз называли святой. Ее имя стоит в ряду подлинных свидетелей XX века: Матери Марии (Скобцовой),

Ильи Фондаминского, о. Димитрия Клепинина, Эдит Штайн, Симоны Вейль, Дитриха Бонхеффера и многих других, всех тех, кто снова свел воедино два ставших отдельными смысла слова *martyr*: мученик и свидетель.

Перевод выполнен с французского издания: *Hillesum E. Une vie boulevardée: journal 1941–1943: suivi de Lettres de Westerbork / trad. de nederl. par Ph. Noble. Paris: Editions de Seuil, 1995.*

НАТАЛЬЯ ЛИКВИНЦЕВА

14 июня 1941

Мы пустые сосуды, в которые низвергается поток истории.

Все случайно, или же ничто не случайно. Поверив в первый вариант, я просто не смогла бы жить, однако во втором я все еще не уверена.

18 июня 1941

Источником жизни всегда должна быть сама жизнь, а не другой человек. Многие, особенно женщины, черпают силы в другом человеке, и именно он, а не сама жизнь, становится для них источником жизни. Неправильный ход, вызов природе.

4 августа 1941

...Именно здесь и сейчас, в этом месте, в этом мире, мне нужно найти мирный дух и равновесие. Я должна снова и снова нырять в реальность, «объяснять себя» с помощью всего, что встречается на моем пути, включать внешний мир в свой внутренний мир, питать его им, — и наоборот, — но это ужасно трудно, — откуда же тогда у меня это чувство гнета, давящего на душу изнутри?

25 февраля 1942, 7.30 утра.

Я подстригла ногти на ногах, выпила чашку настоящего какао «Ван Хуттен» и съела тартинку с медом, и все это с такой радостью! Открыла Библию наугад, но отрывок не принес никакого ответа в это раннее утро. Да это и не важно, поскольку вопросов-то ведь и не было, а только огромное до-

верие и глубокая благодарность за красоту жизни, вот поэтому этот день и стал историческим: не потому, что сейчас мне придется идти с Ш.* в Гестапо, а потому что, несмотря на это, жизнь все-таки прекрасна!

20 июня 1942

...Работать над собой, и это вовсе не признак зловещего индивидуализма. Когда однажды снова настанет мир, вернуться по-настоящему он сможет, только если каждый человек сначала установит мир внутри себя, искоренит чувство ненависти к какой-нибудь расе или народу, не важно, к каким, или же сумеет обуздать эту ненависть и превратить ее во что-то другое, может, даже, в конце концов, в самую любовь — или это уже запредельное требование? И все же это единственный выход. Я могу еще долго описывать это, страницу за страницей. Тот маленький кусочек вечности, что мы носим в себе, можно передать и одним словом, и десятками толстых томов. Я счастливая женщина, возносящая хвалу этой жизни, да, вы верно прочли, хвалу, в лето милости Господней 1942, на энном году войны.

29 июня 1942

...Английское радио передает, что с апреля месяца прошлого года семьсот тысяч евреев были убиты в Германии и на оккупированных территориях. И если мы даже выживем, сколько останется ран, которые придется носить в себе до конца жизни. Бог не должен отвечать перед нами за все совершаемые нами безумства. Наоборот, это мы должны дать Ему отчет! Я испытала уже тысячу смертей в тысяче концентрационных лагерей. Все мне известно, никакие новые сведения уже не ударят по мне сильнее. Так или иначе, я уже знаю все. И при этом я все же считаю, что жизнь прекрасна и полна смысла. В каждое мгновение.

1 июля 1942

...я знаю все, я все способна вынести, и в то же время я совершенно уверена: жизнь прекрасна, полна смысла и стоит того, чтобы ее прожить. Несмотря ни на что. Это не значит,

* Буквой Ш. Этти обозначает в Дневниках Юлиуса Шпиера (см. о нем в предисловии).

что нужно всегда пребывать на вершинах и в благочестивых мыслях. Нет, можно умирать от усталости от долгой ходьбы, от часов, проведенных в очередях, но это тоже жизнь — *и где-то внутри вас есть что-то, что никогда вас не покинет.*

3 июля 1942

Итак, замысел о нас — это полное уничтожение: и эту новую очевидность я тоже приемлю. Теперь я это знаю. Я не буду навязывать свою боль другим и постараюсь удержаться от обид, если они так и не поймут, что ожидает нас, евреев. Но эта новая очевидность не должна подточить или ослабить дружую. Я работаю и живу с еще одной уверенностью и считаю, что жизнь полна смысла, да, полна смысла несмотря ни на что, даже если на людях я и не осмелюсь признаться в этом вслух.

Жизнь и смерть, страдание и радость, убийственные мозоли на ногах, жасмин за окном, преследования, бесчисленные ужасы и жестокости, все, все это во мне, и все образует мощное единство, и я принимаю его как неделимую целостность и начинаю понимать все яснее и яснее — пока только для себя, еще не умея объяснить это другим, — логику такой целостности. Я хотела бы прожить долгую жизнь, чтобы однажды все-таки суметь это объяснить; но если мне это не будет дано, что ж, тогда кто-то другой сделает это за меня, кто-то другой подхватит нить моей жизни там, где она прервется, вот почему я должна прожить эту жизнь до последнего вздоха со всей возможной осознанностью и убежденностью, чтобы моему приемнику не пришлось начинать все с нуля, чтобы ему было не так трудно. Разве это не способ потрудиться для потомков?

9 июля 1942

Нужно забыть слова вроде: Бог, Смерть, Страдание, Вечность. Нужно стать столь же простой и безмолвной, как прорастающее зерно или падающий дождь. Достаточно просто быть.

Или я уже достигла таких высот, что смогу сказать без лукавства: я надеюсь, что и меня завтра отправят в лагерь, и я смогу там хоть что-то сделать для тех депортированных шестнадцатилетних девчонок?

Чтобы перед этим сказать их родителям, остающимся здесь: не волнуйтесь, я присмотрю за вашими детьми.

10 июля 1942

Это может быть Гитлер, или, например, Иван Грозный, это могут быть лишения, а могут быть войны, чума, землетрясение, голод. Важны не столько инструменты страдания, сколько то, как мы его несем, выносим, как соединяем страдание с жизнью в единое целое и как сквозь все испытания сохраняем нетронутым маленький кусочек своей души. <...>

Тяжелый, очень тяжелый день. Нужно научиться нести вместе с другими этот груз «массовой участи», общей судьбы, отставив в сторону все личные пустяки. Каждый все еще пытается спасти свою жизнь, прекрасно зная, что если не он, то кто-то другой займет его место. И так ли уж важно, буду ли это я, или кто-то другой, тот или этот? Это стало *массовой участью*, общей для всех судьбой, и нужно помнить об этом. Очень тяжелый день. Но я снова и снова оживаю в молитве. А молиться я смогу везде, даже за колючей проволокой. И тот фрагмент *массовой участи*, который выпал на мою долю, я взваливаю себе на спину, как рюкзак, у которого лямки все сильнее и сильнее давят и режут плечи, он уже стал с моим телом одним целым, я уже иду с ним по улицам.

11 июля 1942

Утренняя воскресная молитва. Это ужасные времена, мой Боже. Этой ночью я впервые сидела без сна в темноте, и глаза мне обжигали образы человеческого страдания, проходящие перед моим взором. Я хочу пообещать Тебе кое-что, Боже, так, пустяк: я постараюсь не дать себе погрузиться сегодня в тоску, возникающую у меня при мысли о будущем, нет, хватит и тяжести сегодняшнего дня; но тут нужна определенная тренировка. Сейчас довольно для каждого дня своей заботы. Я помогу Тебе, мой Боже, не угаснуть во мне, хотя и не могу ничего гарантировать заранее. Одна вещь, однако, мне становится все яснее и яснее: не Ты можешь нам помочь, но мы можем помочь Тебе — и только так мы поможем и самим себе. Это все, что еще можно спасти в такую эпоху, как наша, и это единственное, что важно: немного Тебя в нас, мой Боже. И, может быть, однажды мы сумеем помочь Тебе проявиться и в измученных сердцах наших ближних.

20 июля 1942

Безжалостно, безжалостно. Но тем больше милосердия должно быть у нас в глубине души. Таков был смысл моей сегодняшней утренней молитвы:

Мой Боже, эта эпоха слишком невыносима для таких хрупких людей, как я. За ней, я знаю, придет другая эпоха, гораздо более человечная. Как бы мне хотелось выжить, чтобы передать этой новой эпохе всю ту человечность, которую я смогла сохранить в себе, несмотря на все, чему каждый день приходится быть свидетелем. Единственный способ приугодить новые времена: уже приугодить их в самих себе. Внутри себя я так легка, так напрочь лишена злопамятства, во мне столько силы и любви. Как бы мне хотелось жить и внести свой вклад в приближение новых времен, передать им эту нерушимую часть самой себя: потому что они ведь обязательно настанут, эти времена. Разве они не поднимаются уже во мне, день за днем?

23 июля 1942, 9 вечера

Мои красные и желтые розы совсем раскрылись. Пока я была там, в аду, они продолжали тихо цвести. Многие мне говорят: как ты еще можешь думать о цветах?

Вчера вечером, после изнурительной ходьбы под дождем, несмотря на мозоли на ногах, на обратном пути я прошла немного лишнего, но нашла-таки тележку цветочника и вернулась домой с огромным букетом роз. И вот они здесь. Они не менее реальны, чем все то горе, свидетелем которого я бываю в течение дня. В моей жизни многому есть место. И во мне столько места, мой Боже. Сегодня, проходя по этим, битком набитым людьми задворкам, я вдруг почувствовала внезапное желание: опуститься на колени, прямо здесь, посреди всех этих людей. Единственный достойный человечности жест, оставшийся нам в столь жуткую эпоху: опуститься перед Богом на колени. Каждый день я все лучше узнаю людей и все яснее вижу, что они ничем не могут помочь своим ближним: они сведены всего лишь к своим собственным внутренним силам.

24 июля 1942

...Моя эпоха мне по росту, я даже немного ее понимаю. Если я выживу и все еще смогу сказать: жизнь прекрасна и полна смысла, — то мне поверят на слово.

Если все это страдание не приведет к расширению горизонта, к большей человечности, через падение всех видов скарденности и мелочности этой жизни, — тогда окажется, что все было напрасно.

15 сентября 1942

...Я чувствую сейчас всю тяжесть того бремени, которое Ты даровал мне нести, мой Боже. Столько красоты и столько испытаний. И всегда, едва я оказываюсь готовой их вынести, испытания превращаются в красоту. А красоту, величие бывает порой труднее вынести, чем страдание, настолько они захлестывают меня. Как простое человеческое сердце может столько всего вынести, мой Боже, так страдать и так любить! Я благодарю Тебя, Боже мой, за то, что в такую эпоху Ты выбрал мое сердце и дал ему вынести все, что оно выносит. <...> Разговаривать так с Тобой, мой Боже, хорошо ли это? Но помимо людей мне хочется обращаться только к Тебе. Если я так пылко люблю людей, то это лишь потому, что в каждом из них я люблю частицу Тебя, мой Боже. Повсюду в людях я ищу Тебя и часто нахожу частицу Тебя. И пытаюсь выявить Тебя в сердцах других, мой Боже.

<...> Мне так хочется найти то единственное слово, которое позволит все сказать, передать все, что есть во мне, всю полноту, весь тот избыток жизни, что ощущаю в себе. Почему Ты не сделал меня поэтом, мой Боже? Хотя нет, я и есть поэт, нужно только терпеливо дожидаться, когда поднимутся во мне слова, несущие то свидетельство, которое, я чувствую, я должна принести, мой Боже: как прекрасно и хорошо жить в Твоем мире, несмотря на все то, что мы, люди, причиняем здесь друг другу.

Мыслящее сердце барака.

17 сентября 1942, 8 утра

Чувство жизни столь сильно во мне, столь велико, столь ясно, столь наполнено благодарностью, что я уже и не пытаюсь выразить его одним словом. Счастье во мне столь полно и

столь совершенно, мой Боже. Лучше всего его могут передать сказанные им* слова: «*собрать себя в себе*». Похоже, они точнее всего называют мое чувство жизни: я собираю себя в себе. И это «в себе», это самый глубокий и богатый слой, в котором я себя собираю, я называю его «Богом». В дневнике Тиды** мне часто встречалась фраза: «Отец, возьмите его нежно в Свои руки». И это мое непрерывное и постоянное чувство: что я в Твоих руках, мой Боже, защищена, укрыта, пропитана чувством вечности. Все совершается, будто каждый мой вдох проникнут этим чувством вечности, как если бы даже мельчайший из моих поступков, даже самое незначительное из моих слов были прописаны на фоне величия, имели глубокий смысл. В одном из своих первых писем он мне написал: «И каждый раз, когда я могу растратить на тех, кто рядом, хоть немного от переполняющего меня избытка сил, я счастлив».

Хорошо бы, чтобы Ты научил мое тело вовремя кричать «осторожно!», мой Боже. Мне непременно нужно восстановить здоровье, чтобы суметь совершить все то, что меня ожидает. Или это тоже просто еще одна условность? Ведь даже болезненное тело не помешает духу продолжать работать и приносить плоды. А также продолжать любить и слушать себя, других, логику этой жизни, и Тебя. *Hineinhorchen*, «слушать внутри», хотелось бы мне найти для этого подходящий голландский глагол. В действительности моя жизнь есть не что иное, как это постоянное слушание «внутри» самой себя, других Бога. И когда я говорю, что слушаю «внутри», то в реальности таким слушанием внутри меня занимается скорее Сам Бог. Самое существенное и глубокое во мне слушает сущность и глубину другого. Бог слушает Бога.

20 сентября 1942

Перевести в слова, звуки, образы.

Сколько людей все еще оказываются для меня настоящими иероглифами, но постепенно я учусь их расшифровывать. Нет ничего прекраснее, чем читать жизнь, расшифровывая людей.

В Вестерборке у меня было ощущение, что передо мной обнаженная арматура жизни. Сам скелет жизни, уже без

* Речь идет снова о Юлиусе Шпierre.

** Тида — Хенни Тидеманн, подруга Этти.

одежды плоти. Благодарю Тебя, Боже мой, что учишь меня читать все лучше и лучше.

<...> «После войны, рядом с потоком гуманизма над миром пронесется еще и поток ненависти». Услышав эти слова, я вернулась к прежней уверенности: я отправляюсь на войну с этой ненавистью.

23 сентября 1942

Все несчастья и ночные одиночества страдающего человечества вдруг пронзают мое бедное сердце и наполняют его тошнотворною болью. Какое бремя придется мне взвалить себе на плечи этой зимой?

После войны мне бы хотелось повидать разные страны твоего мира, мой Боже, я чувствую в себе потребность преодолеть все границы и обнаружить общую основу всех творений, столь разных и противоположных друг другу. И мне хотелось бы говорить об этой общей основе тихо и негромко, но безудержно и убедительно. Дай мне для этого слова и силу. Но прежде мне хотелось бы быть на всех фронтах и среди тех, кто страдает. Разве здесь у меня не будет права тоже выразить себя? Это как тихая волна, всегда поднимающаяся во мне и согревающая даже после самых трудных моментов: «Как же все-таки жизнь прекрасна!» Чувство это необъяснимо. Ему нет никакой опоры в той реальности, которую мы проживаем в данный момент. Но разве нет других реальностей, кроме той, что открывается нам в газетах и в бездумных и экзальтированных разговорах обезумевших людей? Есть ведь еще реальность розовой фиалки, и реальность просторного горизонта, который мы, в конце концов, всегда обнаруживаем по ту сторону сумятицы и хаоса эпохи.

Дай мне каждый день небольшую строчку поэзии, мой Боже, и если однажды мне не дадут ее записать, у меня не будет ни бумаги, ни света, я прошепчу ее вечером Твоему просторному небу. Но посылай мне время от времени небольшую строчку поэзии.

27 сентября 1942

Как можно гореть таким огнем, разбрасывать столько искр? Все слова и фразы, что я использовала когда-то в прошлом, мне кажутся теперь выцветшими и бледными рядом с

этой радостью жизни, любовью и силой, которые брызжут из меня, как пламя.

28 сентября 1942

...Единственное нравственное обязательство — это вспахивать в себе просторные поляны внутреннего мира и постепенно расширять их, пока эта мирность не перекинется и на других. Чем больше мира будет в людях, тем больше будет его и в этом взбудораженном мире.

30 сентября 1942

...И там, где мы сейчас, быть, присутствовать на сто процентов. Мое «делать» состоит в том, чтобы «быть».

<...> Потому что главным препятствием всегда оказывается не реальность, а представление. Реальность мы встречаем со всеми ее страданиями и трудностями — мы встречаем ее и взваливаем себе на плечи, и от этой ноши становимся лишь сильнее. Но представление, предчувствие страдания — не совпадающее с самим страданием, которое плодотворно и может сделать жизнь еще драгоценнее, — его нужно разрушить. И разрушив эти представления, заключающие жизнь за решетку, мы освободим в себе реальную жизнь со всеми ее силами и сможем вынести реальное страдание в собственной жизни и в жизни человечества.

2 октября 1942

...Я хотела бы быть во всех лагерях, которыми усыпана Европа, присутствовать на всех фронтах, мне совсем не хочется безопасности, хочется быть на театре военных действий, и везде, где я есть, мне хотелось бы вызывать во всех этих «врагах» робкие ростки примирения; я хочу понять то, что происходит, и хочу, чтобы все те, до кого мне удастся достучаться (а имя им легион, верни мне здоровье, мой Боже!), поняли мировые события через меня.

3 октября 1942

Во мне нет поэта, есть лишь маленький кусочек Бога, который может превратиться в поэзию.

Нужно, чтобы в лагере был поэт, чтобы прожить эту жизнь поэтически (да, даже эту жизнь!) и суметь ее воспеть.

<...> Я хотела бы быть «мыслящим сердцем» любого концентрационного лагеря. <...>

Нужно молиться день и ночь за тысячи людей. Ни на минуту нельзя прерывать молитву.

8 октября 1942

...Каждый раз, когда какая-нибудь женщина или голодный ребенок разражались рыданиями возле наших административных служб, я приближалась и вставала рядом, защищая, улыбаясь, скрестив руки, мысленно обращаясь к этому вбитому в себя и растерянному существу: «Ничего, не бойся, все не так страшно». Я оставалась там и дарила свое присутствие, что еще я могла сделать? Иногда я садилась рядом с кем-нибудь, клала руку человеку на плечо, не столько говорила, сколько смотрела на лица. Ничто не оставалось мне чуждым, никакое проявление человеческого страдания. Все казалось мне знакомым, у меня было впечатление, будто я все уже знаю заранее, что я все это уже пережила когда-то в прошлом. Некоторые мне говорили: а у тебя, оказывается, железные нервы, раз ты так хорошо держишься? У меня вряд ли железные нервы, скорее уж слишком чувствительные, но это факт, я и в самом деле «держусь». Я осмеливаюсь смотреть прямо в глаза каждому страданию, страдание меня не страшит. В конце каждого дня я всегда испытывала одно и то же чувство: любовь к своим ближним. Я не чувствовала даже горечи от того, что им причиняют столько страданий, только любовь к ним, за то, как они их переносят, как бы мало они ни были готовы переносить то, что им придется вынести.

9 октября 1942

Самые мощные потоки обрушиваются на меня, самые высокие горы вздымаются во мне. За зарослями моих бед и тревог открываются широкие равнины, блаженная страна моего внутреннего мира и счастливого забвения. Я ношу в себе все пейзажи. Я ношу в себе землю и небо. То, что ад — это изобретение людей, уже не вызывает у меня никаких сомнений. Я уже не буду проживать свой личный ад (я его уже прожила заранее, хватит на всю оставшуюся жизнь), но я могу очень интенсивно проживать ад других. И это нужно, если мы не хотим впасть в самодовольство.

12 октября 1942

...Нужно уметь принимать моменты, когда творчество вас покидает; чем искреннее такое принятие, тем быстрее они проходят. Нужно иметь смелость сделать паузу. Иногда нужно дерзать быть пустым и поверженным.

13 октября 1942

Страдая за слабых, не страдаю ли я, по сути, за ту слабость, что чувствую в себе?

Я преломила свое тело, как хлеб, и разделила его между людьми. А почему нет? Ведь они были голодны и испытали много лишений. <...>

Мне хотелось бы быть бальзамом, излитым на столько ран.

Пер. с фр. Н. Ликвинцевой

Сталин как иллюзия

То, что не только люди, но и целые страны болеют ностальгией, очевидно для всех. В легкой форме она бывает и благотворной, ибо как сохраниться народу без щемящей памяти о себе? Но когда ностальгия протекает с лихорадкой и бредом, она чревата уже амнезией и требует госпитализации. Амнезия выражается не в том, что страстные патриоты той ушедшей страны совсем уж забыли про убийства, пытки и лагеря, — никуда эти лагеря не делись, просто их хорошо научились замечать в темный, глухой подпол сознания, — нет, беспамятство с элементами бреда сказывается в том, что все: слава и мощь, кровь и сажа прошедшего времени приписываются лишь одному человеку. Уже и небо над головой посерело от его имени. И спор идет только о том, скольких он убил и сколько построил, погубил Россию, отстоял Родину¹, ту, внутри которой все дрожали, а вокруг — боялись. Страсть нуждается в образе, и образ является: вот он я! И заполняет собой — с черной ли аурой, с золотым ли нимбом — аналитические умы, газетные страницы, телевизионные поединки, виртуальные пространства. И всеприсутствием своим создает зрительную иллюзию, когда целая эпоха как бы вмещается в одного, пусть даже очень видного, вознесенного в небеса человека.

Человека ли? Вспомним изречение: главная хитрость дьявола в том, чтобы убедить, что его не существует. «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо», — представляется Мефистофель в *Фаусте*. Режим, установившийся в России в 1917 году, имел противоположные намерения. Он пришел, чтобы растоптать зло и учредить добро. На века. Вставай, мол, проклятьем заклеянный... И то, что результатом вставания с колен оказался необозримый котлован зла, космическая дыра, куда провалились неисчислимые массы людей, все же не могло быть результатом деятельности лишь одного всевластного субъекта. Потому что власть — и это первое, что сегодня вычеркивается из памяти, — принадлежала прежде всего должности, и называлась

она Генеральный секретарь ЦК Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Только в этой словесной, функциональной рамке субъект мог принимать решения, строить, спасать, губить, гноить в лагерях. Все его могущество исходило не только от его заурядной или незаурядной (кому что по вкусу), бандитской или царской личности, но от многомиллионной ВКП(б), ставшей затем КПСС, передового отряда диктатуры пролетариата, в нем как бы сосредоточенного. И потому передовой отряд мог так бестрепетно и беспощадно уничтожать себя самого руками из него родившегося, в нем воплощенного вождя. Он и был — они. Их стальной, слитой воедино волей, их сосредоточенной в его голове мыслью, их верой в Тысячелетнее Царство правды, унаследованной от народной эсхатологии. Именно должность, функция несла в себе легитимацию и индульгенцию на все что угодно, потому что была заряжена тем сгустком энергии, которая и влилась в необъятную персональную власть.

Конечно, магия функции не могла обойтись без его личной воли, без его хитрости, властолюбия, бесчеловечности и прочих знаменитых свойств. И она, понятно, нуждалась в звонком имени собственном. Почти ни у кого из «тонкошеих вождей» таковых личных магий не доставало. История иногда сама выбирает наездника, чтобы нести его туда, куда захочет. Она сливается со своим всадником, воздавая ему бескрайний «культ личности», точнее, культ системы, уместившейся в имени идейного идола, который с помощью не одного только страха, но и коллективного гипноза правит страной. Единолично решает, строит, губит, держит в кулаке. Прочитирую еще раз некогда приведенный мной отрывок, по-своему несравненный и недооцененный:

«Приемный сын... Артем Сергеев, вспоминал, что вождь сердился на своего родного сына Василия, так как тот использовал его фамилию.

— Но я тоже Сталин, — говорил Василий.

— Нет, ты не Сталин, — гневно возразил его отец. — Ты не Сталин, и я не Сталин. Сталин — это советская власть! Сталин — это то, что пишут о нем в газетах и каким его изображают на портретах. Это не ты, и даже не я!»²

Попробуйте из сегодняшнего ностальгического Сталина, держателя грозной державы, убрать целиком того, о кото-

ром писали сталинские газеты. Вычесть из его имени миф о советской власти, памятники в каждом городке, портреты во всяком доме, песни по радио с шести утра начиная, фигуру на мавзолее дважды в год, вдохновителя каждодневных побед, отца и учителя, надежду прогрессивного... словом, опустошить весь музей его культовых наименований. Что останется от его силы? Одна лишь деспотическая рука, по которой томится сегодняшнее сталинолюбие. Но рука вырастает из тела, телом же был идеологический партийный режим. Именно все эти знаки и звания, эти идейные словесные сущности, они-то и обладали полнотой власти. В своем ведомстве (СССР) Сталин мог делать все что угодно, но не мог выходить из роли газетного Сталина, из мундира лозунгов, портретов и статуй, символов новой религии. Они-то и правили бал, коего он, Джугашвили, заблаговременно ушедший в тень псевдонима, был, по сути, только распорядителем.

О том бале никто уже не помнит. Сегодня если и вспоминается что-то, то лишь отяжелевшее, обрюзгшее, по инерции обреченное врать государство, в котором партия, шедшая в тесной паре с народом, все никак не могла окончить затянувшегося танца. Теряя свою идейную идентичность, режим, не сознавая того, тихонько катился к обрыву, уверяя себя, что остается верным былым заветам и нерушимому единству, только без «грубых нарушений социалистической законности». Но секрет единства в том и заключался, что оно могло нерушимо стоять только тогда, когда над каждым членом партии и народа висела смутная, но неотвратимая угроза. «А в наши дни и воздух пахнет смертью, раскрыть окно, что жилы отворить», — писал в дни революции Пастернак. Без этого запаха не действовал и тот веселящий, пассионарный газ, который раздувал идеи и знамена, созидавая социализм. Такое было тогда негласное соглашение между воздухом смерти и газом идей. И Генеральный секретарь должен был лично обеспечить этот контракт, кровью заставить на нем расписаться.

Ну, а если бы этот пост носил другую фамилию, другую черепную коробку, другую душу? Бесполезно спрашивать, но, думаю, отличался бы лишь стилем, а не курсом. У режима мог быть только такой выбор: либо шаг за шагом убирать все эти идеологические напластования насилия и безумия, которые принесла революция, а за ней и гражданская война, тем са-

мым теряя свою опору и двигаясь к неизбежной перестройке, отрезвлению и покаянию за содеянное, либо идти дальше, превращая наследие революции в жесткую тоталитарную систему со всевластной тайной полицией, террором и растаптыванием всего человеческого. Едва ли среди наследников Ленина нашелся бы человек, один или во главе фракции, который не выбрал бы последнее. Вынужден был бы выбрать, путей к отступлению практически не было. Ну, Бухарин вел бы дело помягче (но не он ли сказал: «У нас только две партии, одна у власти, другая в тюрьме»?), Троцкий — патетичней и театральной, со многими расстрелами, но скорей всего без иностранного шпионства и «отравления колодцев». Но с той ли душой или с этой, должен был найтись человек на эту роль укротителя «вздыбленной Руси», роль же от начала до конца была уже написана Лениным. Именно он экранизировал учение Маркса в русской истории, сделал его всеильным оттого, что верным, верность же доказал насилием, в масштабах пока только одной страны, и это всевластие мифа-насилия отдал в пожизненную аренду одному, пусть даже не им выбранному, наследнику. Он, собственно, и Марксу указал его роль, каковую ему пришлось играть уже по-ленински, на степной, половецкий, на татарский манер. Именно Ленин изготовил текст новой идеологической веры, неожиданно соединив его с огромной силы эсхатологическим ожиданием Царства Небесного на земле, с народом, 10 веков почитавшим царя как наместника Божия и перенесшим это почитание на Генерального секретаря всеобщей мечты о справедливости для заклеянных проклятьем. И когда эта правда непременно придет, то все спишет и простит, как бы ни была дорога к ней крута и кровава.

«Навалят кучу мусора на мою могилу, — предрекал Сталин, — но ветер истории безжалостно развеет ее». Развеет, непременно, ибо кто там, в светлом царстве, когда оно придет, станет трудиться трупы считать? Но все это: мечта и кровь, доктрина и дисциплина, запредельная харизматичность и абсолютная прагматичность, — было уже вписано в железный, лязгающий ленинский сценарий, и Сталин оказался самым способным исполнителем главной роли. Основная его книга — «Вопросы ленинизма», все прочие тома его сочинений — те же вопросы и те же ответы Ильича.

Оставим сочинения, но в роковой момент при нападении Германии, когда земля уходит у него из-под ног, что первое говорит он своим соколам? Вот мы сейчас теряем то, что создал Ильич (не цитирую, а передаю смысл). Или на Пленуме ЦК 1952 года, когда Молотов назвал партийную верхушку сталинскими учениками, Сталин резко обрывает: «Чепуха! Нет у меня никаких учеников. Все мы ученики великого Ленина»³. Даже если бы он физически убрал великого с дороги, он все равно играл бы предписанную им роль. Вычесть Ленина из Сталина невозможно, Сталин — это Ленин сегодня, Барбюс был прав.

Но сегодня другое «сегодня», ныне даже партия, которая все еще взывает к имени Ленина, не слишком уж и ленинская. Сегодня, когда хотят вернуть памятник Дзержинскому, то думают не столько об отразившейся в нем беспощадной красоте Девы-Революции, сколько о самоуважении государства, желающего сфотографироваться на фоне карающего меча. Так и с воскрешением Сталина: берется с виду могучая сталинская держава, и коллективно забывается все, что составляло ее могущество: неразрывная связь вождя с массами, теми, которые взрывались шквалом аплодисментов, требовали смерти фашистским наймитам, обливались липким потом страха, исповедовали идеалы, клеймили, обожали, ненавидели, махали флажками на демонстрациях, вливались в социалистические соревнования, противостояли «враждебному окружению». Ныне же от масс, кажется, остался только вождь-кукловод, дергавший все население страны за веревочку. Всюду — он, то в зверском, то в строго-отеческом своем облике, то в сочетании того и другого.

Да, он легко мог губить всю большевистскую когорту, но и такой вариант был намечен уже в первоначальном ленинском сценарии. «Прежде чем объединяться, надо размежеваться», — писал тот на заре своей деятельности. Через 30 лет радикальное размежевание происходило уже не на партийных съездах, а на политических процессах. Именно Ленин пустил в ход тот язык, который станет потом господствующим: говори одно (демократия, Советы, право наций на самоопределение, выборы, суверенитет и т. п.), а понимай совсем-совсем другое. Сколько бы Сталин ни резал и ни стриг своих подданных, он делал это в единстве с ними, в едино-

мыслии с учителем. Он сам был порождением их учения и энтузиазма, их крылатого буревестничества и шепотливого сотрудничества. Непоследняя деталь: в отличие от немецкого коллеги (куда от него денешься?), который все публичное пространство заполнял своим «я»: «я принял решение», «я освободил Германию от жидов и плутократов» и даже «я убил на Восточном фронте столько-то немцев», Сталин даже прилагательного «Генеральный» избегал (подписываясь лишь: «Секретарь ЦК») и уж меньше всего злоупотреблял личным местоимением. Обычно: мы, большевики, мы, советские люди, мы, передовой отряд трудящихся... Отнюдь не из скромности и даже не от лукавства, но с ленинским замахом и сталинской мудростью; не просто выпятившее себя «я», но весь советский народ, с ним единый, им ведомый. Такой вот неумолимый ход истории собственной персоной, надевшей френч и раскурившей трубку.

В наши дни, однако, у русской истории другой маршрут, возможно, тоже неумолимый, но другой. Власть сегодняшняя, сколько бы она ни притязала на строгое единоначалие и патриотическое воодушевленное согласие, сколько бы ни пролонгировала себя в вечность, не дотягивает даже до пародии той, идейной, сталинской. Бесплезно вызывать с полюса Повелителя льда, чтобы он дохнул и заморозил расползающееся месиво коррупционеров и либералов. Сегодня Сталин — фантом из прошлого, который, несмотря на личную его холодность, когда-то вышел из ленинской плавильни. Но коль скоро плавильня давно и безнадежно погасла, система, спаянная единым мировоззрением и тотальным террором, рассыпалась сама собой, что делать с державным прахом ее, когда-то высившимся над страной? «Истлевшим Цезарем от стужи заделывают дом снаружи», как поет шут-могильщик в *Гамлете*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Относительно войны: звучит по меньшей мере странно и за державу обидно, что при всем превосходстве в силе и технике до начала военных действий держава без диктатора ту войну неизбежно должна была проиграть.

² *Симон Себаг Монтефиоре*. Сталин. Двор Красного монарха. М., 2005. С. 15.

³ См.: *Сталин и современность*. Красанд, 2010. С. 91.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ЭМИГРАЦИИ

Переписка протоиерея Сергея Булгакова и священника Александра Ельчанинова

Знакомство между С. Булгаковым и А. Ельчаниновым восходит еще к началу века. «30 лет суждено мне было знать его, любить его и любоваться им,» — говорил о. Сергей на отпевании своего друга 27 августа 1934 года. В эмиграции они сблизились на съездах РСХД, где и созрело у о. Александра желание посвятить себя в священство, а о. Сергей в этом его укреплял... Публикуемые письма посвящены теме преследований, которым подвергался о. Александр в Ниццком соборе от казенно мыслящих дореволюционных священников. О. Сергей добился его перевода в Париж, но в Александро-Невский собор о. Александр приехал уже больным и через несколько месяцев, 24 августа 1934 года, скончался. Помимо личной дружбы, обоих священников связывал еще и общий друг, оставшийся в России, — о. Павел Флоренский, о судьбе которого им ничего не было известно.

Оригиналы писем о. Сергея — из семейного архива. Письма о. Александра находятся в архиве о. Сергея Булгакова на Сергиевском подворье (Париж).

НИКИТА СТРУВЕ

26. V. / 8. VI. 1926. Paris.

Дорогой Александр Викторович.

Вы, конечно, делаете самые печальные предположения отн<осительно> моего молчания, но я действительно не терял времени. Я списывался с влад. Влад<имиром>¹, ответ которого я здесь прилагаю, и сегодня мне, наконец, удалось поговорить с влад. Митрополитом.² Он отнесся к Вам и вашему желанию с полным сочувствием и доверием. По мысли его, как и моей, Вам ни в каком случае не надо сейчас разрывать с Ривьерой и со своей педагогической работой.

Напротив, мит<рополит> Вас мыслит как лицо, ведающее духовное просвещение на Ривьере. Как и предполагал, м-лит в ближайшее время прочит Вас в Cannes, когда там освободится место (батюшка хворает и сейчас в отпуске на три месяца). Он благословляет Вас подать прошение о зачислении сверхштатным священником в Ниццкий приход, оттуда Вы будете откомандировываться в разные места, в Cannes (там прекрасная церковь, но запущенный приход), в Антиб (у в. кн. Н.Н.³ есть церковь), в Биот и др. места. Владыка говорит, что он был именно теперь озабочен приисканием соответственного кандидата в Cannes, он видит в моем обращении прямое указание Божие. Я всегда считал, что во всех значительных вопросах подобных... надо слушаться епископа.

Однако положение Ваше материальное остается пока не устроенным. Кое-что Вы будете от церкви иметь теперь не в виде доходов (от них отказываться при средних условиях не рекомендую Вам <нрзб.> от разъездов. Однако основным Вашим источником до времени должны остаться уроки. Не лишитесь ли Вы их части, если примете священство? Это надо выяснить. Кроме того, очевидно, придется потесниться и на новом ходу работы, а м. б., и в летней перспективе проходить через огневую завесу посвящения. В этом приходится сказать: не так живи, как хочется, но как Бог велит. Только владыка советует посвящаться... чтобы быть наготове, и я его совет поддерживаю, хотя — увы! — сейчас Вам придется продолжать уроки. Нужно ли говорить о Вас с Е.П. Ковалевским⁴, как это советует владыка? Мне это нетрудно, но надо ждать встречу. Одновременно пишу вл. Вл., ...вкупе Вам теперь... учинить дальнейшие шаги. Молитвенно с Вами. Шлю

благословение и привет Там. В. и детям⁵, Н.И. и В.А. кланяюсь.

Любящий Вас пр. С. Б.

11. VI. 1926

Глубокоуважаемый и дорогой отец Сергей,

Отвечаю на Ваше письмо от 8-го июня. Заранее сразу скажу, что я согласен на все, раз Владыка и Вы так говорите, кроме одного: я хочу иметь время хоть в месяц, чтобы подготовиться. Для моего самолюбия мне было бы полезно выйти без приготовления на дело, при одной мысли о котором трепещу; но ведь дело — прежде всего служба Божественная — будет страдать от моей неумелости. Сейчас у меня самое горячее время — в самом начале июля экзамены, гонка, приготовление, подведение итогов, писание отчетов, потом акт. После 15-го июля пойдет легче: у меня останется только 9–10 часов уроков (в неделю). Тогда только я смогу всерьез готовиться, и так как я «ни ступить, ни молвить не умею», то нужно мне не меньше месяца. У меня и сейчас сильнейшая жажда уединиться — и для размышлений, и для учения, и для молитвы, а когда уже фиксируется день, то потребность эта усилится еще больше; но я знаю, почти наверное, что это не пройдет, что к самому важному, страшному, ответственному придется готовиться в суете, болтовне, рассеянности. Должен, впрочем, сказать, что и сейчас я и Муся так полны этим, что это наше настроение меняет домашнюю обстановку, Муся удерживает и, по возможности, освобождает меня от домашних работ и помогает удерживаться на главном. Конечно, чем ближе к сроку, тем серьезность наша будет расти, я смогу чаще бывать в церкви, с 15.VI-го на всех службах, а работаю я и читаю и сейчас, сколько могу. Занятия снова начнутся 7–15 октября: до этого срока и надо будет «пройти огненную завесу», которая, увы!... не отделит меня вполне от старой — моей светской педагогики, но и она, я знаю, радикально изменится.

Об этом дальнейшем мне неохота говорить сейчас: посвящение, а там, что Бог даст: я так уверен в тех силах, которые меня несут сейчас, что внешняя обстановка меня не беспокоит.

С Евгр. Петр. Ков<алевск>им говорить бесполезно: наши «Русские отделения» существуют местными средствами, и Евгр. П. бессилен что бы то ни было к ним прибавить.

Итак, по-моему, самое главное назначить сроки приготвления и посвящения. Об этом я буду говорить с Владыкой. Прощение — в проекте — покажу ему и потом перешлю через него же.

Как меня поразило такое легкое и скорое согласие Владыки Митрополита и его решительность в этом вопросе: ведь он меня вовсе не знает, а Ваша рекомендация, хотя и много значит, но ведь есть же множество кандидатов, много уже готовых, опытных священников! Принимаю это как прямую помощь Божию, которую чувствую в этом деле на каждом шагу: я готовлюсь к чрезвычайным затруднениям, борьбе, испытаниям, а какие-то руки переносят через все эти преграды. Вы можете догадаться, как я переживаю Вашу помощь в этом, но благодарить мне кажется прямо неуместным. Спаси Вас Господь!

За дар Ваш (на рясу) приношу Вам глубокую благодарность, мы с женой твердо решили не допускать здесь никакого либерализма. Маленькие затруднения — с посещением лица и уроков, но это еще далеко.

Привет глубокоуважаемой Елене Ивановне⁶. Прошу Ваших молитв о себе и семье, любящий Вас и преданный

А. Ельчанинов.

День Св. Духа

Дорогой Александр Викторович!

Пишу второпях, накануне отъезда в Англию. Сегодня исполнилось 8-летие моего священства, о чем радуюсь. Спешу Вас успокоить в том отношении, что требуемый Вами срок, даже и больший, Вы естественно получите, п. ч. скоро сказка сказывается, но не скоро дело делается. Сейчас митрополит уезжает на три недели в Сербию на архиерейский собор, значит ваше прошение, вероятно, все равно будет лежать, и вообще, очевидно, что раньше августа не устроиться Вашему посвящению. Итак, будьте спокойны. К Вам едет в Cannes влад. Венъямин⁷, по возвращении из Англии. Он Вам советчик и добрый сочувственник. Прощение Ваше лучше пусть

пошлет влад. Владимир, если признает нужным, вместе со своим письмом. Я в Англии пробуду около 2-х недель. Когда будет <нрзб.>, тогда лишь нужно шить рясу. Господь да поможет Вам. Шлю привет и благословение дому Вашему. Т. Вл. напишу позже, сейчас на лету.

Ваш пр. С. Б.

21. VIII. 1926⁸

Дорогой отец Сергей,

Во-перв<ых>, поздравляем Вас с праздником Братства, поминаю всех известных мне братьев на проскомидии, но молебна не мог отслужить, был в Каннах, а там были свои требы.

Вчера мы получили от доктора Наташиного сообщение, что она находится в прекрасном состоянии и встанет через несколько дней. Это было тем радостнее, что было совсем неожиданно. Но мы еще не знаем подробностей: будет ли она ходить в корсете и ошейнике, необходим ли ей и дальше Berck, на сколько. Все же радость большая.

Теперь отвечаю на Ваше письмо. Меня очень радует и подбодряет Ваш сердечный интерес к моей работе, и это дает мне смелость писать Вам о ней подробнее, чем я делал это до сих пор. Круг моей деятельности расширяется понемногу, есть у меня свои дух<овные> дети, был недавно трудный случай — Бог помог — подготовка к смерти одного адвоката, мало верующего, а потом исповедовавшегося у меня и причащавшегося, вместе с которым молились по вечерам, что укрепило и его жену. Скончался он с твердой верой, спокойно и легко, но без меня — я был в Каннах. Было это временами и трудно, и страшно, но Бог помог. К сожалению, хоронил его не я — к этому времени приехал о. Николай⁹, и я только сослужил, хотя вдова и очень просила, чтобы все провел я.

Кстати, с о. Николаем я стараюсь быть как можно более внимательным, уважительным, и т. д., но он туго на это идет: сдержан и сух. Я все же надеюсь завоевать его. Кроме всего прочего — он мне единственный здесь советчик до приезда Владыки.

Теперь Канны. Я езжу туда один, кроме обычных служб провел одно погребение и венчание. Понемногу, но это кое-

что дает: прибл<изительно> за 3 недели я получил там около 300 фр. С требами здесь дело стоит так: так как я не участвую в кружке, то все, что мне дают за требы (кроме исповеди), я передаю протодиакону. На всякий случай я записываю свои требы, если бы Владыка по приезде поинтересовался моей работой здесь за его отсутствие. Бывают случаи, и не редко, что просят именно меня о молебне или панихиде, но это дела не меняет, раз я служу в Церкви, да еще с псаломщиком. Спасибо за советы об исповеди и канонах. По-прежнему бывают очень утешительные случаи, но бывает и очень трудно — окаменелые сердца, с которыми ничего не поделаешь, в один прием, по кр<айней> мере. Все больше убеждаюсь, что работа в Церкви не терпит совместительства, может быть, на первых шагах, когда только укореняешься в новом и все иное очень мешает. Это иное — уроки, Лицей, педагог. Советы, административная работа: очень меня тошнит от всего этого.

Ваши парижане — о. Григорий¹⁰ и Кунцевич¹¹ — чувствуют себя недурно и находятся, по-прежнему, в полной неизвестности о своей судьбе. Каннский приход, действительно, на редкость запущенный. Оказывается, напр<имер>, что у них правило — летом не служить всенощной, а прежде так и просто церковь запиралась на все лето от Троицы до Рождества Пресвятой Богородицы. Служба максимально сокращается. Владыка за свое краткое пребывание ввел много хорошего, но я как-то не чувствую своего права хозяйничать в чужом приходе, да твердости у меня нет в богослужении. О. Григорий может вернуться очень скоро, семья его на днях уже переезжает, по слухам.

Все это — внешнее. О внутреннем писать сейчас трудно: плохо спал, больна девочка и сейчас без перерыва плачет — мыслей не собрать. Муся очень устает с детьми, по целым дням одна дома: особенно — когда я уезжаю. Вообще, эта сторона очень трудна. Но службой в храме это все покрывается во много раз, настолько, что я часто чувствую недостаточное число благодарственных молитв у себя в молитвеннике.

Привет Вашей семье.

Ваш недостойный иерей

А. Е.

15/28. XI. 1926. Paris. Сергиево <подворье>

Дорогой о. Александр!

Скорблю за Вас, что Вы терпите утеснение в своей среде, но не удивляюсь, п. ч. этого ожидал (не удивляюсь перемене в облике о. Вл., «футляр» еще не есть духовное достижение, а с др<угой> ст<ороны>, искушения ревности алтаря вообще как-то велики). Желаю Вам того, что в условиях эмигрантской жизни трудно ожидать: самостоятельного прихода и храма, иначе время останется позади, ведь, в сущности, я и сам все время нахожусь в таком же положении. Однако, если Вы будете иметь хоть один литургийный день, надо благодарить Господа. Вы его очевидно будете иметь. Поздравляю Вас с радостью выздоровления Наташи. Т. Вл. выдаю — чаще в церкви, или у нас в доме. Наташа подросла, и я с нею потерял контакт, вследствие перехода ее во франц. подданство, из которого она, впрочем, уже возвращается (я говорю о языке). <нрзб.> Ваша еще не являлась. Для меня каждый такой случай есть, конечно, новое обременение, однако, если найду, что я могу быть ей нужен, я от нее не откажусь. Но следует ли начинать именно с меня? Решайте сами.

Относительно занятий Ваших думаю, что Вам всего естественнее заняться вопросами литургического богословия. У Вас в Ницце есть ценнейшая серия — «Прибавления к твор<ениям> св<ятым> отцов» за все годы, и там есть ряд ценнейших монографий, и в частности, переводы свв. Максима, Николая Кавасилы, арх. Симеона Солунского, Дионисия Ареопагита, литургического содержания, том III и др. Кроме того, есть, кажется, и «новая скрижаль». Проштудируйте хотя о литургии и напишите доклад. Я думаю, что это и всего удобнее. Но, кроме того, там и ценнейшие монографии на разные темы. Если еще у Вас есть «Собрание древних литургий» и «Догматическое богословие» м. Макария и еп. Сильвестра, то Вы имеете достаточно материала для литургических докладов. Если Вы захотите работать по своей специальности — рус<ской> церк<овной> истории, то тоже есть книга истории старообрядчества, только не запропадите по пути в трясины евразиятства, от которого храните и молодежь свою.

Ваш собрат о. Господе прот. С. Булгаков

Не предстоит ли Вам быть в Париже на съезде духовенства в декабре?

14/27. I. 1927.

Дорогой о. Александр!

Приношу запоздалое поздравление Вам, Там. Вл. с новым годом. Я ездил в Лондон, вернулся больной (и еще не оправился) и здесь застал — отъезд еп. Венямина, после которого пришлось принять на себя бремя управления при самых трудных обстоятельствах. Вы понимаете, как угрожаемо теперь наше положение с разных сторон, но уповаем на милость преп. Сергия, если мы не недостойны. Поэтому и не ответил до сих пор и на Ваш вопрос, хотя о нем и думал. Вот некоторые из моих соображений. Чебовская Гимназия — лучшее место для применения Ваших пастырских и педагогических сил, я давно о ней думал. Но тут целый ряд серьезных сомнений. Во-первых, отвратительный климат, это в котловине, низко, сыро. Однако об этом нужно навести более точные справки на месте — я бывал только летом, мои впечатления — внешние. Во-вторых, и это еще важнее, «русская жизнь» в Чехии дышит на ладан. Конечно, это может протянуться неопределенное время, и Чебова, я думаю, закроется из последних, п. ч. доселе пользовалась особым покровительством правительства. Но заехать в Чехию, чтобы остаться на бобах, невыгодно. Для Там. Вл. будет не очень завидное соседство Праги, где она может пользоваться советами оч. живой и культурной княжны Яшвиль (в свое время близкой к Кондакову), указаниями Wundernd, а, действительно, много сведений накопившего в иконной области, Кирилла Каткова, и сверх того в библиотеке имеются издания по иконописи Кондакова, вероятно, много еще осталось, он мне показывал свои дивные коллекции еще при жизни. В этом отношении пустыни не будет, хотя в самой Чебове, вероятно, пусто. По моим сведениям, гимназия приходит вообще в упадок вследствие перемен в личном педагогическом составе. Но есть церковь, походного типа, посещается, правда, по наряду, но все-таки представляет собою великое благо. То, что Вам предлагает сам о. Ктитареv, означает, что сам он отсюда стремится, о чем и говорил. Но на это есть разные причины.

Надвигаются церковные потрясения. Л.А. Зандер¹² сказал мне утешительное о настроениях акад. Влад., не утешительное об остальном.

Господь да поможет Вам.

Л.А. с любовью говорил мне о Вашем пастырском деле, и мое сердце радовалось. На днях говорил о Вас с ... по поводу Льежа, но это для Вас не подходит. Будем ждать и надеяться.

Всем привет. Прошу молитв о моем недостоинстве и об обители преп. Сергия.

Ваш о Христе собрат прот. Сергей.

23. I. / 06. II. 1928. Paris

Дорогой отец Александр!

Относительно г-жи Андреевской было дело так. Меня просил по телефону М.М. Федоров¹³ с нею побеседовать, и я подвел ее в церковь прямо на исповедь после вечерни, предпочитая это разговору в кабинете. Она была в тяжелом, но на мой взгляд, не в безнадежном состоянии. Я с нею сначала дов<ольно> долго беседовал, причем оказалось, что она протестантка, хотя и готовая перейти в православие. Когда же я ей предложил сделать это немедленно (исповедь), а на следующий день миропомазание и причастие, то оказалось, что она уже связана с о. Георгием Сп.¹⁴, и он ей назначил присоединение только через неделю — не знаю, почему, — и мне осталось только остановиться перед *fait accompli*¹⁵, хотя сам я не стал бы откладывать. Больше я ее не видел, но при встрече с о. Сп. спросил, будет ли он ее присоединять. Он ответил, что да. Еще слышал, имею сведения, что о. Федор Андреев (б. ученик о. Павла), в Петрограде втайне сидевший в тюрьме, снова находится в угрожаемом положении. Из Москвы известия противоречивые и во всяком случае сложные.

Господь да благословит семью Вашу.

Прошу молитв.

Любящий Вас пр. С. Б.

10. X. 1928. Paris

Дорогой о. Александр!

Спасибо Вам за Ваше поздравление с днем ангела. Слышал о всех Ваших горестях, болезни мальчика, Т. Вл., вашей собственной, о которой вы и не упоминаете, и молился о всех вас. Я в Royat поправился, но начинаю быстро растрчивать свой запас. Каким вернулся еп. Владимир, который оставался

долго после меня? Мое время делится, как обычно, между приходом, Бог<ословским> инст<итут>, Движением и попытками научной работы, которая все труднее. Радуюсь, что Вы имеете утешение от священства, хотя и в величайших материальных стеснениях. Доверительно. О.П<авел> Ф<лоренский> летом «болел», затем переменил место жительства, но, по последним сведениям, как будто водворился на старое пепелище. Мне удалось кое-что посылать для его семьи случаем, п. ч. иначе это было бы неудобно. Об его духовном состоянии сведения, до меня доходящие, не вполне удовлетворительны, но отношусь к ним не без критики, хотя и не могу не считаться по их вескости. Ведь там приходит такое время, о котором сказано, что если бы не сократились дни те ради избранных, не спастись бы никому. А дни эти еще не сократились.

Да благословит Господь ваше переселение. Порядочно жаль не вашего лайтернского фонда с дежурной <нрзб.> и прочими приспособлениями, но этих чудных дорожек вокруг, которыми, впрочем, можно пользоваться только заезжим празднолобцам.

Привет Т. Вл. и всему Вашему семейству. Прошу молитв.

Ваш собрат о Господе, прот. С. Булгаков

VII. 1929. Chateau de Clausonne

Дорогой отец Сергей!

Спасибо Вам за дружеские и мудрые слова участия и утешения. Сидя здесь, далеко от всех, с братьями, я чувствую себя великолепно и забыл все огорчения этой зимы, Да и зимой — огорчало не столько неустройство моей священнической судьбы (я твердо верю, что она будет устроена, когда это будет угодно Богу), а человеческие страсти, лукавство, неправедность, ложь, которые вносятся в дело Божие. С о. Гр.¹⁶ у нас были прекрасные отношения, а сейчас они охладели; очень я боялся и за отношение ко мне Владыки, так что до сих пор не понимаю его отношения ко мне: мое прошлое, университет и т. д., но и мое поведение; я стесняюсь часто посещать Владыку, не начинаю сам никаких объяснений, мало вхожу в мелочи арх<иерейской> жизни, вероятно, во всем этом Владыко видит (справедливо) мою интеллиг<ентскую> гордость.

Относительно моего священнич<еского> положения, то оно совсем не так уж плохо (я вспоминаю, как было Вам тяжело в Праге). Его хорошая сторона — моя большая независимость, тяжелая сторона — что только небольшую часть своих сил я могу отдавать Церкви: почти все время идет на уроки, на работу, которая меня духовно не питает ничуть (кроме уроков *Закона Божьего*). Но и мое малое прикосновение к Церкви дает безмерно много, о чем я не перестаю благодарить Бога. В свое время Бог подпустит меня ближе к своему делу, если буду годен. Во вс<яком> случае, я боялся бы сейчас самостоя<ельного> церковного дела (настоятельства) и предпочитаю неопределенно долгое время работать под крылом Владыки, будучи свободен от канцелярии, церковного хозяйства, сношений с властями — на что я очень мало способен. Предел моих мечтаний быть вторым священником в Ницце, но только тогда, когда наш Архипастырь свободно этого сам захочет.

Несмотря на то, что, за исключением отдельных кратких моментов раздражения и уныния, Ваше письмо помогло мне — может быть, временно — стать на вполне объективную т<очку> зр<ения> и истребило в моей душе всякие признаки недоброжелательства к о. Гр.: его положение во всем этом деле много хуже моего, и его просто жаль.

Еще раз большое спасибо, дорогой о. Сергей. Привет всей Вашей семье. Не забывайте и нас в своих молитвах.

Недост. иерей

А. Е.

30. V. 1930. / 12. VI. 1930.

Дорогой о. Александр!

Спасибо Вам за Ваше письмо. Конечно, тема его не такова, чтоб обсуждать ее тростию книжника скорописца, но устами и устами, хотя во время Клермона Вы меня не застанете. Я там не буду, и, вероятно, уже уеду для летнего лечения в Royat. У каждого свое искушение, а Ваше в том, очевидно, что святость соединяется с обывательством и наивностью. Как же прошло приходское собрание? Сказать между нами, я считаю более 50% за то, что в конце концов о. Гр. окажется в Серг<иевском> подв<орье> и м. б. моим настоятелем, если осуществляются одни предположения и не осуществляются другие. Но м. б. я слишком

дерзновенно проникаю в будущее и во владычную психологию. Я же предпочитаю смотреть действительности в глаза, чтобы не растеряться. Но мне, конечно, легче, чем Вам, п. ч. есть куда уйти — в область мысли, созерцания, своей собственной работы и <нрзб.> к инославным христианам (я не говорю, что само собой разумеется, т. е. к автору). Конечно, Вы это «уйти» поймете правильно, т. е. психологически, а не догматически. Очень тяжелые вести идут из России, даже кроме печатных. Об о. Павле сначала прошел слух, что он умер. Я проверял, хотя и не верил. Слух опровергнут, но его материальное положение за последнее время ухудшилось. Из Вашего письма вижу, что Вас теперь ждут на епархиальное собрание, после которого предполагаю отсюда смыться. Тем не менее надеюсь так или иначе увидаться с Вами в течение лета. Господь да благословит Вашу семью. Знаю, что вы имеете переписку с Ел. Ив. об ее протееже, оч. достойном, как Вы, вероятно, и заметили. Прошу передать прилагаемую записку Т. Вл.

Любящий Вас прот. С. Булгаков.

P.S. Очень жалею, что Вы не были на съезде православной культуры. Конечно, он может иметь сейчас лишь демонстративное значение, но демонстрации нужной и важной.

08. VI. 1933.

Возлюбленный о Господе о. Александр!

Мне было, конечно, особенно дорого Ваше слово дружбы и любви в день 15-летия со дня моего рукоположения, превращенный друзьями моими в своего рода «юбилей», потому что мы связаны не только личной дружбой, но и прошлым — Москвой, и в частности любовью к нашему общему другу о. Павлу, который не только присутствовал при моем рукоположении, но и учил меня служить и совершал со мной первые литургии. Сердце сжимается при мысли о том, что тиски советской жизни лишают практически его священства, хотя я по-прежнему сохранил веру в него и думаю, что если бы мы встретились, то до конца друг друга поняли. Мы же здесь невозбранно священствуем не в силу исповеднического подвига, но лишь по милости Божией и снисхождению к нашей немощи. Но будем эту милость принимать в смиренности и благодарении, как я принял и Ваш привет. Я сразу не

заметил, что Вы хотите его оглашения, и оставил его у себя, а после не пожалел, п. ч. Вы взяли там столь высокую ноту, что было трудно ей соответствовать.

Обнимаю Вас. Передайте Т. В. и деткам мой привет и благословение.

Не сообщите ли Вы мне адрес той деревни невядалеке от Парижа, где Вы несколько лет назад отдыхали вместе с Там. Вл. И тогда это место очень хвалили за его красоту и дешевизну.

Любящий Вас прот. С. Булгаков

Не будете ли на епарх<иальном> съезде?

Открытка

09. VII. 1930.

Дорогой о. Александр!

Только приехав сюда, могу хоть кратко отозваться на Ваши строки после кошмарного времени Епарх<иального> съезда. Надо ждать впереди много скорбей, трудностей и новой смуты, в которой сами же виноваты. Мне совсем не пришлось разговаривать с вл. В., только об общих делах. Судя по Вашему рассказу, я, конечно, Вам не не доверяю, но чувствую, как многое на обоих сторонах преувеличивается сторонниками, и вносится соблазн. Вообще же, как и желаю и себе, и Вам, нахожу, что надо оставаться собою во что бы то ни стало, но и нести свой крест <нрзб.> ни в какое коварство, в чем да поможет нам Всемудрость Божия.

Любящий Вас пр. С. Б.

Я желал бы видеть Вас работником Движения, но нахожу, что при данных условиях предложение принять нельзя.

Открытка

12. IV. 1933

Христос воскрес. Приветствую дорогих о. Александра, Тамару Вл. со чада их со Светлым праздником, шлю любовь и благопожелания. Бесконечный должник Ваш по переписке, но ныне все простим и друг друга обьемем. Поздравляю и с новым назначением в храме, что было для нас радостью. Преданный Вам

Пр. С. Б.

Открытка

12/25. VII. 1933.

Дорогой о. Александр!

Приветствую Вас со днем Вашего рукоположения и делаю это с особым удовлетворением ввиду того, что Вы теперь имеете священническое место. Конечно, это много меньше того, что нужно, но приходится довольствоваться хоть небольшим. Грустно было, что Вас не было на съезде. Кроме того, что всегда бывает и чего ради не следовало приезжать, было несколько пастырских и более жизненных и нужных встреч. Да и вообще личные встречи и общение нужны. У меня лично снова были тяжелые, чтобы не сказать безнадежные, впечатления от епископата, кроме м<итрополита>, который, пока жив, дает жить другим, это не ново, но от того не менее страшно, приходится смотреть в лицо и трагедии.

Я отдыхаю в глуши эльзасской деревни, здесь уютно и уединенно. Стараюсь работать, поскольку слушаются старые мозги, неизвестно откуда прошел слух о смерти о. Павла. Я не верю, мне из Москвы об этом непременно написали бы, тем не менее послал запрос. А вот известно ли Вам, что В. Свентицкий¹⁷ действ<ительно> умер в ссылке в Сибири, и будто бы перед смертью примирился с м<итрополитом> Сергием?

Желаю Вам священствовать многие лета, шлю привет и благословение Там. Вл. и всем чадам. Обнимаю.

Любящий Вас прот. С. Булгаков

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Владыка Владимир, в миру Вячеслав Михайлович Тихоницкий, родился в 1873 г. в Вятской губернии, умер в 1959 г. в Париже. С 1925-го по 1956-й архиепископ в Ницце. В дальнейших письмах упоминается как «владыка», без имени.

² Митрополит Евлогий (Георгиевский), родился в 1868 г. в Сомово, Тульской губернии, возглавлял русские приходы в Западной Европе с 1920 г. Упоминается и далее как «митрополит».

³ Великий князь Николай Николаевич (младший) (1856, Санкт-Петербург — 1929, Антиб, Франция) владел имением «вилла Тенар» с домовою церковью близ Антиба, где проводил часть года с 1922-го по 1929-й.

⁴ Ковалевский Евграф Петрович (1866, Санкт-Петербург — 1941, Медон, под Парижем), юрист, государственный, церковный, общественный деятель, в эмиграции один из учредителей Медонского братства.

⁵ Там. Влад. (так упоминается и далее) — жена о. Александра — Тамара Владимировна Ельчанинова, урожд. Левандовская (1897–1981, Париж), иконописец. Дети: Наталия (1920, Тифлис — 2001, Париж), Кирилл (1923, Ницца — 2001, Париж), Мария Струве (род. в Ницце в 1925). В следующих письмах о. Александр упоминает свою жену под ласковым прозвищем Муся.

⁶ Жена о. Сергия Булгакова, урожд. Токмакова (1868–1945), автор исторической повести «Царевна Софья».

⁷ Влад. Вениамин (Федченков) (1880, село Вяжли, Тамбовск. губ. — 1961, Печора, Псковской области), инспектор Св.-Сергиевского богословского института с 1925 г. по 1927 г., затем, после отъезда в Сербию, с 1929 г. по 1931 г., перешел в Московскую патриархию.

⁸ Письмо написано уже после рукоположения отца Александра: 25 июля он был рукоположен во диакона, а 28 июля во священника, рукоположение совершил архиеп. Владимир в Ниццком соборе.

⁹ О. Николай Подосенов (1870, посад Нёнокса, Архангельск. губ. — 1941, Ницца), настоятель Св.-Николаевского прихода в Ницце с 1922 по 1925 г., был уволен за штат за неустойчивость в приходе, а позже перешел от митрополита Евлогия в юрисдикцию РЗЦ (1927).

¹⁰ О. Григорий Остроумов (1856, с. Дубровка, Калужск. губ. — 1947, Канны, Франция), строитель и первый настоятель храма архистратига Михаила в Каннах (1895–1947), первоначально состоял в клире митр. Евлогия, но затем перешел в юрисдикцию РЗЦ (1927).

¹¹ Неустановленное лицо.

¹² Зандер Лев Александрович (1893, Санкт-Петербург — 1965, Париж), философ и богослов, церковно-общественный деятель, долголетний секретарь РСХД, доцент, а затем профессор Св.-Сергиевского богословского института, близкий ученик о. Сергия Булгакова.

¹³ Федоров Михаил Михайлович (1859, Бежецк — 1949 Париж), государственный и общественный деятель, в эмиграции создал комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству, в Париже организовал студенческое общежитие и при нем храм прп. Серафима Саровского, ныне еще существующий.

¹⁴ О. Георгий Спасский (1877, Гродненская губ. — 1934, Париж), с 1923 г. священник Александро-Невского собора в Париже.

¹⁵ *fait accompli* (*фп.*) — свершившийся факт.

¹⁶ О. Григорий Ломако (1881, Екатеринодар — 1959, Париж), благочинный приходов на юге Франции с 1928 г. по 1948 г., один из главных притеснителей о. Александра Ельчанинова.

¹⁷ Валентин Павлович Свенцицкий (1881, Казань — 1931, Канск, Восточно-Сибирский край), протоиерей, проповедник, христианский мыслитель, писатель и богослов, деятель Иосифлянского движения. Был членом Московского религиозно-философского общества. Перед смертью примирился с митрополитом Сергием.

Письмо протоиерея Сергея Булгакова митрополиту Евлогию

Благодарственное письмо было написано на следующий день после Духова дня, в который о. Сергей Булгаков отмечал годовщину рукоположения. В этот день ему был выдан диплом доктора *honoris causa* Богословского института преподобного Сергия в Париже. Диплом сопровождался поздравительной грамотой митрополита Евлогия (Георгиевского), которая не сохранилась. Ответ о. Сергия Булгакова свидетельствует о его доверительных отношениях с митрополитом Евлогием и о близости их взглядов на церковную жизнь и место, которое должно занимать в ней богословие. Слова о. Сергия Булгакова об «искренности и свободе православной мысли» перекликаются с известным исповеданием веры в свободу Церкви, которое мы находим в заключении книги воспоминаний митрополита Евлогия «Путь моей жизни»: «В рамках церковных догматов и канонов свобода Церкви есть основная стихия, голос Божий, звучащий в ней: можно ли его связывать, заглушать? Внешняя связанность и подавление этого голоса ведет к духовному рабству. В церковной жизни появляется боязнь свободы слова, мысли, духовного творчества, наблюдается уклон к фарисейскому законничеству, к культу формы и буквы — все это признак увядшей церковной свободы, рабства, а Церковь Христова — существо, полное жизни, вечно юное, цветущее, плодоносящее... <...> Самая упорная борьба всей моей жизни была за свободу Церкви. Светлая, дорогая душе моей идея... Церковное творчество есть высший показатель церковной жизни, ее развития, расцвета. Истину Христову я привык воспринимать широко, во всем ее многообразии, многогранности. Узкий фанатизм мне непонятен и неприятен. Вне церковной свободы нет ни живой церковной жизни, ни доброго пастырства. Я хотел бы, чтобы слова о Христовой свободе запали в сердца моих духовных детей, и чтобы они блюли и защищали ее от посягательства, с какой бы стороны угроза ни надвигалась, памятуя крепко, что

духовная свобода — великая святыня св. Церкви» (Париж: Имка-пресс, 1947. С. 651–654).

АНТУАН НИВЬЕР

2/15. VI. 1943

Ваше Высокопреосвященство, возлюбленный и дорогой Владыко!

Меня до слез тронуло отечески любящее письмо, от Вас мною ныне полученное, но написанное в день Св. Духа, когда я славлю Господа за милость Его, в иерейском рукоположении мне данную. Никогда не престану славословить этот дар и эту радость трепетную сего служения, хотя все свое недостоинство его всеми силами души исповедую. Ни на что в жизни его не променяю, хотя и все более уходят от меня его силы и возможности. С благодарением приемлю и те испытания, которые естественно встречались на моем жизненном пути, но можно ли даже говорить о них пред лицом бед, которые столь многих ныне постигают. Но не отрицаюся Креста Господня...

Сегодня я прежде всего чувствую потребность благодарить Вас как своего канонического главу и ректора нашей Духовной Академии за ту высокую степень, которую я получил в день 25-летия своего священства, вместе с всей братией моей, явившей тем образ жития вкупе. Исповедую снова, что все богословствование мое, на непререкаемость коего я никогда не притязал и не притязая, рождалось пред престолом Господним и хотело быть искреннейшим, если даже и дерзновенным, славословием Господу в меру сил, мне данных.

Если оно и оказывалось для некоторых пререкаемым, то все же я вижу в нем исповедание своего долга служения Церкви и призвание к тому. Тем не менее, по воле Божией, находясь под Вашим церковно-каноническим водительством, я сознавал и сознаю, в какие сложные и трудные положения я через это его поставлял. Однако радуюсь даже и об этом, ибо чрез это жизненно свидетельствуются та искренность и свобода православной мысли, которая, под Вашей защитой, составляет духовную доблесть «Парижского богословия». Милостивым актом внимания к моему богословскому труду

Вы ныне, вместе с дорогими моими собратиями, пред лицом христианского мира в сей день Св. Духа подтверждаете Его веление: Духа не угашайте, ибо где Дух Господень, там свобода.

Поэтому, при всем глубоком сознании своего недостойства, что я не мог бы получить в этот день лучшего привета, нежели это признание правомерности моего богословского труда на ниве церковной, приношу благодарение за Ваше благословение на светлый и тихий вечер жизни, в котором совершится воля Его в прочее время живота моего.

С любовью и почитанием Вашего Высокопреосвященства послушник прот. С. Булгаков¹.

Публикация Антуана Нивьера²

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из Архивов Епархиального Управления Русского Экзархата в Западной Европе (Константинопольский Патриархат), фонд Духовенство, дело о. С. Булгакова, 2 л. и об.

² Перевод на французский язык этого письма был опубликован в 158-м номере французского православного журнала *Le Messager Orthodoxe* с подробным комментарием Антуана Нивьера. Мы публикуем комментарий в виде вступительного слова в сокращенном виде в переводе Даниила Струве (*Ред.*).

Шавильский съезд РСХД

В данном номере «Вестника» на суд читателя представлены материалы по истории Русского Студенческого Христианского Движения, которое до сих пор остается малоизученным. Впервые публикуются материалы Православного съезда в одном из пригородов Парижа, Шавиле, состоявшегося в начале мая 1933 года. Материалы Съезда являются не полным сборником докладов, а лишь их конспектом, что не позволяет полностью проследить ход мысли докладчиков и даже, возможно, упускает из виду важные моменты.

7 страниц машинописного текста принадлежали Николаю Тимофеевичу Беляеву (1878–1955), двоюродному брату последнего военного министра Российской империи Михаила Алексеевича Беляева. Конспект Съезда был подготовлен старостой церкви Державной иконы Богоматери в Шавиле С. Любимовым и выслан Беляеву 27 июня 1934 года. В то время церковь располагалась еще во временном вагончике и была крайне бедна. Спустя несколько лет силами русской колонии в Шавиле будет построен каменный храм. Конспект был послан Н.Т. Беляеву в дар за некую книгу, присланную им старосте. В своем письме от 27 июня 1934 года Любимов пишет: «Прилагаю записанный мною конспект лекций Шавильского Православного съезда. Это один из видов деятельности нашего прихода».

Здесь стоит отметить, что данный Съезд был организован РСХД в рамках работы Движения с приходами. Об этом пишет секретарь РСХД (до 1935 года) во Франции Федор Тимофеевич Пьянов. В своем отчете о деятельности Движения за 1933 год протестантскому теологу Фрицу Либу (или, как его называли в эмиграции, Федору Ивановичу), написанном 29 марта 1934 года, Ф.Т. Пьянов пишет о том, что было проведено всего три таких съезда: один из них прошел в Шавиле, а два других состоялись в Клиши и Кнютанже. По словам Ф.Т. Пьянова, эти съезды были настоящим событием для русских рабочих.

Данный съезд был организован для союза, «который объединяет работников всех профессий», — пишет С. Любимов. Данный союз находился непосредственно в Шавиль-Велизи

и вел активную деятельность, добиваясь защиты правовых интересов рабочих у французских властей.

Особо стоит отметить, что несмотря на местный характер мероприятия, в нем приняли участие виднейшие деятели как русской эмиграции, так и Движения. Среди них профессор В. Зеньковский, диакон и врач Л. Липеровский, настоятель церкви в Бийанкуре протоиерей Иаков Ктитарев, протоиерей Сергей Булгаков и протоиерей Сергей Четвериков.

Публикация данных материалов проливает свет не только на деятельность вышеупомянутых лиц, но и на связь РСХД с «Русским рабочим союзом во Франции», а также является уникальным материалом по истории русской эмиграции, ее философской и религиозной мысли.

ВИКТОР ЩЕДРИН

Христианское строительство

*Конспект лекций,
прочитанных на первом православном съезде
в Шавиле 6 и 7 мая 1933 года
(Chaville, май 1934)*

Тема: «Христианское строительство»

Епархиальный Съезд, состоявшийся в Париже 9–14 июля 1933 г., выслушав доклад о Православном Шавильском съезде, постановил: признать, что одною из форм религиозно-нравственной работы в приходе может быть организация, по примеру Шавиля и Клиши, Православных дней, т. е. устройства докладов на религиозно-нравственные темы в храме или вне храма после богослужения, которыми должны начинаться эти дни (Церковный Вестник Западно-европейской Епархии, Август-Сентябрь 1933 г., № 8 и 9, с. 20).

1. Проф. В.В. Зеньковский: «Церковь и мир»

В наше время мир, даже так называемый христианский мир, далеко отошел от Церкви. С одной стороны, этот от-

ход совершается явно в лице атеистов. Но и там, где нет атеизма, мы видим отрыв от Церкви, образование так называемой «светской культуры», которая живет и развивается в Церкви.

До известной степени культура, действительно, может развиваться отдельно от Церкви. Сферы культуры могут обслуживаться, не без успеха, людьми, совершенно отошедшими от Церкви. Но если взять и тех, кто работает на поприще культуры и сохранил связь с Церковью, оказывается, что их деятельность, их творчество не связаны с религией, которая постепенно вытесняется из всех областей жизни.

Всех нас так или иначе коснулось это разделение. Каждый из нас находится как бы в двойном подданстве; Церковь мы вспоминаем в отдельные минуты, по особым случаям, а остальное время жизни протекает вне Церкви. В этом и заключается трагичность современного положения.

Развитие европейской истории шло под знаком свободы, но идея свободы по существу обосновывается лишь в христианстве. Истинная свобода дается лишь Христом, а отойдя от Церкви, люди всегда оказываются в плену у культуры. Теперь человеческая душа целиком скована постоянными житейскими заботами, зависимостью от техники, жадной развлечений, потребностью комфорта. И труд ради достижения этих благ становится бесцельным, ибо то, для чего создан человек, его дух — пленен.

Итак, личность не выигрывает от могущества культуры, она связана. Чем дальше продвигаемся мы по лестнице культуры, тем яснее сознаем, что нам надо что-то другое. Истинная жизнь есть жизнь духа, а современная культура дает лишь мнимое питание духу, ибо в ней нет связи с Церковью.

Тема Съезда может быть выражена так: как, не отрицая культуры, одухотворить, охристианизировать ее?

Трудность христианского строительства заключается в оторванности творчества, культуры от Церкви. Да и сам церковный народ имеет раздвоенность — отдельно Церковь и отдельно жизнь.

Как же осуществить христианское строительство? Ответ кратко может быть сформулирован так: нужно, исходя из Церкви, строить «островки», «оазисы» православной культуры, т. е. связывать реально Церковь и культурное творчество.

2. О. диакон д-р Лев Липеровский

Что такое церковное строительство? Церковное строительство — это созидание общей жизни из живых душ христианских. Души христианские суть те «живые камни», о которых Св. Ап<остол> Петр говорит в своем послании и из которых заповедует строить «дом духовный». Вот его слова: «...и сами, как живые камни, уставляйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом» <1 Пет. 2, 4>.

Но нам нужно по силе возможности строить храмы и, как постройки вещественные, они должны быть внешним выражением нашего духовного горения и любви к Богу. Современная жизнь и даже природа отвлекают человека от Солнца Правды. Стены храма отделяют человека от суеты жизни и дают возможность сосредоточиться.

Всякое творчество должно быть духовным. Храм есть духовная постройка. Надо приступить к краеугольному камню — ко Христу, отречься от суеты жизни и мысленно следовать за Христом, Его жизнью, страданиями и воскресением — целью и венцом жизни.

Душа Закхей преобразилась, когда Христос посетил его дом. Человек корыстный в своей прежней жизни, он все отдал Христу. Такое же преобразование происходит и с грешной женщиной Марией, которой впоследствии первой является Христос по воскресении Своем.

Христианское строительство заключается в искании «живых камней» в своей душе и вокруг себя.

Общение со Христом должно быть и вне храма. А христианское строительство должно быть проявлено прежде всего в наших взаимоотношениях, в помощи друг другу. Не должно быть среди нас ни бедных, ни заброшенных, больных — им нужно братское утешение, братская помощь.

Христианское строительство должно быть в семейной жизни. Для этого надо черпать силы в храме. Семейная жизнь есть «малая церковь».

В личной жизни надо исповедовать и проповедовать имя Христово и словом, и делом. Жить свободными христианами в мире и соборности.

Мы должны помнить, что всякое материальное строительство прекратится. Все здания когда-то будут разру-

шены, так что не останется камня на камне, как это было с Иерусалимским храмом и с храмом Христа Спасителя в Москве, но «дом духовный», построенный из живых камней — веры и любви Христовой, — будет жить во веки веков в Царстве Божьем. К строительству Вечного Храма Вечному Богу мы и должны призывать друг друга.

3. О. протоиерей Иаков Ктитарев «Св. храм — средоточие христианской жизни»

Вся жизнь христианина проходит в храме и в атмосфере его воздействия. Все важнейшие моменты ее сосредоточены здесь. Церковь своею одушевляющею благодатью, как мать, вскармливает духовно человека, встречая молитвой и благословением рождение дитяти в первый день. На 8-й день ребенка приносят в храм, где его посвящают Богу и Пречистой Богоматери. С момента крещения и миропомазания он становится членом Св. Церкви. И в течение всей последующей жизни, вплоть до кончины, Церковь питает его духовно. Параллельно росту физическому идет рост духовный человека и его духовное питание. В Св. Таинстве Причащения укрепляется его юность. До 7 лет он причащается без исповеди. С 7 лет маленький человек чувствует разлад между своими духовными стремлениями и наследственностью греха. Под сенью храма и под покровом епитрахили духовника дитя вкушает сладость прощения и надежды на милосердие Божие. Незаметно проходит время. Юноша приводит в храм свою подругу жизни. Пред алтарем Господним священнослужитель в Молитвенном Таинстве брака благословляет их семейный союз. Как бы ни был силен и счастлив человек своими личными чувствами, он, тем не менее, ощущает потребность небесной помощи в священном союзе семьи... В течение жизни почти неизбежны болезни и недомогания. Храм и тут износит к одру болящего целительные молитвы и врачующее помазание Св. Елеем в Св. Таинстве Елеосвящения. Вся атмосфера храма наполняет сердце человека до кончины веянием Духа Божия, одухотворяет его быт, и по смерти, несмотря на его согрешения, молит Господа со Святыми упокоить, хотя в жизни, может быть, он и был далек от Церкви и огорчал ее непослушанием и равнодушием.

Вся обрядовая сторона храма: св. образа — Спасителя, Богоматери и Святых — все это включает в себе глубокую воспитательную силу. Св. иконы от слез и вздыханий молитвенных сами приобретают через взаимодействие благодати Божией силу врачевать, исцелять, поддерживать и укреплять. Хор, исполняющий церковные песнопения, возгласы священнодействующих, каждение, св. облачения, поклоны, коленопреклонения, благословения — все исполняет душу человека благоговением. Разделенные чувства молитвы в храме со своими единовверными братьями укрепляют одинокий дух человека, ищущего братского общения и понимания. Все праздники важнейшие овеяны глубокой духовной поэтичностью: Пасха — сколько радости и света в подготовке к светлому празднику в домах, в семьях, каким восторгом объаты все в светлую заутреню в храме, как торжественно настроены сейчас и за богослужением в святую ночь и в домашнем быту среди родных и близких! Рождество Христово — елки, приветствия и взаимные поздравления, — какая в них неувыдающая сила вечной радости воплощения Христа Сына Божия. Троица — травка, ветки, коленопреклоненные молитвы, одежды молящихся — светлые у женщин и детей, как все это украшает жизнь и одухотворяет быт!

Не только обрядовой стороной храма, но и творимой там молитвой, чтением Слова Божия, вечными образами Св. Евангелия насыщается душа человека. Проповедь в храме, среди богослужения, согретая молитвой, придает особый жизненный смысл церковному учительству. Не всякий и не повсюду этим св. делом заниматься может. Лишь преемники апостолов служители Церкви, епископы и священники, облечены правом учительства. Слово с церковного амвона всегда особенно действенно; порядок управления в церкви особенно жизненен, и только лицам, на то посвященным, должно принадлежать право управлять церковной общиной. Равно как и священнодействовать — не всем, кто пожелает, можно, но особо избранным и в Св. Таинстве Священства облагодатствованным лицам. Иначе войдет в христианское общество своеволие, хищение непринадлежащих прав, фанатизм, вражда к Церкви и самочинное отпадение от нее.

Не только жизнь отдельного человека совершается в главные моменты в храме, но здесь же творилась вся русская

история и культура. Страшный монгольский период был выдержан только с помощью Церкви. Митрополиты Кирилл, Петр, Алексей, Иона, преп. Сергей Радонежский в храме черпали силу служить сохранению национального духа в русском народе. В смутное время патриархи Иов, Гермоген в храме находили бодрость нести тяжкий крест святительства в смутное время. Кутузов, Суворов — подлинный героизм — воспитывались в храме или под сенью храма. Лучшие поэты — Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Гончаров, Достоевский — в лучших своих творениях овеяны Церковью и атмосферой храма. Крупные художники — Васнецов, Нестеров, композиторы — Чайковский, Глинка, Римский-Корсаков — из Церкви брали и для Церкви творили свои вдохновенные образы из красок и звуков.

Храм всегда был и навсегда останется средоточием духовной жизни русского человека и народа.

4. О. Сергей Булгаков: «Об иконопочитании»

Издавна существует вражда и ненависть среди протестантов и иконоборцев к иконопочитанию. В отрицании икон они ссылаются на вторую заповедь. В действительности, вторая заповедь запрещает поклонение изображениям лжебогов, идолов.

Их указание на то, что ветхозаветная Церковь не знала икон, также не есть довод против иконопочитания. Ветхозаветная церковь и не могла иметь икон, так как она только чаяла прихода Иисуса Христа. Изображение Святых было и в ветхозаветной Церкви — это храм<овая> скиния. Святая Святых там олицетворяла небо, а явные изображения Святых были заменяемы изображениями Ангелов в человеческом образе, лишь Ангелов, потому что истинный человеческий образ еще не воссиял в Богочеловеке — Христе.

Восьмой век в истории Церкви был веком споров об иконопочитании. Бога никто не видел, следовательно, и изображений Его быть не может, — утверждали иконоборцы.

Христос воплотился, вочеловечился, — возражалось на это, и если наше тело может быть изображено, то может быть изображено и тело Христа.

Далее иконоборцы указывали, что изображением человеческого образа Христа разделилась неразделимость в Нем — божественная и человеческая природа.

Здесь запутывается религиозная мысль. Каким образом, действительно, Бог может быть изображен в человеке? Ответить на это можно вопросом: «А каким образом Бог Иисус Христос мог воплотиться в человеческое тело?» Ведь оно олицетворяло и божественную природу Христа.

Наше человеческое тело являло образ Христа. Господь сотворил человека по Своему образу, он был затемнен грехом. Но он был в полной мере восстановлен в воплощении Иисуса Христа. Таким образом, божественный и человеческий образ в Господе — это один и тот же <образ>.

В Ветхом Завете не было допущено человеческого изображения Бога, так как истинный человеческий образ был потерян через грехопадение. Его обновил Иисус Христос. Образ человеческий свойственен и Ангелам. Духовный образ их сроднен ему (явление Ангелов в образе человеческого).

Подтверждением единства божественного и человеческого образа служат также явления Бога в человеческом образе в Ветхом Завете.

Если же божественный и человеческий образ один и тот же, следовательно, может быть изображен в человеческом виде и божественный образ Иисуса Христа.

Евангелие есть словесная икона Христа. Изображение изобразительным искусством есть икона. Церковь веками усвоила иконопочитание и тем самым засвидетельствовала его, а каждую икону Церковь именует, удостоверяет освящением. Святая икона стала поклонением для человека, но она является не только напоминанием; свести ее только на это было бы хулой на св. икону. Мы делаем в известном смысле отождествление иконы с Тем, Кто на ней изображен. Икона Христа есть Христос в иконе, но не Сам Христос, — иначе это было бы уже идолопоклонством.

Св. Дарам мы поклоняемся иначе и еще больше, чем иконам, ибо верим, что существенно и вещественно в таинстве имеет место присутствие Христа в Св. Дарах.

Можно ли молиться там, где почему-либо нет иконы? Конечно, можно. Богу надо поклоняться в духе и истине, но это не отрицает иконопочитания. Отвергающий иконопочитание отвергает тем самым и явление Христа во плоти.

Примечание: желающие познакомиться с вопросом об иконопочитании полнее могут обратиться к книге о.

С. Булгакова «Икона и иконопочитание». 1930 г. Издание УМКА-Пресс, 10, Б-р Монпарнасс.

5. О. протоиерей Сергей Четвериков: «Христианин в приходе»

Христианская жизнь имеет две стороны: личную и общественную, или соборную. Главной из них является личная христианская жизнь, заключающаяся в личном обращении человека к Богу, в личном союзе с Богом и выражающаяся, прежде всего, молитвой в глубине сердца, послушанием заповедям Божиим, освящением себя церковными таинствами.

Но Евангелие Христово говорит нам не об одной только личной религиозной жизни, но и о жизни соборной, общественной. Господь Иисус Христос учеников Своих учил считать друг друга братьями, любить друг друга и молился об их единении. В своих посланиях Св. Апостолы изображают христианскую жизнь не только как единоличное служение Господу, но и как жизнь соборную, как совместно осуществляемое служение Богу.

Начало соборной жизни положил Сам Господь Иисус Христос, собрав вокруг себя 12 Апостолов, но их соборная жизнь продолжалась и после Вознесения Господня (Деян. гл. 1). Жизнь же первых христиан осталась на все времена высоким образцом соборного осуществления заповедей Христовых (Деян. гл. 2).

Наши церковные приходы являются продолжателями дела первых христианских общин; тот же план лежит в основе их устройства, те же задачи стоят перед ними. Было время в истории русского народа, когда в церковных приходах действительно сосредотачивалась и процветала религиозная жизнь, а вместе с тем и все местное строительство общественной жизни. При храме устраивались помещения для общих праздничных трапез, а также для собраний, на которых решались церковные и общественные дела. Приход ведал делами взаимопомощи, призрения бедных, погребения неимущих, содержания и воспитания сирот. Приход наблюдал и за поведением своих членов; на общие средства содержались учителя; при церквях существовали библиотеки. Такова картина великорусского прихода.

Несколько иные формы приняла церковная жизнь на юге и западе России. Там огромное значение имели церков-

ные православные братства, которые возникли из праздничных собраний при храмах, но, имея большую внутреннюю спайку, совершали громадную духовную и культурную работу.

Но уже со времен Петра Великого жизнь русского народа сдвинулась с церковного основания. Церковный приход, который является основной клеточкой религиозного устройства общественной жизни, выпал из внимания образованного общества, а оторвавшись от прихода, общество потеряло духовную оседлость и устойчивость.

Церковный приход, т. е. группа людей, объединенных в вере, молитве и таинствах вокруг своего приходского храма, есть основная единица религиозного тела народа, и сюда должны быть направлены творческие силы православных русских людей. Для этого следует ясно сознать идею Прихода как соборного служения Богу в братстве и любви, полюбить эту идею и почувствовать ее своею жизненною задачею. Тогда явится и желание, и силы осуществлять эту задачу. Неважно, если идея приходского строительства захватит сердца лишь нескольких человек. Возле их дела, обычного и маленького, создается светлое, бодрое, радостное настроение общей церковной жизни и работы, и чувство своего единства и братства. А в этом и заключается самая сущность, самая душа приходского дела. И в него естественно и неизбежно будут вовлекаться и многие другие.

Наше беженское положение имеет много общего с положением первых христиан. Но у них тяжелые обстоятельства изгнания, труда, бедствия и нужды как бы помогали им чувствовать себя ближе к Богу и друг другу. Подлинным, с христианской точки зрения, злом нашей жизни является не столько ее убожество, сколько наши разделения и распри. И перед нами стоит задача, указанная нам Евангелием и Церковью, преодолевать эти разделения и распри через устройство братской христианской жизни около наших убогих по внешности, но сильных и крепких благодатью Божиею беженских храмов.

Возрождение церковных приходов есть основание религиозного возрождения и очищения русского народа, и, создавая здоровую приходскую жизнь здесь в эмиграции, мы делаем великое дело, может быть, самое нужное для нашей родины.

Публикация В. Щедрина

К 70-летию гибели матери Марии Скобцовой, мученицы Парижской: новые материалы

МАТЬ МАРИЯ (СКОБЦОВА)

Письмо к солдатам*

Мы, люди старшего поколения, не призванные активно участвовать в войне, всеми нашими помыслами и всем сердцем переживаем судьбу вас, нашей русской молодежи, находящейся в армии, стоящей перед необходимостью на своей собственной судьбе испытать все военные бедствия. У нас есть опыт предыдущей войны, который многих из нас научил просто и

* Публикуемый текст — первое (и единственное) сохранившееся письмо из серии «Писем к солдатам», написанных матерью Марией в первые дни Второй мировой войны от имени объединения «Православное Дело». Они широко распространялись в оккупированном Париже, как об этом вспоминает Доминик Десанти, участница французского Сопротивления, автор книги «Встречи с матерью Марией: неверующая о святой» (СПб.: Алетейя, 2011).

Содержание письма во многом перекликается с проповедью отца Сергия Булгакова «Русским воинам на день Рождества Христова» (1939), а также со статьями Н.Н. Алексеева «О сопротивлении при помощи силы» и отца Льва Жилле «Письма немецких пасторов из тюрьмы», появившимися в последнем номере «Нового Града» (1939, № 14), где сама мать Мария опубликовала очерк «Четыре портрета» о «неведомом миру чудовище, рожденном в насилии и крови великой войны».

Источник: авторизованная машинопись на бланке «Православного Дела», 2. л., подпись: монахиня Мария (от руки), заголовок: «Письма к солдатам. Письмо первое». *Архив С.В. Медведевой* (Париж). Публикуется впервые.

серьезно относиться и к современным событиям. Некоторыми мыслями по этому поводу мне хочется с вами поделиться и еще больше хочется услышать на них ваш отклик.

Внешние бедствия, причиняемые войной, достаточно очевидны, и я могу ограничиться только их перечислением. Война неизбежно дает большой процент смертей среди самых сильных и молодых, война дает инвалидов, калек, контуженных, нервных и т. д. Это все знают. Но очень мало обращают внимания на одно явление, сопровождающее военные действия, которое по своим последствиям нисколько не меньше, чем физическое уничтожение молодежи. А вместе с тем, может быть, единственное явление, против которого каждый призванный воевать может бороться силой собственного своего духа, силою своих убеждений, главным образом, силою своей христианской веры.

Я говорю о явлении, которое можно было бы назвать нравственной контузией, душевной контузией, причиняемой участием в войне. Воин не только подвергается смертельной опасности, — что для его души не так-то уж и опасно, — воин сам подвергает смертельной опасности других, и это именно то, что может оказаться самым страшным для его внутренней жизни. Мы по опыту прошлой войны знаем, как много людей вышло из нее нравственно искалеченными, потому что слишком легко отнеслись к сути воинского дела. В военном деле может быть доблесть, но не должно быть бравады; в военном деле эта доблесть должна сочетаться со смиренным сознанием своего греха и ответственности за чужие, такие же молодые жизни. Война, в первую очередь, тяжкий крест, который всей своей тяжестью ложится главным образом на плечи наиболее молодых и неопытных. Силу тяжести этого греха и силу чувства ответственности за суровый воинский подвиг очень часто заглушает будничная обстановка военной жизни — скука во время боевых передышек, скудность жизни, настроения более легкомысленных и веселых товарищей, жажда отличиться, показать себя. Все это естественно и неплохо, если наряду с этим есть желание хоть изредка, хоть на минуту остаться одному и углубиться в себя, и проверить себя, есть желание быть готовым на жертву, а не легкое отношение к тому, что на войне все позволено. О каждом из вас будет наша общая радость, если вы вернетесь невредимыми от пуль, но хочется пожелать

вам сохраниться не только от пуль, не только в вашей физической жизни, а и в жизни духа избежать той нравственной контузии, о которой я говорила. Борясь с врагом, старайтесь их любить, т. е. видеть в них несчастных, обманутых и заблудившихся людей. Гордитесь не своими подвигами, а степенью своей жертвенности. Берегите в себе внутреннего человека, подвергающегося гораздо более страшным испытаниям, чем человек внешний. Сохраните себя, сохраните чистоту вашей молодости, не отнеситесь к войне как к чему-то естественно-му, не примите ужаса и греха жизни за самое жизнь.

В войне есть с духовной точки зрения лишь одна положительная сторона. Она учит нас непрочности всякого земного благополучия и устройства, она как бы расплавляет души, окружая их совершенно непривычной обстановкой и небывалой страшной ответственностью. В каком-то смысле война есть ставка на сильного. К этой духовной силе, духовной ответственности хочется призвать вас и об этом хочется молиться, когда молишься за вас.

Есть еще одна особенность в вашем положении по сравнению с окружающими вас солдатами французами: они бьются за свою родину, — вы за чужую. Они связаны кровно с интересами своей страны, — вы можете принять их по убеждению, но кровной связи у вас с ними нет. Что же? Хорошо ли это или плохо? Облегчает ли это ваше положение или затрудняет? Думаю, что с точки зрения материальной и внешней это тяжело. Но если посмотреть на дело с иной точки зрения, если изнутри подойти к вашему положению, то основное, что в нем бросается в глаза, это то, что вы уже самим положением вашим поставлены так, что должны быть совершенно бескорыстны, — сама жизнь вам помогает быть бескорыстными, не искать своего, чувствовать гораздо больше свои обязанности, чем права, чувствовать силу своего служения, готовиться к жертве. И это есть то, на основе чего вам гораздо легче охранить себя от нравственной контузии, быть подлинными воинами духа, воинами Христовыми.

Вам действительно выпал тяжелый крест, и сурово даже то, что помогает нести его, — но Тот, Кто посылает Крест, даст вам силы достойно принять его.

«Этого всего в письме не изложишь...»

Репатрианты о матери Марии

В архиве московского Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына мною были выявлены два письма о матери Марии. Казалось бы, ничего нового об этом знаменитом человеке найти невозможно, да и сами письма небольшого объема. Однако ценность посланий заключается в том, что их авторы — репатрианты, приехавшие в СССР после Второй мировой войны.

Автор первого письма (Архив ДРЗ, Ф. 25, оп. 1, д. 73, лл. 8 об. — 9 об.) — Василий Федорович Шашелев, участник Первой мировой войны и Белого движения, галлиполиец. Во Франции примкнул к младороссам, участвовал в Сопротивлении в знаменитой Дурданской группе. После войны принял советское гражданство и был выслан из Франции; в СССР проживал в Тамбове. Ниже приводится выдержка из его письма, адресованного журналисту и историку Г.А. Нечаеву (дата: 3 декабря 1978 г.):

«К матери Марии я часто ходил (и жил близко) и всегда получал радость и удовольствие от бесед с ней. Кроме того, у нее работал поваром (в общежитии) Андрей Васильев с женой — мой друг и помощник в группе Дурданского Сопротивления. Во время ареста матери Марии мне пришлось их прятать. А арест ее не был “грозом среди ясного неба” — слишком смело она себя вела и слишком много разного народа было в ее общежитии. Я знал (из разговоров) что она и священник от. Дмитрий давали “справки” евреям, которых преследовали гитлеровцы, и многих она спасла.

У ней же в чуланчике стоял радиоприемник, и мы часто слушали Москву. Как раз вместе с матерью Марией мы слушали передачу о соединении наших двух фронтов в ноябре 1942 года под Калачом, и Вы не можете себе представить, как мы с ней ликovali, а потом передавали эту радостную весть всем своим друзьям — и русским, и французам.

К сожалению, у меня нет фотографии матери Марии, но ее портрет в моей памяти стоит, как живой, и жаль, что я не художник, чтобы сделать много зарисовок, которые хранит память».

Другое письмо принадлежит Николаю Алексеевичу Полторацкому (Архив ДРЗ, Ф. 25, оп. 1, д. 66, лл. 2–3), преподавателю, церковному деятелю, переводчику и участнику Сопротивления в Дурдане. После Второй мировой войны Н.А. Полторацкий уехал в Советский Союз, где преподавал в Одесской духовной семинарии. Письмо также адресовано Г.А. Нечаеву (дата в письме 16.01.1978, на штемпеле 18.01.1979):

«...я знал покойную мать Марию близко в том отношении, что очень часто ее видел и с нею встречался на докладах, собраниях и т. п. Был, конечно, я с нею и знаком. Знал я, и даже был в какой-то степени дружен, и с ее больной дочкой Кузьминой-Каваевой. <...> Но знакомство мое с м. Марией не было какой-то обычной работой. Никаких фактов из ее жизни, о которых Вам не известно, я Вам сообщить не могу.

Я мог бы скорее Вам обрисовать ее внутренний и внешний облик, дать почувствовать, что это был за человек. Но этого всего в письме не изложишь. Вернее, нужно излагать методом художественной прозы, а не протокольной записью.

Поэтому я думаю – все это Вам обрисовать при личном с Вами свидании».

Публикация Алексея Вовка

«В мире, но не от мира»*

Воспоминания о матери Марии Скобцовой связаны для меня с открытием православной Церкви, состоявшемся благодаря мыслителям, писателям, художникам, богословам русской эмиграции.

Наша первая встреча была, кажется, в Страсбурге, в начале 1930-х годов. Тогда еще простая мирянка, разъездной секретарь Русского Студенческого Христианского Движения, Елизавета Скобцова была приглашена Иностранным Содружеством — группой, объединяющей французских студентов-протестантов и православных студентов, стипендиатов разных факультетов, — русских, сербов, румын и болгар. Эта первая встреча стала началом дружбы. Чуть позже, в Париже, приняв православие, я вновь встретила Елизавету, уже ставшую матерью Марией. Она была дружна с отцом Львом Жилле, основателем первого православного франкоязычного прихода, в который входили мы с моим мужем Андре Бером. Этот приход под покровительством св. Женевьевы тогда не имел в столице постоянного места для богослужения, и в 1933 году службы Великого поста и Страстной Недели служились о. Львом Жилле в часовне общежития матери Марии на Вилла де Сакс в 7-м округе, частично по-французски, частично по-славянски. Под монашеским одеянием моя подруга оставалась прежней: полной идей и планов, стремящейся воплотить в жизнь то, что в других случаях могло бы остаться поверхностным религиозным витийством.

Связь продолжалась и когда профессиональная деятельность моего мужа вынудила нас обосноваться в Нанси. Мать

* Элизабет Бер-Сижель (Élisabeth Behr-Sigel) (1907, Schiltigheim — 2005, Épinay-sur-Seine), — православный французский богослов, автор книг об отце Льве Жилле («Монах восточной Церкви», Париж, 1993), о русских святых («Молитва и святость в Русской Церкви», Париж, 1950). Текст опубликован на французском языке в журнале *Contacts*, 1965, № 51, с. 178–193. По-русски публикуется впервые.

Мария всякий раз останавливалась у нас, когда посещала, по поручению митрополита Евлогия, нищие православные приходы, основанные для русских, работающих в шахтах и на сталелитейных заводах Лоренского бассейна. Со своей стороны, во время поездок в Париж я навещала ее на Лурмеле, где она основала новое общежитие. Я видела, как она возвращалась с центрального рынка с тяжелыми сумками, нагруженными овощами и фруктами для дешевых обедов. Я разделяла их трапезы. Мне была по душе деятельность созданного ею объединения «Православное Дело» в сотрудничестве с журналом «Новый Град» (близкого журналу *Esprit* Эммануэля Мунье), одной из вдохновительниц которого она явилась. Я видела в матери Марии пример *sequela Christi*¹, живущей в самом чреве городской жизни, в мире, но не от мира, вместе с людьми нашего века, внимательной к «знакам времен», — и одновременно укорененной в традиции Церкви — «Единой, Святой, Соборной и Апостольской». В эмигрантской церкви она мне казалась новой Иулианией Лазаревской, русской святой, которая сумела на заре нашего времени соединить мистическую молитву, призывание имени Иисусова с «таинством брата».

Разделенные Второй мировой войной (я находилась в «запретной» зоне), мы оставались духовно близки. Я знала, что мать Мария спасала евреев, которым угрожала депортация в лагеря смерти. Со своей стороны, я скромно участвовала в работе Сопротивления. До конца жизни я не забуду рискованный телефонный разговор (связь тогда прослушивалась), в котором, по просьбе одного русского приятеля еврея, я просила ее попытаться спасти ребенка, оказавшегося на оцепленном нацистами зимнем велодроме в 1942 году. Она согласилась, пообещав сделать все возможное. Насколько я знаю, малыш был спасен.

Позднее я узнала об ее аресте, депортации в концлагерь Равенсбрюк, о ее мученической смерти и о свидетельстве христианской любви перед лицом нацистского варварства. Воспоминания о матери Марии сопровождали меня на протяжении всей моей жизни. По выражению моего друга отца Льва Жилле, она была «современной православной святой», сияние которой превосходит канонические пределы Православной Церкви. Ее героизм признают наши братья

католики и протестанты. Ее образ нашел свое место в труде Вселенского Собора церквей, посвященного «первоподвижникам христианского примирения»².

Канонизируя мать Марию Скобцову, Православная Церковь засвидетельствовала бы, что в мрачном XX веке в ней присутствовал и действовал творческий и животворящий Дух Святой³.

Пер. с фр. Т. Викторовой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ sequela Christi (лат.) — следующая за Христом.

² Ecumenical Pilgrims, edited by Ion Bria and Dagmar Heller, W.C.C. Publications, Geneva, 1955, p.216–220.

³ Канонизация матери Марии Константинопольским Патриархатом состоялась в январе 2004 года.

В МИРЕ КНИГ

Протопресвитер Николай Афанасьев. Церковь Божия во Христе: Сборник статей. Сост. А.А. Платонов и В.В. Александров. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. — 704 с.

Издание в России произведений богословов русской эмиграции по нынешним временам не такое уж частое явление. И дело не только в том, что, с одной стороны, все уже издано, а с другой стороны, православный книжный рынок переживает кризис. После массовых публикаций 1990-х — начала 2000-х годов у немалой части православной аудитории ученический пиетет исчез, и период учебы у «парижан» показался законченным. Не была ли, однако, эта смена настроений преждевременной? Ведь по прошествии более чем 25 лет после освобождения Русской церкви от гнета государства самостоятельная богословская мысль в постсоветских православных странах еще далека от расцвета, а потому скромное ученичество у богословов русского зарубежья по-прежнему уместно.

Отцу Николаю Афанасьеву принадлежит одно из первых мест в ряду наших «парижских» учителей. Он был одним из самых оригинальных богословов современности. В своих работах он предпринял попытку радикального пересмотра православной экклезиологии на основе предания Древней церкви. Его влияние на богословие XX и XXI столетий значительно. Лишь он, наряду с о. Георгием Флоровским, создал богословское направление в православии. Конечно, «евхаристическая экклезиология» о. Николая не так многолюдна, как «неопатристический синтез» о. Георгия, но по-своему влиятельна. Идеи Афанасьева, например, оказали самое сильное богословское влияние на о. Александра Шмемана. Шмемана можно без преувеличения считать учеником Афанасьева.

Его «Евхаристия» — один из лучших плодов евхаристической экклезиологии. Православная церковь в Америке, автокефалия которой пробила крупнейшую до сих пор брешь в системе пятнадцати «братских автокефальных церквей», не была бы тем, что она есть сейчас (а возможно, ее и вообще бы не было), если бы Шмеман и Мейендорф — пожалуй, главные творцы этой автокефалии — не были учениками Афанасьева.

Вышедшая книга, хотя и названа просто «сборником» в подзаглавии, близка по охвату к полному собранию статей: за ее пределами остались лишь 2–3 французские работы о. Николая, одна немецкая, да несколько его ранних очерков. Эти не включенные в сборник работы составляют ресурс для возможного второго издания. Несколько «программных» статей Афанасьева впервые переведены на русский (большинство переводов сделано московским священником Филиппом Парфеновым). Среди них пространная работа «Церковь, председательствующая в Любви», которая принесла о. Николаю широкую международную известность и послужила, быть может, одной из главных причин приглашения его на II Ватиканский собор в качестве наблюдателя. Другая важная статья, впервые появившаяся по-русски, — «Церковь Божия во Христе»; она-то и дала название всему сборнику. В ней Афанасьев развивает свою «основную интуицию», из которой, как из корня, произрастает все его богословие.

Главная цель сборника — сделать работы Афанасьева доступнее, собрать под одной обложкой то, что было раскидано в основном по труднодоступным и малотиражным эмигрантским изданиям. Сборник представляет собой как бы третью главную книгу о. Николая: первые две — «Церковь Духа Святого» и «Трапеза Господня»; каждая из них уже издавалась в постсоветских странах (в России, на Украине и в Латвии) по 2–3 раза.

Можно предвидеть, что сборник не будет легким чтением. Прежде всего, потому что читатель столкнется в нем с подлинной богословской мыслью, а она требует усилий, чтобы понять ее. Кроме того, книга отражает весьма высокий уровень богословской культуры и требует некоторой, хотя бы небольшой исторической эрудиции, ведь и в богословии Афанасьев был, по его собственному признанию, «историком и, прежде всего, историком». Далеко не всегда мысли,

которые найдет читатель в книге, совпадают с написанным в семинарских учебниках. Статьи о. Николая содержат немало идей, которые не были развиты им подробно, но лишь намечены. В качестве яркого примера назову его идею пересмотра господствующих представлений о том, как соотносятся служения епископа и пресвитера (статья «Церковь, председательствующая в Любви»). Связанная с этой идеей дискуссия о соотношении прихода и епархии уже была предложена Афанасьевым раньше, в его книге «Трапеза Господня». Осмысление этих и подобных идей — именно то, что нужно для продолжения богословской мысли. Мысли, которой православие, слишком привыкшему (впрочем, часто лишь для видимости) боязливо ссылаться на «отцов», так остро не хватает. В смелости же и самостоятельности мысли Афанасьеву не откажешь.

Виктор Александров

Жизнь и призвание доктора Манухина. М.: Русский путь, 2015. — 552 с.

Когда упоминают тех, кто спас сотни жизней, то такой список всегда кажется неполным. В дополнение к Раулю Валленбергу, Нансену или Александре Толстой иногда называют Максима Горького. Все-таки буревестник революции спас от гибели ряд российских интеллигентов во времена революции. И одним из вырученных им был человек, благодаря которому также выжило множество людей. Иван Иванович Манухин.

Основоположник радиобиологии, врач, иммунолог, изобретатель сыворотки от сыпняка, ученик Сергея Боткина и Ильи Мечникова, он вылечил Горького от туберкулеза. Знаменитый писатель практически умирал на Капри в 1913-м, и только Манухин с помощью рентгеновского облучения сумел его поставить на ноги. Впоследствии это очень послужило самому Ивану Ивановичу, когда после просьбы Горького по личному распоряжению Ленина его выпустили за границу.

Но мы не случайно упомянули о неполноте списка. Поэтому что в него, в этот мартиролог праведников, можно занести и имя самого Манухина.

В 1917 году Чрезвычайная следственная комиссия Временного Правительства предложила Манухину работать врачом Трубецкого бастиона, где содержались арестованные царские сановники и великие князья. Затем большевики арестовали уже самих членов следственной комиссии, и врачом опять назначили Манухина. И он, в условиях террора, сумел спасти от гибели великого князя Гавриила Константиновича и его жену Наталью Брасову. Также благодаря ему уцелела Анна Вырубова, всесильная фрейлина последней русской императрицы. Используя свою дружбу с Горьким, Манухин бился за бесчисленных арестованных.

Зинаида Гиппиус, не особо склонная к положительным оценкам, так писала о Манухине, с которым познакомилась в голодном и ледяном послереволюционном Петрограде: она находила, что «...типичные черты русского интеллигента: крайняя прямота, стойкость и непримиримость, выража-

лись у него не словесно, а именно действенно... Он вечно бегал, кому-то помогал, кого-то спасал».

И при этом Иван Иванович яростно отстаивал истину, свои научные достижения. Все время приходилось преодолевать бесчисленные препятствия, травлю коллег, никак не желавших признавать его метод лечения.

Он закончил свою жизнь во Франции в 1958 году. А более чем через полвека его внучатый племянник Алексей Говядинов, живущий в России, прочел в журнале «Вопросы истории естествознания и техники» статью доктора биологических наук Татьяны Ульянкиной «Этот неизвестный Манухин». Дальше началась повседневная подвижническая работа.

Он нашел во Франции родственников, из американского Бахметьевского архива с огромными трудами получил ксерокопии материалов, по крупицам собирал свидетельства о своем родственнике. Результатом и стала книга «Жизнь и призвание доктора Манухина», вышедшая в московском издательстве «Русский путь».

Прежде всего, здесь «Автобиография» — воспоминания самого Манухина. Частично они были уже опубликованы на страницах «Нового журнала», но в столь полном виде их можно прочесть впервые. Также представлены письма ученого, свидетельства тех, кто встречался с ним, и еще полемические статьи Манухина, направленные как против научных противников, так и против тех, кто отрицал его роль в спасении заключенных Трубецкого бастиона в 1917 году.

«Автобиография» охватывает период с благословенного детства в Тверской губернии, в городе Кашине, и заканчивается эмигрантским периодом жизни великого врача.

Прежде всего это ясная, четкая русская проза. Манухин ярко и точно описывает происходившее с ним. Юность, участие в студенческих беспорядках, Военно-медицинская академия, сочные зарисовки Ильи Мечникова. Париж, Пастеровский институт. Потрясающие картины эпохи военного коммунизма. Особый интерес, безусловно, вызывает портрет Горького. К «буревестнику революции» Манухин относился с нескрываемой симпатией: «Случалось мне с ним как-то раз говорить о несчастных людях, и я понял, что для Горького самые несчастные на земле люди были не материально бедствующие, а лишенные возможности развить или

применить свое дарование, что существование не в рост природным данным — несчастье, горше которого нет на свете. И в этом суждении он проявлял свою творческую натуру, бессознательно воспринимающую творчество как особую силу жизни, которой суждены деятельность и развитие».

Вообще размышления Манухина о врачебном долге, об интригах со стороны коллег по цеху, которые его встретили во Франции, представляют необычайный интерес. Некоторые суждения звучат фантастически злободневно: «Если бывают в жизни разные психологии в одной и той же сфере деятельности, то психология русского — добольшевистского периода — и французского врача полярны. ...Русский врач знал, кем он должен быть, и сознавал свою вину, если становился карикатурой на свой идеальный образ. Послать счет больному, торговаться с пациентом, за неплатеж тащить к мировому... — это было не только невозможно, это было немыслимо, непристойно. Врачи бы исключили такого человека из своей корпорации».

Жизнь Ивана Ивановича Манухина — пример верности людям и долгу врача. Он принадлежал к бесчисленной плеяде гениев, которых Россия подарила миру.

ВИКТОР ЛЕОНИДОВ

ХРОНИКА

Съезд РСХД в Жамбвилле, 10–11 октября 2015 года

10–11 октября 2015 года в местечке Жамбвилль в 50 километрах к северо-западу от Парижа, в живописном Национальном скаутском центре прошел традиционный ежегодный съезд РСХД (ACER-MJO). В этом году было решено провести его на тему «Миряне и соборность». Программа съезда включала три доклада: отца Кристофа Д'Алуазио (Брюссель) «Служения и дары в Церкви», Александра Филоненко (Харьков) «Миряне и открытость к миру» и Сары Вилсон (Страсбург) «Роль мирян в Церкви в видении Элизабет Бер-Сижель». Кроме того, планировались обсуждение докладов по секциям и итоговый круглый стол.

На съезд собрались члены и друзья Движения из Франции (таких было большинство), Бельгии, Германии, Венгрии и России. Заседания съезда предваряла короткая утренняя в небольшой готической церкви Успения Богородицы, расположенной на территории скаутского центра. Вечером того же дня движенцы и гости съезда собрались на вечерню. На обеих службах предстоятельством о. Петер Зонтаг из Германии, а хору подпевало большинство находившихся в церкви. Вместе с детьми, непременными участниками съездов РСХД, в Жамбвилль собралось приблизительно 70 человек. Одним из гостей съезда был гражданский активист из Владимира Илья Косыгин. В первой половине дня в субботу съезд посетил Сергей Александрович Шмеман.

К сожалению, длящийся уже два года, с момента епископских выборов 2013 года, конфликт активных прихожан

Архиепископии русских церквей в Западной Европе с архиепископом Иовом (Гечей) внес свои коррективы в программу съезда. За неделю до его начала правление РХД получило резкое письмо от архиепископа. Формулировки письма были совсем недалеки от обвинений Движения в измене идеалам его отцов-основателей. «Мы все знаем, — говорилось в письме, — что в прошлом ваше Движение работало над "воцерковлением" общества, ведя мужчин и женщин доброй воли ко Христу — той "Истине, которая сделает нас свободными" (Ин. 8, 32), и к Его Церкви. Было бы жаль видеть, что сегодня целью Движения становится "секуляризация" Церкви, куда вводятся чуждые и разрушительные принципы и где, через интернет-сайты и социальные сети, сеется смута и разделение. Поэтому я предписываю вам соблюдать порядок, уста-

Съезд РСХД в Жамбвилле

новленный Христом, Его апостолами, Вселенскими соборами и отцами Церкви и уважать канонический порядок» (так в оригинале. — В.А.). «Я удивлен, кроме того, — заканчивает епископ свое послание, — что, в отличие от прошлого, когда ваше Движение, со времен моего предшественника, блаженной памяти митрополита Евлогия, всегда приглашало архиепископа участвовать и выступать на ваших собраниях, я не получил приглашения принять участие и выступить на съезде 10–11 октября. Я напоминаю вам, что, по словам святого Игнатия Антиохийского, “Где епископ, там Церковь”. Следовательно, пренебрегая вашим епископом, вы сами себя ставите вне Церкви».

Ссылаясь на шесть разных канонов (а именно на 39-е апостольское правило, 16-й канон Сардикийского собора, каноны 41-й, 42 и 57-й Лаодикийского собора и 31-й канон IV Вселенского собора¹), архиепископ воспретил отцу Кристофу Д’Алуазо, временно запрещенному в июле 2015 года в служении на основании ложных, измышленных обвинений, выступить с объявленным в программе докладом. Участники съезда не обнаружили ни в одном из канонов, номера которых были приведены архиепископом Иовом, запрета священнику высказывать собственное мнение во внебогослужебной обстановке (например, выступать с докладом на съезде или конференции). Движенцы увидели в этом, прежде всего, попытку ограничить свободу слова отца Кристофа, одного из наиболее активных участников и руководителей Движения в последние годы, а также еще один шаг к общему ограничению свободы мнений в Архиепископии. Отец Кристоф, однако, с тем чтобы не обострять ситуацию, решил отказаться от чтения доклада. С его содержанием собравшихся ознакомил жена отца Кристофа Лидия Оболенская.

Два других доклада прозвучали, как планировалось. Преподаватель Харьковского университета Александр Филоненко захватываяще говорил о богословии владыки Антония Сурожского и делился воспоминаниями об общении с ним. Сотрудник Центра экуменических исследований в Страсбурге, евангелистский пастор Сара Вилсон рассказала о жизненном пути и творчестве известного богослова Элизабет Бер-Сижель. Выступление Сары Вилсон стало частью вечера памяти Элизабет Бер-Сижель, которая скончалась 10 лет на-

зад. За докладом последовал показ слайдов о жизни одной из немногих православных женщин-богословов. Фотографии были прокомментированы детьми Элизабет Бер-Сижель, присутствовавшими на съезде.

Письмо архиепископа Иова изменило порядок работы съезда. Движенцы решили провести своего рода акцию солидарности с отцом Кристофом Д'Алуaziо. Было решено отменить воскресную программу съезда (она включала общую литургию, доклад и круглый стол) и всем, кто сможет, отправиться в воскресенье в Париж на литургию в кафедральный собор на рю Дарю и после службы вручить архиепископу Иову ответ съезда и выразить ему свое несогласие с гонениями на отца Кристофа и обвинениями в адрес Движения. Поэтому всю программу пришлось уместить в один день, отказавшись также и от обсуждения докладов по секциям.

В воскресенье большинство участников съезда собралось на литургию в соборе на рю Дарю. К ним присоединились движенцы и друзья Движения из Парижа и его пригородов. Многие причастились на литургии. После службы во дворе собора выхода архиепископа Иова ожидало около сотни людей из разных приходов Архиепископии. К великому удивлению собравшихся, архиепископ вышел из собора в сопровождении десятка охранников, которые сомкнулись вокруг него, спешно проследовавшего через ряды своей паствы, плотным кольцом. Ничего подобного Архиепископия не видела за почти столетие своего существования. Затем в трапезной приходского дома состоялся запоминающийся разговор между архиепископом и движенцами, в ходе которого выяснилось фундаментальное различие двух сторон во взглядах на Церковь. В ходе бурного обмена мнениями архиепископ Иов многократно повторял две фразы: о необходимости соблюдать «канонический порядок» в Церкви и цитату из Игнатия Антиохийского — «где епископ, там Церковь». Фотографии, видеозапись и текст разговора широко разошлись по Интернету.

Несмотря на урезанность программы и некоторый вынужденный ущерб атмосфере сосредоточенной молитвенности, съезд стал запоминающимся событием. Он еще раз продемонстрировал, что Движение живо, что в нем не угас дух свободы и ответственности за судьбу Церкви — дух той свобод-

ной православной церковности, который стремились утвердить в Движении его отцы-основатели. РХД остается одним из сравнительно немногих уголков в мировом православии, где царит не атмосфера командования и безоговорочного послушания, но дух совещательности и любви, и где «единство Духа в союзе мира» (Еф. 4, 3) соблюдается не при помощи указов, но благодаря взаимоуважению членов Церкви.

ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВ

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Последняя ссылка в письме архиепископа ошибочна, поскольку в православные сборники церковного права входит лишь 30 канонов Халкидонского собора. Вероятно, автор послания имел в виду 31-й канон VI Вселенского собора (т. е. Трулльского). Небольшой, но любопытный штрих к характеристике того, как автор, или его канцелярия, обращается с канонами.

Ответ Совета РСХД архиепископу Иову (Геча)

Важный признак истинности религии состоит в том, уважает и защищает ли она человеческое достоинство.

Варфоломей, Патриарх Константинопольский

В рамках церковных догматов и канонов свобода Церкви есть основная стихия, голос Божий, звучащий в ней: можно ли его связывать, заглушать? Внешняя связанность и подавление этого голоса ведет к духовному рабству. В церковной жизни появляется боязнь свободы слова, мысли, духовного творчества, наблюдается уклон к фарисейскому законничеству, к культу формы и буквы, — все это признаки увядшей церковной свободы, рабства, а Церковь Христова — существо, полное жизни, вечно юное, цветущее, плодоносящее.

Митрополит Евлогий (Гергиевский)

Ваше Высокопреосвященство,

В июле этого года мы отправили Вам письмо, в котором выразили свое недоумение и возмущение по поводу Вашего решения запретить в служении отца Кристофа Д'Алуазियो. Церковная совесть не позволила нам промолчать, потому что мы знаем, что обвинения, выдвинутые против отца Кристофа, ложны. Церковь — Тело Христа, Который есть «Истина, соделающая нас свободными», — не может строиться на лжи. Сегодня, два месяца спустя, в качестве ответа мы получили от Вас письмо с решением, о котором Вы пишете, что оно патриаршее, запретить отцу Кристофу выступать с докладом на ежегодном съезде РСХД. Это Ваше решение Вы сопровождаете рядом упреков, обвинений и угроз в адрес молодежного движения РСХД.

Вы дважды упоминаете, говоря об отце Кристофе, о «нарушении канонического порядка», как будто «канонический порядок», безусловно необходимый в Церкви, есть некий абсолютный принцип. Между тем Вы ни слова не пишете о самоотверженном служении отца Кристофа, примерного пастыря, пользующегося любовью своих прихожан. Уже более

десяти лет, вместо отдыха с семьей, он посвящает часть летнего отпуска духовному окормлению православной молодежи, для которой летний лагерь — это единственное место подлинного ознакомления с православной церковной жизнью.

Ваши предшественники в разное время по-разному относились к Движению. Но все они признавали, что Движение старается работать на благо Церкви, и всегда сотрудничали с ним в духе взаимного уважения, доверия и, следовательно, свободы. Именно этот дух вел столь многих членов нашего Движения к тому, чтобы добровольно отдавать все больше и больше сил служению Церкви. Именно этот дух позволил Движению, следуя постановлениям Московского собора 1917–1918 гг., ярко раскрыть активную роль мирян в Церкви. И именно этот дух — основа нашего Движения — подвергается сегодня нападкам, чреватым иссушающими последствиями, о которых предупреждал митрополит Евлогий в приведенных выше словах.

Вы ссылаетесь на высказывание Игнатия Антиохийского: «где епископ, там и Церковь». Но Ваша цитата из посланий святого мученика кажется нам неподходящей. Святой Игнатий, обращаясь к Церкви в Смирне, пишет: «Где будет епископ, там должен быть и народ», — в контексте II века, когда еретики отказывались принимать участие в Евхаристии, возглавляемой епископом, учиняя отдельные богослужebные собрания. Игнатий Богоносец не утверждает тотальной власти епископа во всех областях церковной жизни, но призывает местную Церковь объединиться вокруг своего епископа и пресвитериума (которые для него неразделимы!). Епископ — не вся Церковь. Иначе епископ был бы непогрешим, что опровергается историей, и мог бы совершать богослужения без собрания христиан, что запрещает Священное Предание. Епископ без паствы — ничто, о чем свидетельствует омофор — символ овцы, несомой на плечах Доброго Пастыря. Мы нуждаемся в окормлении епископа, но в той же мере епископ нуждается в своей пастве. Ибо богатство Тела Христова — в разнообразии и одновременном присутствии даров Духа Святого. Господь нас призывает к совместному труду, основанному на доверии и послушании, а не на отношениях раболепия, угроз и запугивания, чуждых церковному Преданию.

Вы приводите множество канонов, призывая нас соблюдать канонический порядок. Священные каноны при рассудительном истолковании — ценнейшее руководство к церковной жизни, но каноны не самоцель и должны подчиняться требованиям любви и единства во Христе. Мы помним слова, сказанные митрополитом Евлогием в конце его земного пути: «...область Церкви не право, а Правда, праведность». Увы, в том, как велось дело отца Кристофа, мы не видим ни правды, ни праведности. Последняя неправда, вызвавшая сожаление многих в РСХД и за его пределами, — запрет на публичные высказывания, наложенный Вами на отца Кристофа. Мы считаем, что ничто не оправдывает запрет на чтение лекций вне богослужебного пространства в отношении кого бы то ни было, даже священника, запрещенного в служении архиепископом. Этим решением попирается сама личная свобода слова отца Кристофа. Разумеется, мы предложим отцу Кристофу решить, будет он выступать или нет на нашем съезде, и в любом случае примем его выбор.

Вы хотели бы обойти молчанием подробности, как Вы пишете, «и без того уже очень толстого дела отца Кристофа в Константинопольском патриархате». Вы считаете, что защита отца Кристофа — его личное дело. Мы не разделяем этого видения Церкви, так как мы осознаем солидарность с добрым пастырем и знаем, что, с точки зрения правды и справедливости, его «дело» не существует.

Мы можем засвидетельствовать, что волюнтаристские решения не оберегают канонический порядок, а сеют смуту, сомнения, боль и возмущение среди верующих людей. Особенно мы видим это, когда работаем среди молодежи. Верующие люди покидают приходы из-за установившейся там тяжелой, нездоровой атмосферы, и нам придется ответить перед Господом за этих людей. Наше Движение всегда старалось создать обратную динамику, стремясь обустроить «на пороге Церкви», как говорил митрополит Евлогий, место встречи, мира, радости и свободы.

Нас глубоко огорчили Ваши обвинения в адрес Движения, что оно вносит в Церковь «чуждые и разрушительные начала», «сеет смуту и разделения через интернет-сайты и социальные сети». Наоборот, активные члены нашего Движения не жалеют времени и сил для распространения Еван-

гелия в форме, понятной для наших современников. Это нелегкая задача, и мы поражены тем, что вместо благожелательности с Вашей стороны мы встречаем одну только критику. Именно потому, что мы желаем следовать за Христом и любим Церковь, мы не можем хранить молчание. Мы уведомляем Вас, что в следующее воскресенье делегация нашего съезда будет присутствовать в соборе, чтобы по окончании литургии, в духе уважения к церковному порядку, вручить Вам настоящее письмо. Мы уверяем Вас в непреклонной приверженности к целостности Архиепископии и испрашиваем Ваших молитв.

Совет РСХД (ACER-MJO)
8 октября 2015

Пер. с фр. Д. Струве

Съезд Западно-Европейского православного братства в Бордо

(Взгляд из Петербурга)

При беглом взгляде на карту Франции может показаться, что Бордо находится на берегу Атлантического океана. Тем более, что Bordeaux — по-французски значит буквально «берег воды». Но в действительности берег речной — город вытянулся вдоль русла Гаронны. Правда, реки широкой и судоходной, впадающей в океан. На одном берегу современные постройки, на другом — исторический центр с готическими соборами и Большим (!) театром, развернутым к реке классцистическим буржуазным фасадом благополучных колониальных времен. У самого берега парковая зона с площадками для регби: Бордо — французский центр этой игры. Такая своего рода память о временах английского господства. В Средние века английские короли из династии Плантагенетов владели герцогством Аквитанским со столицей в Бордо. А в глубине «исторического побережья», вдалеке от центра, укрылась католическая школа, приютившая XV съезд Западно-Европейского православного братства.

О чем шла речь на съезде? Православные любят ругать «плохую» индивидуальность, радикально противопоставляя ее «хорошей» личности. Забывая, что когда мы говорим «личность», то употребляем термин, впервые артикулированный в римском правовом сознании. Именно древнеримские юристы подготовили и разработали проблему личности. В греческой философии не было даже термина «личность». Поэтому-то греческое богословие в тринитарном дискурсе и пользовалось термином «ипостасис». Так или иначе, все докладчики говорили о поиске сочетания православия и краеугольного для европейской культуры уважения к человеческой личности. Этот поиск о. Иоанн Гейт назвал историческим призванием православных европейцев. В своем докладе «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом» о. Иоанн, священник и профессор права, напомнил о происхождении концепции прав человека. От римского права,

через богословие блаженного Августина, Фомы Аквинского и концепцию естественного права. Профессор Афанасий Папафанастиу в докладе «Очарование идолопоклонства и создание немиссионерской церкви» ввел выражение «церковь обсуждающая», т. е. не только внимающая и стремящаяся к исполнению.

Митрополит Таллинский и всей Эстонии Стефан, выступивший с докладом «Христианство в мире», рассказал о практических усилиях для собирания такой церкви. Основным в его практике является непрерывное и многообразное общение с паствой и духовенством — путешествия и встречи, встречи, встречи... Он не гонится за количественными показателями, которыми можно похвастаться перед собратьями архиереями. Главное — живое, верующее человеческое сердце.

Кроме пленарных заседаний работа продолжалась в ателье (рабочих группах). Их было более 20. Некоторые многочисленные, некоторые нет. От 7 до 20 человек. Наряду с традиционными темами обсуждения «О месте мирян в церкви», естественными «О служении литургии», были менее привычные в православном сообществе «Христианство и наука: уравнение со многими неизвестными» или уж совсем экзотические для россиян «Свидетель православной веры — молодой волонтер в африканских православных миссиях: жизненный опыт — какой ценой?»

Конечно, мне больше всего запомнилось ателье, которое мы вели вместе с профессором литургики Свято-Сергиевского института, диаконом Андреем Лосским. Ателье было посвящено проблеме проблем церковной жизни: сочетанию традиции и творчества в служении литургии. Половина участников ателье составляли священники. Состав участников был очень многообразным: представители Архиепископии, Московского и Румынского патриархатов. Поначалу было не очень понятно, как строить разговор в столь разнообразной аудитории. Ведущие немного нервничали. Помогли картинки. С их помощью удалось рассказать об интересном литургическом опыте общины Феодоровского собора Санкт-Петербурга. Община в открытом после более чем 70-летнего перерыва соборе сложилась, главным образом, благодаря опыту катехизации для взрослых. С первых же дней существования прихода литургия служилась в духе ехва-

ристического богословия отцов Сергия Булгакова, Николая Афанасьева, Александра Шмемана и др.: произнесение тайных молитв вслух, проповедь после чтения Евангелия, общенародное пение и т. п. Рассказ получился вдохновляющим.

Знакомство с опытом общины Феодоровского собора вызвало оживленное и заинтересованное обсуждение. Особенно яркое впечатление произвела презентация фресок архимандрита Зинова (Теодора) в алтарной части нижнего храма собора — результат гармоничного сочетания живого литургического опыта общины с глубоким знанием традиции, духовным опытом и большим художественным мастерством о. Зинова. Получилось настоящее преобразование литургического пространства. В итоге участникам ателье не то чтобы захотелось подражать петербургскому опыту, но представленное свидетельство помогло углублению разговора о соборном характере литургии.

Общественная молитва представляла для участников конгресса не только умозрительный интерес. Богослужение задавало тон всему собранию. Особенно стоит сказать о литургическом пении. Хор получился сводный. Множество регентов, еще больше певчих, причем из разных поместных церквей. Следовательно, существенно различающиеся певческие традиции: арабские, греческие, румынские, славянские. К тому же многие певчие совсем не профессионалы, добровольцы, не только слышали, видели друг друга впервые. Это обстоятельство давало о себе знать поначалу. Но, пускай и немногочисленные, спевки, а также взаимное «усилие прислушивания», плюс немалый церковно-певческий опыт хористов принесли добрые плоды. Под занавес собора хор звучал просто здорово.

Для нас, гостей из России, стало настоящим открытием богослужбное пение арабских христиан. В своей протяжной манере, напоминающей то ли знаменное пение, то ли аззан муэдзина, они исполняли некоторые литургические песнопения. Необычно. Даже экзотично. Но это был опыт абсолютно конкретного переживания Вселенского измерения Церкви. Позже, когда мы все вместе молились за гонимых христиан Ближнего Востока, это уже не было какой-то благочестивой абстракцией. Мы ясно представляли, о ком молимся.

Трапезы на съезде отнюдь не были вынужденными перерывами в программе. Они естественно увенчивали работу на пленарных заседаниях и в малых группах. Обсуждение продолжалось и за едой, особенно когда докладчик не оставлял времени для последующих вопросов и дискуссии. Программа съезда была настолько насыщена, что при всем желании поучаствовать в работе каждого ателье было невозможно: выбирать приходилось из 26, а не из 4. За столом делились впечатлениями от разных ателье. «Технология» простая — берешь поднос и «ищешь компанию». Конечно, все по-французски, но желающие пообщаться по-русски были всегда. При этом никакого клерикализма. Клирики сидели вперемежку с лаиками, так же стояли с подносами в общей очереди.

В эмигрантской или, скорее, постэмигрантской среде всегда чувствуешь себя в окружении большой семьи. На съезде были представлены практически все поколения: от седовласых основателей братства до едва появившихся на свет правнуков. Забавно было наблюдать, как в перерывах между заседаниями внуки, уже подростки, с камерами и микрофонами в руках интервьюируют дедов о том, как все начиналось.

Интересно, что большое количество детей нисколько не мешало работе съезда. И дело не только в том, что все проходило в прекрасно оборудованном учебном комплексе — со стадионом, баскетбольной и волейбольной площадками, спортзалом и т. п. Детьми занимались «руководители», т. е. по-нашему «вожатые» лагеря АСЕР-МЈО (РСХД): молодые люди — старшекласники и студенты, члены Движения. Получилась почти репетиция летнего лагеря. Конечно, малыши были при мамах. Но и тут удалось в игровой комнате организовать какое-то дежурство: мамочек на встречи отпускали по очереди.

Юноши и девушки из РСХД активно помогали в организации: ориентировали гостей, опекали инвалидов, раздавали наушники для синхронного перевода и т. д. Молодежь взяла на себя и бар. По мнению ветеранов братства, без него, конечно, обойтись можно. Но не нужно. Там за чашечкой вкусного кофе или бокалом легкого вина решались вопросы, завязывались знакомства и т. п. При этом никому не приходило в голову назначить еще какое-нибудь обсуждение вместо кофе-брейка.

В съезде приняло участие несколько сот человек. Это было заметное событие в жизни православной Франции. Его приветствовали архиереи разных православных поместных церквей, представленных в Западной Европе. А также представители мэрии Бордо и католической иерархии. На съезде присутствовали люди самых разных национальностей, возрастов и профессий. Как и должно быть в церкви. Не было только мундиров. Совсем. Для поддержания порядка не требовалось присутствия людей в форме. Наверное, мое замечание покажется нелогичным. Но это только на первый взгляд. В контексте православной жизни в России оно не так уж странно.

Со временем впечатления тускнеют. Остается некое неуловимое послевкусие. Ощущение смысла, красоты и свободы — вот что оставили в сердце эти дни. Современное православие, к сожалению, все реже и реже дает примеры такой жизни. Поэтому мы верим, что опыт Западно-Европейского православного братства не может кануть в небытие. Он должен быть продолжен.

АЛЕКСАНДР БУРОВ

Конференция, посвященная наследию митрополита Антония Суворовского «Богословие и реальность» в Москве

18–20 сентября 2015 г. в Москве, в Доме русского зарубежья им. Александра Солженицына прошла V Международная конференция, посвященная наследию митрополита Антония Суворовского «Богословие и реальность», организованная Фондом «Духовное наследие митрополита Антония Суворовского» и Домом русского зарубежья им. А. Солженицына. На ней выступили докладчики из России, Великобритании, Нидерландов, Румынии, Ливана, Греции и Беларуси, приехали духовные чада и ученики Владыки, много лет знавшие его и щедро делившиеся своим опытом. Как всегда, на подобных конференциях самым главным были даже не интересные доклады и оживленные обсуждения, хотя и в них, конечно, не было недостатка, — а сам факт состоявшейся встречи с самим митрополитом Антонием, через его присутствие в свидетельствах тех людей, кто лично и долго его знал, и через вдумчивый анализ его текстов теми исследователями и пастырями, на жизненный опыт которых слово Владыки оказало решающее значение. Сама тема «Богословие и реальность» тоже была выбрана не случайно: ее подготовил цикл семинаров, прошедших по этой теме в ДРЗ в 2014–2015 гг.

Началась работа конференции утром 18 сентября с оглашения приветствий и благословений (начиная с переданного патриаршего благословения), поступивших в ее адрес от иерархов Русской Православной Церкви, а также с приветствия директора ДРЗ В.А. Москвина. Первым после них прозвучал доклад протоиерея Петра Скорера, президента Фонда митрополита Антония в Великобритании, «Святые и святость у митрополита Антония». Отец Петр рассказал о выставке, посвященной митрополиту Антонию, в Римини, в Италии, о том, как в подготовке к ней участвовала моло-

дежь из Италии, России, Украины и Беларуси. Он поделился воспоминаниями, как в детстве слушал рассказы Владыки о святых, как тема святости отразилась в проповедях Владыки; какой вклад митрополит Антоний внес в «прославление матери Марии и с ней замученных сына Георгия, о. Димитрия Клепинина»; поделился размышлениями Владыки о том, как Боговоплощение влияет на реальность нашего мира, преобразая ее и делая реальностью «мира, пронизанного Божественным присутствием». Затем иерей Христофор Найт (Великобритания) поднял тему: «Реальность и модели реальности: уроки, извлеченные митрополитом Антонием из научного образования». Отец Христофор попытался вычленить «научную методику описания реальности», предложенную Владыкой, врачом по образованию. Главное здесь не сводить реальность ни к одной из «моделей реальности», ни к ее толкованию, пусть даже оно основывается на таких авторитетах, как святые отцы, иначе легко впасть в идолопоклонство. Говоря об отношениях современной науки с реальностью и с богословием, докладчик отметил значимость продуктивного сомнения и готовности постоянного углубления наших представлений о реальности Бога и мира. После чего протоиерей Владимир Архипов (Новая Деревня, Россия) поставил вопрос о «Встрече двух реальностей» — реальности внутреннего мира человека и Божественной реальности, — происходящей в глубинах человеческого сердца. Докладчик поделился опытом встречи с невидимой реальностью, как его переживали самые разные люди, теми этапами, которые проходит человеческая душа на пути к такой «сокровенной глубине сердца» (отречение от себя, рождение любви и свободы), о важности участия в литургии и чтения Евангелия при таком поиске глубины реальности. Затем инокиня Маргарита (Хохевауд) (Уолсингем, Великобритания) поделилась своими размышлениями о «Смысле жизни», основанием для которых стал подробный анализ первых стихов из Книги Бытия и мысль о том, что соприкосновение с подлинной реальностью требует от человека «открытости и смелости, но также смирения, приятия и умирания».

Послеобеденное заседание началось полемическим докладом писателя и телеведущего Александра Николаевича Архангельского (Москва) «Борьба за традицию как симптом

ее утраты». Докладчик взял за отправную точку четкое различие понятий «традиция» и «традиционализм», опирающееся на слова митрополита Антония, что традиция для христиан — это «живая память» христианства. Тогда как традиционализм — «мертвая память», идущая вразрез с самой жизнью Церкви. Именно в аспекте такого отличия традиционализма от подлинной живой традиции А. Архангельский и рассмотрел многие актуальные проблемы сегодняшней церковной действительности.

Затем прозвучали два доклада, ставших подлинным событием свидетельства о Владыке, слова людей, много лет его знавших и много от него перенявших. Келси Чешир (Лондон), музыкант, давняя прихожанка Владыки, организатор епархиальных конференций, поделилась своими размышлениями о том, как стоять «Перед лицом реальности». Она начала с того, что для митрополита Антония реальностью был, конечно, Иисус Христос, и как воспламенившая его некогда любовь Божия помогала ему дерзновенно встречаться через реальность Христа с реальностью самого себя и других людей. Она поделилась личным опытом того, как Владыка встречал лицом к лицу реальность Бога, паствы, отчаяния и тьмы, Креста, надежды, самоотречения и радости. Для этого приводились не только слова Владыки, но его действия и поступки: то, как он служил (становясь «живым пламенем» Христовой любви и тем самым живым примером, что такое подлинное самоотречение), как встречался с людьми и смотрел в глаза, как помогал справиться с кажущимися неразрешимыми трудностями, даже с внутренней тьмой, как он учил своих прихожан самим фактом своего реального и полного присутствия в каждой описанной ситуации. Второе свидетельство прозвучало в докладе инокини Анастасии (Метвен) (Румыния) «Воссиял мне свет...». Она поделилась личными воспоминаниями о том, как Владыка стал «любящим и негасимым светом» на ее пути, как учил ее и других прихожан доверять Христовой любви и справляться с жизненными трудностями, учил не только словами, но тем, как он исповедовал, как беседовал с человеком, как служил литургию, как молился вместе с человеком, за человека, и тем самым его самого научал молиться, становился «школой молитвы», как возвращал людям внутренний мир. «Он был “пастырь добрый,” душу

свою полагающий за овец. Он взваливал нас на свои плечи и нес нас с любовью в своем широком сердце, очень заботливо направляя наши шаги к берегу мира и примирения, к свободе детей Божиих», — свидетельствовала докладчица.

Во второй половине дня также прозвучали доклады Марины Юрьевны Правдолюбовой (Гусь-Железный, Россия) «На пути к самому себе», проанализировавшей те цитаты из Владыки, которые могут помочь человеку обрести самого себя, научиться быть, поднявшей темы личности и реальной встречи человека с Богом и с самим собой, как они звучат в богословии митрополита Антония; доклад пресс-секретаря Донской митрополии Игоря Павловича Петровского (Ростов-на-Дону, Россия) «Неизвестный Антоний. Опыт свя-тых древней кельтской церкви как проекция одного служения» и сообщение Юлии Александровны Штонда (Воронеж, Россия) «Особенности перевода проповедей митрополита Антония Сурожского на английский и немецкий языки».

В субботу 19 сентября работа конференции началась с доклада Амаль Дибо (Ливан) «Митрополит Антоний перед лицом реальности». С помощью библейских цитат подробно проанализировав отношение Владыки к реальности видимого и невидимого мира, докладчица обратила внимание слушателей на то, что митрополит Антоний «не боялся оказаться лицом к лицу с реальностью, потому что он был храбрый человек, дисциплинированный и прагматичный. Бог использовал его, монаха Восточной церкви, особые таланты, чтобы через него свидетельствовать о Себе. Как врач, он знал человеческое тело, знал слабость человека как грешника; но он всего себя целиком отдал в ответ на любовь Бога, отдавшего за него Свою жизнь. Он был серьезен, и глядя на него, стоящего и молящегося в соборе, мы начинали понимать, что можно быть настолько прозрачным для живого Бога, перед Которым мы предстоим, и тогда словно молния сияла, и мы все, члены общины, становились одним целым».

Затем прозвучал доклад протоиерея Серафима Правдолюбова (Гусь-Железный, Россия) «Переживание присутствия», поднявший проблему «присутствия в нас Божественной благодати и отблеска непостижимой Божественной славы», о зависимости такого присутствия от «веры и подвижнической жизни человека во Христе». Докладчик при-

вел совет Владыки учиться у святых и подробно проанализировал примеры такого научения в текстах митрополита Антония, обратил внимание на реальность «телесного присутствия Христа на земле — в Таинстве Евхаристии». Затем прозвучало сообщение Мартина Анатольевича Ковалева (Минск, Беларусь) «Молитва — путь к богословию».

В середине дня все участники конференции приняли участие в работе дискуссионных групп, своеобразных двухчасовых мини-семинаров, предусматривающих возможность живого обсуждения тем и вопросов, поднятых на конференции. Было проведено девять дискуссионных групп по следующим темам: «Душа между вечным и временным» (ведущий прот. Владимир Архипов), «Роль детства в жизни взрослого человека» (ведущие д. псих. н., профессор Борис Сергеевич Братусь и психотерапевт Наталья Владимировна Инина), «Ответы на вызовы реальности: смирение, приспособление, преодоление» (ведущий д. псих. н. Федор Ефимович Василюк), «Психическое расстройство — социальный миф или клиническая реальность» (ведущий к. мед. н., психиатр Борис Аркадьевич Воскресенский), «Молчание» (ведущая сотрудник Первого московского хосписа Фредерика де Граф), «Overcoming aggression and violence in modern society / Преодоление агрессии и насилия в современном обществе» (группа шла на английском языке, ведущая преподаватель Американского университета в Бейруте Амаль Дибо (Ливан)), «Можно ли реально молиться?» (ведущий прот. Владислав Каховский), «Чем мы готовы жертвовать ради Христа?» (ведущий прот. Серафим Правдолюбов), «Я — православный. Что это значит?» (ведущий протоиерей Петр Скорер (Экстер, Великобритания)).

Послеобеденное заседание началось докладом главного редактора «Журнала Московской Патриархии» Сергея Владимировича Чапнина «Быть и казаться. Митрополит Антоний Сурожский». Докладчик поставил вопрос: сумеем ли мы сохранить церковное наследие XX века? Он отметил, что «в русском православии XX века сложились три традиции, или, лучше сказать, уклады»: уклад официальной (легальной, сергианской) Церкви, уклад катакомбной Церкви и уклад Церкви в изгнании. В современном православии доминирующим стал именно первый уклад, отсюда настоятельная необходи-

мость сохранения и остальных укладов и защиты свободы внутри Церкви. Для современного положения православия в России характерны и еще два вызова времени: «вызов цифровой эпохи», когда подлинная общинность подменяется «православием-лайт», имитацией подлинного общения и подлинной духовной жизни, и вызов постсоветской гражданской религии, когда вера подменяется идеологией, не мыслящей жизни Церкви без государства. В завершение докладачик поставил вопрос: в какой реальности проповедь и богословие митрополита Антония остаются актуальными? И ответил: в той реальности, где есть стремление «узнать и полюбить Имя Христово», той реальности, в центре которой стоит глагол «быть» («Аз есмь путь, истина и жизнь»), а не «казаться».

Затем художница и духовная дочь Владыки Елена Евгеньевна Утенкова поделилась своими размышлениями о «Реальности и реализме в изобразительном искусстве (из личного опыта)», предупредив, что будет говорить о собственном опыте, полученном в процессе своей работы художника. Она постоянно сталкивается с необходимостью изображать реальность, тогда как сама «реальность реальности напрямую зависит от того, видишь ты ее или нет, и если видишь, то как». Видение часто зависит не от тебя, это дар, но к дару нужно быть готовым: художник находится в диалоге с миром, он постоянно пытается «смотреть шире», «уловить некий ритм взаимодействия всего со всем», не убить предмет в момент его изображения. Владыка сравнивал икону с «окном к Богу», так и художник в своих попытках увидеть и изобразить меняющуюся реальность пытается нащупать в ней систему координат, за которой «стоит Бог, создавший и создающий все во всем». В качестве иллюстрации к своим размышлениям Е. Утенкова прочитала также свое эссе «Парк прошедшего лета».

Послеобеденное заседание началось докладом психолога Натальи Владимировны Ининой (Москва) «Будьте как дети. Детство на пути к реальности». Взяв за отправную точку евангельский призыв «будьте как дети», докладчица подчеркнула встающее перед каждым человеком противоречие между необходимостью «не расплескать живительную непосредственность детского восприятия» и в то же время «преодо-

леть инфантилизм детства» и эгоцентризм. Для этого были подробно проанализированы психологические особенности формирования личности, роль родителей в воспитании детей, особое внимание уделено таким феноменам, как обида и вина. Чтобы научиться видеть подлинную реальность мира, нам необходимо «очищение нашей психологической оптики», нужно отказаться от «псевдорельности мутных отражений» и мужественно «шагнуть вперед, точнее, в себя, чтобы увидеть себя на глубине», на той самой глубине, о которой постоянно говорил владыка Антоний.

Затем с докладом «Истина и реальность» выступил психиатр, кандидат медицинских наук Борис Аркадьевич Воскресенский. Он привел мысль Владыки о том, что «в современном мире реальность жизни и вера в Бога как в источник гармонии далеко не всегда совпадают», добавив, что вместо гармонии здесь можно подставить и понятие истины. Истина и реальность не идентичны, а взаимосвязаны. Реальность выступает в разных формах. Возможность совпадения в вере истины и реальности докладчик сопоставил с изначальным совпадением в глубине психики слова, переживания и объекта (так маленькая девочка удивляется, что слово «мама» и сама мама — это «одно и то же»). Антиномичность мышления и веры позволяет вместить и ту, и другую формы реальности: «только тогда реальность станет истиной, а вера укрепится». То есть вера делает такую антиномию созидательной, обеспечивая тем самым движение от реальности к истине, приводя в недостижимом, наверное, идеале к их совпадению.

Затем с интересным докладом «Реальность под покрывалом» выступила библиист, доктор культурологии Анна Ильинична Шмаина-Великанова. Она начала с подчеркивания значимости для Владыки фигуры Моисея и эпизода, когда Моисей, сходящий с горы Синай с сияющим лицом, кладет на лицо покрывало (Исх. 34, 29–35). Подробно проанализировав образ покрывала в Ветхом Завете (эпизоды с Фамарью, Руфью, Ревеккой, Моисеем), докладчица пришла к выводу, что «в Ветхом Завете покрывало может означать свет и тьму, невесту и блудницу, Богообщение, т. е. жизнь и смерть». В Новом Завете образ покрывала встречается у апостола Павла (2 Кор. 3, 18): лежащее на сердцах людей, читающих Писание, покрывало, не дающее им найти в Писании Христа,

докладчица интерпретирует как иллюзию, заменяющую «сияние Христовой истины каким-то другим иллюзорным сиянием Закона»; отметив, что в наше время все обстоит еще хуже, поскольку на наших сердцах лежит часто «иллюзия христианства, заслоняющая от нас Самого Христа». Затем Анна Ильинична обратила внимание на те толкования, которые дает образу покрывала владыка Антоний, обратившись к его проповеди на Преображение (Труды, Т. 1, с. 971–972). Владыка сравнивает свет от лица Моисея и свет, просиявший на горе Фавор, как разные пути приобщения человека к Божественной реальности (напрямую, без покрывала, или через других людей), и вносит в образ покрывала неожиданные ноты: покрывало как община, которая может либо пропускать через себя свет, либо затемнять его, либо, в идеале, может сама стать сиянием.

Отец Сергей Овсянников (Амстердам, Нидерланды) сделал интересный доклад «Реальность есть риск (если, конечно, реальность есть). Митрополит Антоний и Мераб Мамардашвили», сопоставив тему живой реальности, рискованного «бытия живым», отличающего живого и действительно живущего человека от «неживого» существования, тему прорыва к такой реальности (через боль и риск, через иссякание прежней неподлинной жизни, сопоставимое с умиранием, и «второе рождение»), — как она дана у владыки Антония и в размышлениях о Прусте («Психологическая топология пути») известного философа Мераба Мамардашвили.

В очень содержательном докладе Ники Цирони (Греция) «Непорочная Дева и Нерушимая Стена: Божия Матерь в учении и проповедях митрополита Антония» было подробно проанализировано, как складывалось в христианской традиции почитание Богоматери. В этом контексте особенно было подчеркнуто сближение мысли митрополита Антония с богословием Паламы, понимавшего Деву Марию как вершину святости и подчеркивавшего при этом «диалектичность взаимоотношения духа с материей». Ту же диалектичность мы находим и у Владыки, говорившего о «христианском материализме» и о сосредоточенности в духовной жизни. Суть его понимания Марии в том, «что Она представляется идеалом, образцом личности, к которому должны стремиться все христиане». Ее важнейшие качества: послушание, полное

доверие Богу, умение слушать. При этом евангельскую весть Владыка передает как реальный опыт, своим рассказом переносит слушателя в гущу событий; в проповедях о Богородице ключевой темой становится Распятие, при котором присутствует Богородица: «Бог открывает Себя в хрупкости и слабости, и эту слабость Владыка связывает с Девой Марией — но одновременно утверждает полноту Ее личности и роли в воплощении и смерти Христовой».

Затем иерей Петр Коломейцев осветил один из аспектов евхаристического богословия митрополита Антония, выведя тему литургии и литургического времени на неожиданные сопоставления в своем докладе «Реальность в литургии и в кино». После этого прозвучал очень вдумчивый доклад искусствоведа, доктора психологических наук Александра Александровича Мелик-Пашаева «Художник между раем земным и Царством Небесным», обратившего внимание на вопрос о «реальности рая» и возможности ее изображения в искусстве. Докладчик заметил, что «когда мы произносим слово — Рай — мы тотчас, сверхсознательно, представляем себе некую вечно сущую реальность. Но наше сознание — это сознание изгнанных из Рая. Оно живет во времени...». Рай для нас перемещается в то, чего «уже нет» (потерянный Эдем, земной рай, из которого человек был изгнан) или в то, чего «еще нет», Царство Небесное, Новый Иерусалим Апокалипсиса. Изгнание из земного рая изменило не только вертикаль связи человека с Богом, но и горизонталь, саму «землю»: в мире и в нас самих уже не ощущается «присутствие Творца во всем». Роль настоящего художника как раз в том, что он «залечивает» этот «разрыв по горизонтали»: «разрывы человека и мира, "я" и "не-я", души человеческой и материи мира, сущности вещи и явления. Он, по мере сил, возвращает прозрачность кожаным одеждам греха и отчуждения», помогает нам начать видеть во всем присутствующего Бога и «проблемски вечного Царства уже сейчас, в преходящем и противоречивом земном бытии».

Завершающим стал доклад духовной дочери Владыки, сотрудницы Первого Московского хосписа Фредерики де Граф, сделавшей темой своего доклада цитату из митрополита Антония: «Бог реален. Так же реален, как мы с вами. Он ищет себе друзей и надо постараться стать другом Божиим». Фре-

дерика построила свое размышление вокруг обращенных к слушателям вопросов: реально ли для нас Воскресение Христово так, как оно было реально для Владыки, жившего этим опытом? Как это отражается на нашей повседневной жизни? Ощущаем ли мы, что Бог нам друг? Что мы можем сделать для такой дружбы? Опираясь на цитаты, молитвы и весь опыт Владыки и свой собственный опыт, Фредерика остановилась на тех моментах, с помощью которых человек может приблизиться к такой дружбе с Богом: найти время, научиться его останавливать, а для этого быть полностью в каждом его моменте; создать условия встречи: быть самим реальными, быть собой и не пытаться кого-то изображать, и отбросить собственные иллюзии о Боге, чтобы встретиться с реальным Богом, а не с собственным представлением о Нем, реально молиться, научиться молчать, признать свободу Бога и то, что даже Его отсутствие может быть реальностью, освободиться от страха перед страданием, от защищенности, доверять Богу даже вопреки пониманию.

На конференции были также показаны видеофрагменты бесед и проповедей Владыки и небольшой фильм о нем; работали фотовыставка и выставка живописи Е. Утенковой, духовной дочери Владыки. Завершилась конференция круглым столом, на котором со свидетельствами выступили все участники, лично знавшие митрополита Антония, и панихидой.

НАТАЛЬЯ ЛИКВИНЦЕВА

Выставка в Римини, посвященная митрополиту Антонию Сурожскому

Этим летом в Италии в городе Римини была показана выставка, посвященная митрополиту Антонию Сурожскому, которую задумали, создали и провели православные и католики из России, Украины, Италии, Беларуси и Великобритании. Она была одной из нескольких крупных выставок, прошедших во время Римини-Митинга, международного культурного фестиваля, который уже тридцать седьмой раз организует католическое движение «Общение и Освобождение» (Comunione e Liberazione).

Идея выставки, которая рассказала бы миру о митрополите Антонии, родилась давно, но воплотиться она смогла сейчас, когда выросла и окрепла дружба всех тех людей, которые работали над ней. В последние два года стало очевидным удивительное явление — компания христиан из Киева, Москвы, Харькова, Милана, Минска и других городов, православных и католиков, объединенная дружбой и общими делами. Она сейчас не имеет никакого устойчивого имени и почти в шутку философ Александр Филоненко назвал ее «летучей общиной», потому что каждый раз она собирается в новом месте и каждый раз, чтобы добраться до места встречи, многим приходится лететь. И если ее участники-католики — это ученики и последователи итальянского священника отца Луиджи Джуссани, основателя Comunione e Liberazione, то тех, кто принадлежит к православной Церкви, собрал, вдохновил, а часто и просто привел к христианству именно митрополит Антоний Сурожский, кого-то через книги или записи, кого-то лично. Поэтому для нас, собранных вместе, ставших друзьями во многом благодаря Владыке, было важно рассказать другим об этом человеке, о нашем общем друге и учителе.

Выставке предшествовал семинар в итальянском городке Вариготти, на который в феврале собрались около восьмидесяти человек. Группы из пяти названных выше стран

заранее готовили доклады по нескольким ключевым для митрополита Антония темам, например: «Встреча», «Церковь». Это было непростой задачей, поскольку, как известно, язык Владыки своей огненностью, энергией ближе к поэтической, чем к строго научной речи, к «систематическому» богословию, поэтому сложно вычленишь в его мысли какую-то тему, отделив ее от общей картины его слов. Но, конечно, эта работа не стала просто исследованием и анализом, в ней участвовали люди, большинство из которых знакомы с книгами, с голосом, со взглядом митрополита Антония уже много лет, и главной ее задачей было поделиться с другими этой встречей, — как с теми, кто уже знаком с Владыкой, так и с теми, для кого это имя новое. Это же настроение удалось сохранить и на самой выставке. Поэтому доклады состояли не столько из концепций, сформулированных на основе текстов митрополита Антония, сколько из любимых его цитат, образов, моментов из его жизни, отобранных участниками.

Самое драгоценное в этой подготовительной работе было то, что к ней присоединился отец Петр Скорер из Великобритании, знавший Владыку всю жизнь. Все время семинара он делился своим опытом общения с митрополитом Антонием, начиная с момента, когда в раннем детстве познакомился с ним в летнем детском лагере Сурожской епархии, до времени, когда, став диаконом, служил с ним в храме, а после нес крест перед его гробом во время похорон. Из этих проведенных рядом с Владыкой десятилетий отец Петр успел рассказать множество историй, как серьезных, так и смешных, тех «цветочков», которые делают фигуру митрополита Антония по-настоящему живой. И эта непосредственная личная дружба, личная встреча, которыми отец Петр смог поделиться, — это, возможно, самое главное, что нужно было сказать о митрополите Антонии, для которого эта личная встреча: с Христом, с другим человеком, с Церковью, с самим собой, — была измерением всей жизни.

Сама работа в Вариготти стала своеобразной встречей митрополита Антония и Луиджи Джуссани. Вариготти — это знаковое место для итальянской церкви. Здесь в начале своего священнического служения отец Джуссани устраивал пасхальные каникулы для молодежи, и из этих встреч родилось то церковное движение, которое теперь существует на всех

континентах. В то же самое время в пятидесятых годах (будущий?) митрополит Антоний начал организовывать в Англии молодежные лагеря, применяя опыт, накопленный в скаутском движении. С того времени сохранилось много похожих фотографий, где эти двое священников, оба в черной одежде до земли, один с бородой, другой — без, ходят по горам, а вокруг них — десятки юношей и девушек, которые жадно слушают каждое их слово. Так сложилось, что ни тогда, ни позже они не познакомились и не узнали друг о друге, поэтому в каком-то смысле встреча в Вариготти восполнила то, чего эти два великих христианина не успели при жизни. И так же, как о владыке Антонии, о Луиджи Джуссани рассказывали те, кто встретился с ним, кто был его учениками, чью жизнь он изменил. Это были отец Пино, биограф Джуссани Альберто Саворана и другие. И удивительным открытием этого обмена опытом дружбы и ученичества стало то, насколько они похожи. Годы их жизни почти совпадают, их работа, служение во многом поразительно совпадают, есть множество близких моментов в их богословии. И главный — это встреча, та личная встреча с Христом, которую в четырнадцать лет пережил Андрей Блум, открыв Евангелие, и которая в том же возрасте произошла с Джуссани, когда он читал стихотворение поэта Леопарди. И именно тема встречи с живым Богом, присутствующим здесь и сейчас, была главной в мысли и в жизни обоих. Священник Франческо Браски, который готовил к семинару миланскую группу, даже сделал такое упражнение: он выбрал несколько цитат Сурожского и Джуссани без подписей и попросил своих студентов определить, где чьи слова, и не везде это получилось, так близок их язык.

Говоря о прошедшей выставке, нельзя не упомянуть человека, благодаря которому она стала возможной, того, кто всю свою жизнь посвятил этой встрече Востока и Запада, встрече христиан православной и католической Церкви. Это итальянский священник отец Романо Скальфи, который в пятидесятые годы влюбился в восточное христианство. Он выучил русский язык и совершил путешествие в Советский Союз, где увидел преследуемую и разрушенную, но живую Православную Церковь, в то время как многие в Западной Европе считали, что христиан за железным занавесом больше нет. Вокруг отца Романо сложилось сообщество Russia

Cristiana, «Христианская Россия», несколько сотен энтузиастов, которые, во-первых, стали помогать христианам в Советском Союзе, издавать и пересылать через границу книги, а во-вторых, свидетельствовать западному обществу о православной традиции, переводить русских богословов, изучать византийскую литургию, иконопись. И именно отец Романо Скальфи лично дружил и с Джуссани, с одной стороны, и с такими людьми православной Церкви, как митрополит Антоний и отец Александр Мень. И перед самой выставкой в Римини, через полгода после семинара, все участники приехали к отцу Романо, чтобы рассказать ему о нашей дружбе и высказать ему благодарность за ту долгую работу, без которой эта встреча не могла бы произойти.

На протяжении полугода шла подготовка к самой выставке. Ее спроектировал харьковский дизайнер Алексей Чекаль, устроив ее как путь, дорогу жизни митрополита Антония. Она была решена в небесно-голубом и белом цветах и разделена на шесть залов-этапов: Встреча, Призвание, Община, Церковь, Мир, Новая жизнь. На стенах были снимки и цитаты Владыки на итальянском, в начале каждого зала была большая фотография митрополита Антония, где он смотрит прямо в глаза зрителю, кроме последнего зала «Новая жизнь», посвященного его мысли о смерти и его опыту смерти, где была его известная фотография в профиль, со взглядом вперед, и получалось, что он смотрит на Христа, на вышивку художницы Марины Белькевич. К выставке Александр Филоненко составил книгу-каталог, куда включил много развернутых цитат из текстов Владыки, поскольку на итальянском пока издано очень немного его книг, и такой каталог стал бы возможностью для италияязычных читателей впервые познакомиться со словом митрополита Антония.

Практически все, кто готовил выставку, участвовал в семинаре, были на ней волонтерами и водили экскурсии. Чаще всего экскурсию водили по двое, где один человек по-русски рассказывает о Владыке, а второй переводит на итальянский язык. И сама эта форма удивительно точно иллюстрирует тему встречи, ключевую для митрополита Антония, потому что этот перевод не был вынужденным преодолением языкового барьера, он обогащал рассказ, именно в нем рождалось что-то новое. Другие итальянские студенты, не знающие

русского языка, водили выставку без перевода, сразу по-итальянски, и для них в основном фигура Владыки — это не давнее знакомство, а кто-то совершенно новый в их жизни, кого они открыли через своих православных друзей. И одним из моих самых сильных впечатлений стала картина, когда студентка София ведет экскурсию по выставке и плачет, настолько важно стало для нее что-то, что открыл этот человек другой страны, другого языка и другой церковной традиции. Кроме того, экскурсии водили еще и на английском, испанском, французском, украинском, румынском, литовском языках, поскольку приходили люди и из Африки, и из Азии, и из Америки.

У входа на выставку, ожидая своей очереди, все время стояли десятки людей. Само по себе это было удивительно, не могло не тронуть это доверие, с которым люди шли, чтобы послушать о совершенно незнакомом для них человеке, происходящем из неблизкой культуры. Я провел самую последнюю экскурсию за неделю в последний день в десять часов вечера, закончилась она в одиннадцать. И в это почти ночное время, когда весь фестиваль уже закрывался и люди разъезжались, когда саму нашу выставку уже начинали разбирать, собралось около сорока человек, которым почему-то было важно узнать о каком-то русском епископе, о котором они никогда не слышали раньше. Во многом этому интересу, этому доверию мы обязаны отцу Романо Скальфи и обществу *Russia Cristiana*, которые много лет подряд проводили на Митинге в Римини выставки, посвященные православной Церкви, восточнохристианской культуре. Наш рассказ о митрополите Антонии не был бы возможен без этого долгого пути, когда рос этот интерес в итальянском обществе, в Движении. Теперь он есть, и за неделю выставку посетило около двадцати тысяч человек.

Но, конечно, главное не цифры, не количество, а именно та встреча, которая действительно произошла. Настоящая глубокая встреча среди тех, кто работал над выставкой, встреча тех, кто вел экскурсии, и гостей, встреча тех и других с митрополитом Антонием. Эту встречу непросто выразить, описать словами, но она действительно раз за разом случалась в тех залах, где повсюду было лицо любимого нами Владыки, и получается, что действительно удавалось в меру

своих сил поделиться с посетителями выставки радостью общения с ним. Ответом становилось совершенно особенное внимание, особенный взгляд гостей, их вопросы, глубокие и сущностные. А для меня символом всего того, что происходило в эти дни, стал один момент, когда я водил группу, рассказывая о выставке по-русски, а один из наших друзей переводил на итальянский. Среди группы был один пожилой итальянец, который, видимо, знал некоторые русские слова и когда узнавал их в моей речи, очень радовался, выкрикивал их перевод, в общем, оживленно участвовал. А когда мы дошли до конца, подошел ко мне, пожал руку и вдруг сказал с акцентом по-церковнославянски «Воистину воскрес!» Я меньше всего ожидал этих слов, я не говорил «Христос воскрес!», но если рассказ о митрополите Антонии стал для того гостя этими словами, значит, встреча произошла, значит, что-то получилось. И никогда ни я, ни все мы не забудем момента, когда в последний день, собравшись вместе для общей фотографии на фоне большого портрета Владыки, стоя вместе, все внезапно запели пасхальный тропарь. Это не было планом, об этом никто не договаривался, это стало просто небольшим, но прекрасным чудом, которое лучше всего выразило ту радость, которая жила в том месте, среди тех друзей, посвятивших неделю жизни, чтобы вместе послужить памяти этого великого христианина, митрополита Антония. И я надеюсь, что эта выставка, эта данная нам Богом встреча станет в нашей Церкви началом чего-то нового, новой прекрасной дороги.

АНДРЕЙ СТРОЦЕВ

Семья Струве в России и в эмиграции

*(Выставка в Библиотеке
Российской академии наук)*

7 февраля 2015 года исполнилось 145 лет со дня рождения академика Петра Бернгардовича Струве. При подборе материала для посвященной ему выставки в Библиотеке Российской академии наук решено было представить материалы о всей семье Струве, четверо представителей которой стали действительными членами и один — членом-корреспондентом этой Академии, а многие — профессорами русских университетов и институтов, государственными и общественными деятелями.

Многочисленный род Струве расселился по европейским странам, но самые яркие страницы истории этой семьи, члены которой отличались фантастической трудоспособностью, целеустремленностью и самодисциплиной, написаны в России...

Собрание, посвященное открытию выставки 2 июля 2015 года, началось с выступления директора БАН, профессора В.П. Леонова, рассказавшего о значении П.Б. Струве и всей его семьи для России и русской науки. В.П. Леонов представил собравшимся приветствие, полученное из Франции от внука П.Б. Струве — профессора Никиты Алексеевича Струве, поделившегося воспоминаниями о Петре Бернгардовиче в последние, парижские, годы его жизни в семье сына Алексея.

С историческим обзором о деятельности пяти поколений астрономов Струве выступил член-корреспондент РАН В.К. Абалакин. Секретарь правления общества геодезии и картографии В.Б. Капцюг рассказал о работе В.Я. Струве как астронома и геодезиста, а заведующая Музеем Пулковской обсерватории Н.Я. Московченко — о деятельности астронома и дипломата К.В. Струве.

Для правнучки Петра Бернгардовича, Бландины Никитичны Лопухиной с супругом Николаем, приехавших на выставку из Франции, была организована 7 июля отдельная экскурсия.

* * *

История дворянского рода Струве документально может быть прослежена с начала XV века. В эпоху Реформации протестанты, предки Струве, бегут из Франции в Германию и Нидерланды; позже один из Струве, очень одаренный юноша Якоб, получает университетское образование. В эпоху наполеоновских войн сын Якоба, Фридрих Георг Вильгельм, спасаясь от призыва в Великую армию французского Императора, отправляется в Россию, в Дерпт (бывший русский Юрьев, а впоследствии эстонский Тарту), где позднее окажутся многие его братья и сестры.

Фридрих Георг Вильгельм Струве, а по-русски Василий Яковлевич (1793–1864), учась в Дерптском университете, сумел написать к 20 годам две магистерские диссертации, т. е. сумел окончить два университетских курса, по филологии и астрономии. Через пять лет Василия Яковлевича назначают директором Дерптской астрономической обсерватории и утверждают ординарным профессором Дерптского университета.

Н. Лопухин и его жена Бландина (урожд. Струве)

Василий Яковлевич стал родоначальником династии астрономов Струве. Три поколения астрономов Струве работали в России в различных обсерваториях, четвертое и пятое — за пределами нашей страны.

Первый раздел выставки посвящен Струве — астрономам и открывается брошюрой Ольги Томашек, правнучки Василия Яковлевича, о династии астрономов Струве и их женах (Wien, 1960). Далее представлен сборник статей «Немцы в России» (СПб., 2003), в котором помещены три статьи об астрономах Струве. Первая из них «Династия астрономов из рода Струве» написана коллективом из десяти человек под руководством В.К. Абалакина. Это единственная работа на русском языке, посвященная не только астрономам Струве, но и семье в целом.

Талант и большое трудолюбие Василия Яковлевича выдвинули его в ряды лучших астрономов России. Именно ему император Николай Павлович поручил строительство и организацию новой обсерватории близ Петербурга, будущей Пулковской обсерватории, первым директором которой и стал Василий Яковлевич. 3 июля 2015 года исполнилось 180 лет со дня торжественной церемонии закладки здания Пулковской обсерватории в присутствии Императора Николая Павловича.

Будучи еще и филологом, Василий Яковлевич составил систематический каталог фондов библиотеки Пулковской обсерватории «*Librorum in Bibliotheca speciale Pulcovensis contentorum catalogus systematicus*» (СПб., 1845).

Все научные труды Василия Яковлевича были написаны на немецком языке или на латыни. За его научные достижения он был избран действительным членом Императорской Российской Академии наук. Академиком стал и его сын Отто Васильевич (1819–1905), который продолжил дело отца и был вторым директором Пулковской обсерватории. Три его монографии также были представлены на выставке.

Третьим поколением астрономов Струве были два сына Отто Васильевича — Герман и Людвиг. Оба, окончив Петербургский университет, начали работать в Пулковской обсерватории. Людвиг Оттович (1858–1920) остался в России и стал директором Харьковской обсерватории, а Герман Оттович (1854–1920) перебрался с семьей в Германию и возглавил Берлинскую обсерваторию.

Четвертое поколение астрономов — это два кузена: Георг Германович, или Георг Отто Герман (1886–1933), который родился в Царском Селе, начинал работать в Пулковской обсерватории, но после уехал в Германию, и Отто Людвигович (1897–1963), родившийся в Харькове и окончивший Харьковский университет. Он участвовал в Гражданской войне в войсках Добровольческой армии А.И. Деникина и Русской армии П.Н. Врангеля и через Крым и Галлиполи попал в США. В Америке Отто Струве сделал блестящую научную карьеру и стал одним из известнейших астрономов мира.

Пятое поколение астрономов — это сын Георга Оттовича — Вильфред (1914–1992), работавший в Германии. Его публикаций в фондах БАН выявлено не было.

Научные интересы потомков Василия Яковлевича были разносторонними. Другой его сын — Генрих Васильевич (1822–1908), член-корреспондент Императорской Академии наук, был химиком. Сфера его научных интересов была обширна: от составления химических таблиц до болезней виноградников в Крыму и лечебных вод и грязей на Кавказе.

Кроме собственных 18 детей, родившихся в двух браках, Василий Яковлевич вырастил и четырех осиротевших племянников. Один из них, Федор Аристович (1816–1885), сын его брата Эрнста (1786–1822), филолог и историк, был ординарным профессором Казанского и Новороссийского университетов. Его работы тоже представлены на выставке.

* * *

Совсем другая, ненаучная, судьба была у еще одного сына Василия Яковлевича — Бернгарда Васильевича (1827–1889). После окончания Царскосельского лицея он был принят на государственную службу и дослужился до должности Астраханского вице-губернатора.

Позже Бернгард Васильевич получил предложение занять пост Пермского губернатора и в этой должности оставался пять лет. О жизни и работе в Перми он написал «Воспоминания о Сибири», напечатанные в нескольких номерах журнала «Русский вестник» за 1888 год. На выставке представлена эта работа, в год смерти автора вышедшая отдельным изданием.

В семье Бернгарда Васильевича было шестеро сыновей. Самый известный из них, младший, Петр Бернгардович (1870–1944), — экономист, философ, церковно-общественный, политический и государственный деятель; участник Четвертого конгресса II Интернационала (Лондон, 1896), автор «Манифеста Российской социал-демократической партии», написанного для Первого съезда РСДРП (Минск, 1898), член Центрального комитета Конституционно-демократической партии, депутат Второй Государственной думы (1907), профессор Петербургского университета (1913), доктор Кембриджского университета (1916), академик Российской академии наук по отделу политэкономии (13 мая 1917). Все это — вехи российского периода жизни П.Б. Струве.

9 декабря 1918 года Петр Бернгардович нелегально перешел границу с Финляндией и, прожив несколько месяцев в Хельсинки и Лондоне, остановился на полгода в Париже, где участвовал в работе «Совещания русских дипломатических представителей». В начале октября 1919-го он перебрался на юг России, где в Ростове-на-Дону возглавил редакцию газеты «Великая Россия». Затем входил в состав Особого Совещания при генерале А.И. Деникине, а после эвакуации из Новороссийска и встречи в марте 1919 года в Константинополе с П.Н. Врангелем вошел в состав правительства генерала П.Н. Врангеля в качестве начальника управления (министра) иностранных дел и почти все время существования этого правительства пребывал в разъездах с дипломатическими миссиями. Его сыновья Глеб и Алексей обучались в это время в Великобритании и Франции, а сын Константин (впоследствии известный архимандрит Савва, сотрудник Типографского монашеского братства преп. Иова Почаевского в селении Ладомирова в Словакии) успел побывать и в Добровольческих частях, и в плену у большевиков, но благополучно добрался в Европу... Супруга Петра Бернгардовича Антонина Александровна, дочь известного педагога А.Я. Герда, вместе с младшими сыновьями Львом и Аркадием оставалась в советском Петрограде, откуда выбралась в Финляндию, проделав длительное и очень опасное ночное путешествие в лодке через Финский залив... В начале октября 1920 года П.Б. Струве покинул Севастополь и уже не возвращался в Россию, а в конце октября воссоединился с семьей в Белграде.

Петр Бернгардович проживал в Праге (1922–1925), Париже (1925–1928), Белграде (1928–1942) и снова в Париже (1942–1944). Он выступил одним из главных организаторов «Русского Зарубежного съезда», принимал участие в работе Братства святой Софии и Русского студенческого христианского движения. Он редактировал журнал «Русская мысль» (в 1921–1927 гг. выходивший в Софии, Праге, Берлине и Париже), крупнейшую зарубежную русскую газету — парижское «Возрождение» (1925–1927), газеты «Россия» (1927–1928) и «Россия и славянство» (1928–1934). На страницах редактируемых им изданий весьма деятельно участвовал в полемике по поводу церковного разделения, возникшего в русском рассеянии. В 1930-е годы почти отошел от политической деятельности, читал лекции в Русском научном институте в Белграде.

Посвященный Петру Бернгардовичу раздел выставки открывается двухтомной биографией американского исследователя Ричарда Пайпса (Pipes R., *Struve: Liberal on the left. 1870–1905. Cambridge, 1970; Struve: Liberal on the right. 1905–1944, London, 1980*). В советское время заниматься изучением жизни и творчества П.Б. Струве было сложно. Работая в российских, европейских и американских архивах и библиотеках, Р. Пайпс тщательно проанализировал труды П.Б. Струве, историческую и политическую обстановку, в которой они создавались. В составленной Р. Пайпсом неполной библиографии работ П.Б. Струве 663 позиции (без учета сотен газетных статей). В России перевод этой книги вышел в Москве в 2001 году.

На выставке представлен был и первый печатный труд Петра Бернгардовича «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (СПб., 1894), сразу вызвавший ответную статью В.И. Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г-на Струве». Издания, отражающие продолжавшуюся долгие годы полемику Струве с Лениным, также экспонировались на выставке.

В БАН сохранились многие работы Струве, изданные в годы эмиграции. В основном это статьи в журналах на русском и европейских языках. Эта часть выставки заканчивается книгами о Петре Бернгардовиче, изданными за рубежом и в России.

Последний раздел выставки, «Семья Струве в эмиграции», посвящен ученым — потомкам Петра Бернгардовича.

Это сын П.Б. Струве Глеб Петрович — литературовед, историк и профессор Калифорнийского университета и здравствующий ныне во Франции внук — Никита Алексеевич — историк литературы и православной Церкви, автор первой научной биографии О.Э. Мандельштама, защита которой принесла ему степень доктора Парижского университета. С 1970 года и по настоящее время он является ответственным редактором журнала «Вестник Русского христианского движения» (крайне скудно представленного в фондах БАН), директором парижского христианского издательства YMCA-Press и до сего времени остается авторитетным специалистом по вопросам истории взаимоотношений русской церкви и советского государства. Их работы, к сожалению, далеко не все, также были представлены на выставке.

Из 178 экспонатов выставки, авторами которых стали девятнадцать представителей семьи Струве, 128 составили издания монографий, а 50 — различные периодические издания.

ОЛЬГА СКВОРЦОВА

IN MEMORIAM

Памяти Клода Дюрана

(9 ноября 1938 – 7 мая 2015)

Русскому читателю, живущему в России, мало знакомо имя Клода Дюрана — писателя, автора десяти романов, и, главным образом, издателя: с 1980-го по 2009 год он стоял во главе крупнейшего парижского издательства «Файяр». Но для русской культуры за границей Дюран сыграл крупнейшую роль, так как стал поверенным Солженицына по изданиям его сочинений на всех языках (кроме, разумеется, русского) и, как мы увидим далее, его скромным учеником.

С Клодом Дюраном я познакомился лет 45 тому назад в издательстве «Seuil», где он начинал свою издательскую карьеру, а я издал мою первую книгу «Les Chrétiens en URSS» (Христиане в СССР), посвященную гонениям на христиан в советской России. «Seuil», «порог» (по мысли издателей — к чему-то высшему) — был высококультурным католическим центром, где читались доклады: одна из его серий, озаглавленная «Миры Вселенной», была посвящена мировым религиям, и в ней под первым номером числилась книга тогда молодого богослова Иоанна Мейендорфа «О православии вчера и сегодня». К моменту моего знакомства с Клодом со стороны «Seuil» уже намечался интерес к Солженицыну. Появление в скором времени в Имка-Пресс первого узла «Августа Четырнадцатого» ставило задачу его возможно быстрого перевода и издания на французском языке. Так началось мое сотрудничество с Клодом, и тогда же он стал моим другом, каким оставался, без всякой навязчивости ни с его стороны,

ни и с моей, до самой своей смерти. И надо сказать, сотрудничество никак не страдало от наших добрых отношений. Для Клода они были в каком-то смысле условием, гарантией хорошей работы. Несколько месяцев спустя после высылки Солженицына на Запад в публикациях его иностранными издателями в Европе и в Америке возникла полная неразбериха, и Клод Дюран с директором «Seuil» Полем Фламаном, человеком большой культуры и редкого благородства, пожелали встретиться с Солженицыным. Он не отказался, но предупредил, что вряд ли сможет им уделить больше десяти минут. Встреча состоялась в Цюрихе и продлилась почти час. Солженицын был изумлен честностью и прямоотой обоих. Так Клод стал его поверенным в издательских делах с 1975 года и остался им и после смерти Исаича, при Наталье Димитриевне, вплоть до кончины самого издателя (и Наталья Димитриевна сочла своим долгом приехать из Москвы на его отпевание и участвовать в вечере его памяти). Сам Клод проникся духом Солженицына и после смерти великого писателя участвовал в посвященных ему чтениях как во Франции, так и в Москве. Дух Исаича отразился и в книгах Клода. Для одного своего романа он употребил название книги Солженицына «Раковый корпус», применив его к писательской среде (*Le Pavillon des écrivains*, Писательский корпус), а главное — посвятил ему целую книгу под названием «Агент Солженицына». В заключение я приведу ряд цитат из этой книги, но прежде упомяну одно поразительное качество Клода как редактора наших переводов. Он русского языка не знал и так и не выучил, но, проверяя наши переводы (а одних французских переводчиков он набрал два десятка), не только улучшал их стиль, но, при некоторых несуразностях, замечал неправильности в понимании русского текста!

Передадим слово самому Клоду Дюрану. Речь идет о заключительной части его речи, произнесенной в марте 2012 года на собрании в Париже в здании бывшего монастыря Сент-Бернарден, в двух шагах от Имка-Пресс.

«Я настаиваю на вопросе нашего долга в будущем, ибо автора “Архипелага Гулаг” и “Красного Колеса” — без сомнения, самого крупного писателя второй половины XX века — слишком поспешно записали в “пленники своего времени” <...> Будущие поколения будут, по нашей вине, жить хуже, чем мы,

мы их оставим под тяжестью наших долгов, жертвами наших оплошностей, без духовных и нравственных ориентиров. Им потребуется снова окунуться в уроки прошлого и распознать в них соответствующие направления к пропасти или к надежде!

Направления... С детства сформированный Церковью, я помню три действия — веры, упования и покаяния, которым когда-то нас научали по 10 Заповедям, и покаянную молитву. Архитектура и дух того места, где мы выступаем, вдохновляют меня. Позвольте в свободном пересказе обратиться к мастерским словам, написанным Солженицыным в годы его лютой борьбы с тоталитарным Людоедом. Речь идет о нескольких правилах жизни, обращенных к нам и нашим потомкам:

Не живи во лжи. Откажись от лжи. Не участвуй во лжи. Не говори того, что не думаешь.

Не жертвуй любовью к правде ради собственной славы или выгоды.

Полюбив родину, никогда не бери оружия против нее. Бесконечная любовь, которую ты питаешь к ней, позволяет тебе ее подвергать оплеухам и призывать ее к покаянию.

Вместо того, чтобы мечтать овладеть планетой, позаботься о своей душе, воспитай своих детей, обустрой свой дом.

Развивай смирение, оно обратно подчинению и раболепству.

Ищи виновного в самом себе, прежде чем желать вытеснить его из другого.

О социальных и национальных явлениях суди по категориям духовной жизни и личной этики.

Не бойся.

Побеждай лишь того, кто сам отказался от всего.

История — это ты. Только тебе и никому другому подобает взыскать на свою спину и вывести из тьмы то, на что ты надеешься и чего ждешь. Если ты не построишь сам то общество, к которому ты стремишься, твои глаза его никогда не увидят».

* * *

От себя скажу, что этим заветам Солженицына Клод Дюран пытался следовать всю свою жизнь, со свойственными ему простотой и смирением.

НИКИТА СТРУВЕ

«Кончина отца Александра трагична и славна одновременно...»

*(К 25-летию со дня смерти
отца Александра Меня)*

Сегодня, в день 25-летия со дня убийства отца Александра Меня, размышляя о трагических событиях тех лет, я понимаю, что мы с отцом Александром были не просто знакомы, но хорошо знакомы, были даже во многом близкими людьми — прежде всего, в духовном плане. Наверное, тогда, 25 лет назад, я бы не решился таким образом определять наши отношения, но сегодня, когда я все больше и больше возвращаюсь к тому, о чем мы тогда спорили и что обсуждали, я все лучше вижу, что мы были очень близки.

Мы познакомились с отцом Александром еще в середине 1970-х годов и много раз общались, начиная со встречи у отца Аркадия Шатова (нынешнего епископа Пантелеимона). Чем дальше, тем больше мы общались. Во второй половине 1980-х годов мы виделись регулярно — каждый месяц он меня приглашал к себе в гости, вместе с другими священнослужителями, которые, как считал отец Александр, разделяли его путь, его направление жизни, его взгляды или хотя бы были близки к ним — ведь никто не был обязан соглашаться со всем. И я, может быть, не полностью разделял позицию отца Александра, и поэтому у нас всегда были интересные дискуссии. Но главным основанием для наших встреч было единство по всем фундаментальным вопросам нашей церковной жизни, и именно это единство дает мне основание говорить, что между нами были не просто добрые дружественные отношения, но что-то безусловно большее. Причем, собирая этот круг общения, отец Александр был очень сдержанным и деликатным — он прекрасно понимал, что люди в церкви собираются настолько разные, что если сейчас начать что-то формулировать, то можно нарваться и на непонимание, и на

открытые разногласия, которых и без того было очень много в церковной среде. Он умело обходил эти разногласия, показывая нам пример. С ним можно было спорить, и он всегда очень благородно выслушивал оппонентов, достойно отвечал им. Он был человеком, который многое видел наперед. Именно потому я, вспоминая, как выступал отец Александр, как он собирал церковь, преисполнен к нему восхищения и уважения.

День убийства я и сегодня помню во всех подробностях. Я был дома. Мне позвонили и сообщили, что произошло, что отец Александр умирает.

А в день погребения, 11 сентября, на Праздник усекновения главы Иоанна Предтечи, я служил панихиду в Троицком храме города Электроугли. И я сказал проповедь, которая мне настолько врезалась в память, что я и сегодня ее помню дословно, что для меня вообще-то редкость. Я сказал, что это убийство никогда не будет раскрыто, что вариантов заказчиков немного, но они все такие, что убийца никогда не будет найден. Тогда же я сказал, что теперь на передовой будем все мы. Отец Александр вольно или невольно прикрывал нас всех, принимая удары на себя — удары и от органов, и от церковных фундаменталистов, и от еврейских националистов. А теперь на передовой будем все мы. И это сбылось, и 25 лет назад родились наши братства — и Преображенское, и Сретенское. Появился Свято-Филаретовский православно-христианский институт, ставший с самого первого дня работы мишенью для всякого рода антицерковных ударов. То же самое значительно позже было и с отцом Павлом Адельгеймом. В последние годы отец Павел выглядел в сознании церковной общественности как фигура номер один, которая принимала на себя все удары антицерковных сил.

Ныне же я оцениваю кончину отца Александра как трагическую, но и как славную одновременно. Трагична она потому, что на русской земле убили выдающегося священника, не просто попа, который помахал кадилом и всё — как говорили в семинарии, «паки и паки и семьсот рублей в кармане». Его смерть была неожиданной, как неожиданно всякое злодейство. Но славной она стала по той причине, — и это нельзя отрицать, и я думаю, что даже его враги не будут это отрицать, — что отец Александр умер за Христа. Он умер не по по-

воду тех или иных разногласий, касающихся экуменизма, отношения к иудеохристианству или каких-то иных претензий, которые ему в те годы предъявляли, нет. Прежде всего отец Александр служил Христу. И свидетельствовал о Христе — не только всей своей жизнью, но и своей смертью.

Священник Георгий Кочетков
09.09.2015

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции — *Н.А. Струве* 3

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

Из наследия митрополита Антония Сурожского

Общественное богослужение — *митрополит Антоний Сурожский (перевод и публикация Елены Майданович)* 6

Понимание миссии Церкви митрополитом Антонием Сурожским — *прот. Сергей Овсянников* 28

Георгий Флоровский о жизни преп. Серафима — *(публикация А. Брендон Галлахер, перевод Е.Л. Майданович)* . . 41

Последние письма с Понта — *свящ. Михаил Шполянский (публикация свящ. Алексея Квитко)* 54

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

«Написать правдивую историю Утопии и Маленького человека...»: беседа с «до-нобелевской» Светланой Алексиевич — *Виталий Амурский* 79

Материалы международной конференции «Лев Толстой и его время» (Бергамо – Милан)

Слово о Льве Толстом — *Ольга Седакова* 88

Христианин как человек живущий: от Льва Толстого к митрополиту Антонию Сурожскому — *Наталья Ликвинцева* 95

Протоиерей Александр Шмеман как читатель Льва Толстого — <i>Светлана Панич</i>	112
Александр Солженицын: возвращение к Толстому в условиях идеократии — <i>Светлана Мартыанова</i>	125
Письма духовных лиц к Надежде Яковлевне Мандельштам; воспоминания о ней (<i>публикация Сергея Бычкова</i>)	136

Поэзия

Стихи — <i>Дмитрий Строев</i>	154
Об Анне Васильевне Тимиревой (1893–1975). Переправа — <i>Юрий Кублановский</i>	167
Два поэта: Унгаретти и Хубулава — <i>свящ. Владимир Зелинский</i>	169
«Лицо этой ночи...». Тема смерти в творчестве Дж. Унгаретти — <i>Петр Епифанов</i>	171
Стихи — <i>Джузеппе Унгаретти</i> (<i>перевод П. Епифанова</i>)	177
Стихи — <i>Григорий Хубулава</i>	191

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Отрывки из Дневника (1941–1943) — <i>Этти Хиллесум</i> (<i>перевод и публикация Натальи Ликвинцевой</i>)	198
Сталин как иллюзия — <i>свящ. Владимир Зелинский</i>	211

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ЭМИГРАЦИИ

Переписка протоиерея Сергея Булгакова и священника Александра Ельчанинова (<i>публикация Н.А. Струве</i>)	217
Письмо протоиерея Сергея Булгакова митрополиту Евлогию (<i>публикация Антуана Нивьера</i>)	232
Шавильский съезд РСХД (<i>публикация Виктора Щедрина</i>)	235
<i>К 70-летию гибели матери Марии Скобцовой, мученицы Парижской: новые материалы</i>	
Письмо солдатам — <i>Мать Мария (Скобцова)</i> (<i>публикация Татьяны Викторовой</i>)	245

«Этого всего не изложишь...». Репатрианты о матери Марии (публикация <i>Алексея Вовка</i>)	247
«В мире, но не от мира» — <i>Элизабет Бер-Сижель</i> (перевод <i>Татьяны Викторовой</i>)	250

В МИРЕ КНИГ

Протопресвитер Николай Афанасьев. Церковь Божия во Христе — <i>Виктор Александров</i>	253
Жизнь и призвание доктора Манухина — <i>Виктор Леонидов</i>	256

ХРОНИКА

Съезд РСХД в Жамбилле, 10–11 октября 2015 года — <i>Виктор Александров</i>	259
Ответ Совета РСХД архиепископу Иову (Геча)	264
Съезд Западно-Европейского православного братства в Бордо (Взгляд из Петербурга) — <i>Александр Буров</i>	268
Конференция, посвященная наследию митрополита Антония Сурожского «Богословие и реальность» в Москве — <i>Наталья Ликвинцева</i>	273
Выставка в Римини, посвященная митрополиту Антонию Сурожскому — <i>Андрей Строцев</i>	283
Семья Струве в России и в эмиграции (<i>Выставка в Библиотеке Российской академии наук</i>) — <i>Ольга Скворцова</i>	289

IN MEMORIAM

Памяти Клода Дюрана (1938–2015) — <i>Никита Струве</i>	296
«Кончина отца Александра трагична и славна одновременно...» (К 25-летию со дня смерти отца Александра Меня) — <i>священник Георгий Кочетков</i>	299

SOMMAIRE

Éditorial — <i>Nikita Struve</i>	3
--	---

THÉOLOGIE, PHILOSOPHIE

L'héritage du métropolite Antoine de Souroge

Fondements de la prière liturgique — <i>métropolite Antoine de Souroge</i> (traduction et publication d'Elena Maïdanovitch)	6
--	---

Vision de l'Église du métropolite Antoine de Souroge — <i>archiprêtre Sergueï Ousiannikov</i>	28
--	----

Lettre du père Georges Folorovsky sur saint Séraphin de Sarov (publication de A. Brandon Gallaher, traduction d'E. Maïdanovitch)	41
--	----

Dernières lettres du Pont — <i>prêtre Mikhaïl Chpolianski</i> (publication du prêtre Alexeï Kvitko)	54
--	----

LITTÉRATURE ET ART

«Écrire une histoire véridique de l'Utopie et des petites gens»: entretien d'avant le Nobel avec Svetlana Alexievitch — <i>Vitali Amourski</i>	79
--	----

Textes du colloque international

«Léon Tolstoï et son temps» (Bergame — Milan)

À propos de Léon Tolstoï — <i>Olga Sedakova</i>	88
---	----

Le chrétien comme homme vivant: de Léon Tolstoï au métropolite Antoine de Souroge — <i>Natalia Likvintseva</i>	95
---	----

Le père Alexandre Schmemmann lecteur de Léon Tolstoï – <i>Svetlana Panitch</i>	112
Alexandre Soljénitsyne: retour à Tolstoï dans un contexte d'idéocratie – <i>Svetlana Martianova</i>	125
Lettres de prêtres à Nadejda Iakovlevna Mandelstam, témoignage d'un contemporain (<i>publication de Sergueï Bytchkov</i>).	136

Poésie

Poèmes – <i>Dmitri Strotsev</i>	154
Anna Vasilievna Timirieva (1893–1975). Traversée – <i>Youri Koublanovski</i>	167
Deux poètes: Ungaretti et Khouboulava – <i>père Vladimir Zelinski</i> . . .	169
«La face de cette nuit...». Le thème de la mort dans l'œuvre de Giuseppe Ungaretti – <i>Piotr Epifanov</i>	171
Poèmes – <i>Giuseppe Ungaretti (trad. P. Epifanov)</i>	177
Poèmes – <i>Grigori Khouboulava</i>	191

QUESTIONS DE SOCIÉTÉ

Etty Hillesum. Fragments du Journal (1941–1943) – <i>traduction et publication de Natalia Likvintseva</i>	198
Staline comme illusion – <i>père Vladimir Zelinski</i>	211

HISTOIRE DE L'ÉGLISE RUSSE DANS L'ÉMIGRATION

Correspondance des pères Serge Boulgakov et Alexandre Eltchaninoff – <i>publication de Nikita Struve</i>	217
Lettre du père Serge Boulgakov au métropolite Euloge – <i>publication d'Antoine Nivière</i>	232
Congrès orthodoxe de Chaville (mai 1933) – <i>publication de Viktor Chtchedrine</i>	235
<i>70e anniversaire de la mort de mère Marie Skobtsov, martyre de Paris. Nouveaux documents</i>	
Lettre aux soldats – <i>mère Marie Skobtsov (publication de Tatiana Victoroff)</i>	245

«Tout ne peut être exprimé dans une lettre...»: témoignages d'émigrés revenus en URSS au sujet de mère Marie — <i>publication d'Alekseï Vovk</i>	247
«Dans ce monde, mais pas de ce monde» — <i>Élisabeth Behr-Sigel</i> (traduction de <i>Tatiana Victoroff</i>)	250

LE MONDE DES LIVRES

<i>Père Nicolas Afanassieff. L'Église de Dieu en Christ —</i> <i>Viktor Aleksandrov</i>	253
Vie et vocation du docteur Manoukhine — <i>Viktor Leonidov</i>	256

CHRONIQUE

Congrès de l'ACER-MJO à Jambville (France), 10–11 octobre 2015 — <i>Viktor Aleksandrov</i>	259
Réponse du Conseil de l'ACER-MJO à l'archevêque Job Guetcha (traduction de <i>Daniel Struve</i>)	264
Congrès de la Fraternité orthodoxe d'Europe Occidentale à Bordeaux: regard de Saint-Petersbourg — <i>Alexandre Bourov</i> . . .	268
Colloque «Théologie et réalité» consacré à l'héritage du métropolite Antoine de Souroge à Moscou — <i>Natalia Likvintseva</i>	273
Exposition «Métropolite Antoine de Souroge» à Rimini — <i>André Strotsev</i>	283
La famille Struve en Russie et dans l'émigration (<i>Exposition de la Bibliothèque de l'Académie des sciences de Russie</i>) — <i>Olga Skvortsova</i>	289

IN MEMORIA

<i>In memoria</i> Claude Durand (1938–2015) — <i>Nikita Struve</i>	296
25 ^e anniversaire de la mort du père Alexandre Men: «La fin du père Alexandre est à la fois tragique et glorieuse» — <i>père Georges Kotchetkov</i>	299

Представители «Вестника»

США и КАНАДА

Natalia Ermolaev
Fr. Georges Florovsky Orthodox Christian Theological Society
Princeton University
Princeton, NY 08540
e-mail: nataliae@princeton.edu

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Olga Pattison
5 Rectory Crescent, Middle Barton,
OXON, OX 77 BD, UK
e-mail: olga.pattison@talk21.com

ЛАТВИЯ

Василий Минченко
121, Kr. Valdemara str., apt. 1
LV, 1013, Riga, Latvia
tel.: (371) 29147350
e-mail: vasilij@mailbox.riga.lv

ИТАЛИЯ

Dott. Vladimir Keidan,
Via Grimaldi Casta, 41, 00122 Roma, Italia
e-mail: v.keidan@mail.ru

ФИНЛЯНДИЯ

Елизаветинское сестричество
Elisabetian sisaristo
PL 120 Turku 20701 Finland – Suomi
tel. +358 40 734 7549
e-mail : elsisari@gmail.com

РОССИЯ

Москва

Смирнова Алина Владимировна
109240, Москва,
ул. Нижняя Радищевская, д. 2
тел. +7 (495) 915 10 47
vestnikrhd@mail.ru

Санкт-Петербург

Буровы Александр и Светлана
197375, Санкт-Петербург
ул. Вербная, д. 19/1, кв. 121
Тел. +7 (812) 230 77 12, +7 921 347 6688
e-mail: aburov05@rambler.ru

Екатеринбург

Иванова Оксана Витальевна
620034, Екатеринбург
ул. Черепанова, д. 18, кв. 83
тел. +7 (3432) 45 36 45

Воронеж

Дьякон Павел Строков
394000, Воронеж,
ул. Димитрова, д. 2, кв. 45
e-mail: d.p.strokov@gmail.com

Чувашская Республика

Спиридонова Людмила Сергеевна
Центр православной книги «Радонеж»
Национальная библиотека Чувашской Республики,
Чувашская Республика, 428000.
г. Чебоксары, пр. Ленина, д. 15
e-mail: sekretar@publib.cbх.ru

БЕЛОРУССИЯ

Дмитрий Строцев
220030, Минск,
ул. Карла Маркса, 20-13
тел. +37 529 771 1473
e-mail: dstrotsev@tut.by

Гомель

Свято-Никольский мужской монастырь
Гомельской епархии Белорусской Православной Церкви
246014, Республика Беларусь, Гомель, ул. Д. Бедного, 4
тел. деж. + 375 232 952335, тел./ факс + 375 232 719292
e-mail: gomelmonastery@mail.ru

УКРАИНА

Киев

Вадим Залевский, изд. «Дух и литера»
04070, Киев,
Ул. Волошская, д. 8/5, корп. 5, кв. 210
Тел. (044) 416 60 20
e-mail: franc@ukma.kiev.ua

Николаев

Шполянский Илья Михайлович
54001, Николаев,
Ул. Набережная, д. 5, кв. 13
e-mail: laik@ukr.net

Харьков

Филоненко Александр Семенович
61098, Харьков,
Полтавский шлях, д. 188, кв. 77
e-mail: afilonenko@yandex.ru

УЗБЕКИСТАН

Германов Валерий Александрович
700052, Ташкент-52,
ул. Коры-Ниязова, д. 102-а
e-mail: valery-germanov@rambler.ru

СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ВЕНГРИЯ

Valery Lepahin
6724 Szeged Vértói út., VI, 32
e-mail: lepahin@mail.ru

ЧЕХИЯ

Julia Jančáková
Nad Šutkou 22
18000, Praha 8
Tel. +420 777 827 073
e-mail: julia-prague@volny.cz

ПОЛЬША

Dmitry Lukashevich
mitry Lukshevich, 9
01-574 Warszawa
Polska / Poland
e-mail: dmitry.lukashevich@gmail.com

ВЕСТНИК

русского христианского
движения
№ 204

Подписано в печать 07.12.2015
Формат 60х90 1/16. Печ. л. 19,5